Кіевъ и Университетъ Св. Владиміра

при

Императорѣ Николаѣ I.



1825 г. 1855 г.



КІЕВЪ

И

УНИВЕРСИТЕТЪ Св. ВЛАДИМІРА

ПРИ

ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ I.

1825  1855.



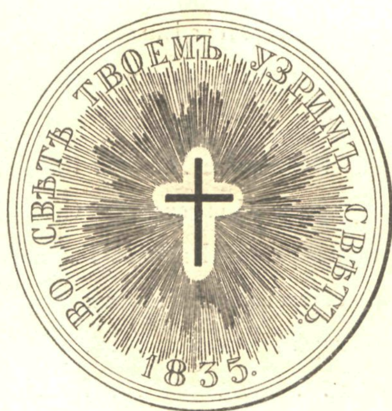
Изданіе Университета Св. Владиміра

съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская улица, № 4-й.
1896.





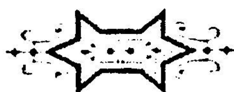


Изданіе исполнено въ мастерскихъ С. В. Кульженко

Въ Кіевѣ.



Оглавленіе.







Изданіе исполнено въ мастерскихъ С. В. Кульженко

Въ Кіевѣ.





Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Памятникъ Императору Николаю I.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ.

«Дай Богъ, чтобъ удалось мнѣ тебѣ сдать Россію такою, какою я стремился ее поставить, сильной, самостоятельной и добродѣющей—намъ добро—никому зло».

(Слова, сказанныя Имп. Николаемъ Павловичемъ Наслѣднику престола въ 1850 году).

Предъ Университетомъ Св. Владиміра воздвигнутъ памятникъ Императору Николаю Павловичу, напоминающій о Его славныхъ государственныхъ дѣяніяхъ. Университету, имъ созданному, подобаетъ въ годъ открытія этого памятника, совпадающій съ столѣтіемъ рожденія Императора, напомнить о дѣлахъ и подвигахъ этого могучаго Государя, поскольку они касаются первопрестольнаго Кіева и Университета Св. Владиміра. Эти дѣла и подвиги обрисуются, когда мы разсмотримъ положеніе Кіева и Университета Св. Владиміра въ доблестное царствованіе Николая Павловича. Но для лучшаго выясненія этого положенія мы разсмотримъ то, что ему предшествовало.

Отношеніе Императора къ городу Кіеву и Университету Св. Владиміра послѣдовательно вытекало изъ основного принципа его политики.

Истинный преемникъ московскихъ собирателей русской земли, Императоръ Николай I глубоко былъ проникнутъ идеей ея единства и нераздѣльности. Онъ всегда помнилъ, какъ слагалась она многовѣковой страдой православной русской націи, которая по праву поэтому должна на ней господствовать, подчиняя и претворяя въ себѣ разнообразные иноплеменные элементы, судьбами исторіи связанные съ великимъ рус-



скимъ племенемъ. Проникнутый идеей «священной обязанности попеченія объ общемъ благѣ», какъ говоритъ одинъ изъ его указовъ 1826 г., онъ думалъ, что на Русской землѣ должна господствовать всесильная власть монарха. Эта власть самимъ Богомъ поставлена надъ православнымъ русскимъ народомъ, чтобы руководить его историческими судьбами; чтобы споспѣшествовать ему въ достиженіи цѣлей, намѣченныхъ Провидѣніемъ. Эти цѣли отличны отъ тѣхъ цѣлей, которыя разрѣшаютъ другіе народы.

Задачи русскаго народа своеобразны и опредѣляются его индивидуальными національными особенностями. Государственный строй, органически выработанный русскимъ племенемъ, отличенъ отъ конституціоннаго западно-европейскаго: власть русскаго монарха—отеческаго, патріархальнаго характера: она блюдетъ за его нравственностью въ такой же мѣрѣ, какъ за его безопасностью и благосостояніемъ. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ указовъ 11 мая 1826 года Государь повелѣвалъ составить при общемъ собраніи С.-Петербургскихъ департаментовъ сената комитетъ изъ трехъ сенаторовъ и одного оберъ-прокурора для соображенія существующихъ законовъ къ искорененію лихоимства и лиходательства (2-е П. С. З. т. I. № 328), которыя такъ оскорбляли его чистую душу. Глубоко религіозный, онъ желалъ водворить благочиніе въ храмахъ Божіихъ и въ 1829 году предписывалъ, чтобы начальства доносили ему немедленно о всѣхъ его нарушеніяхъ.

Служа этой политической идеѣ со всей энергіей, къ какой только была способна его державная, чисто государственная натура, Государь, однако-жъ, чутко понималъ своимъ инстинктомъ, что одной силы и могущества государственной власти еще мало для полнаго разрѣшенія русскимъ народомъ его историческихъ задачъ; что наука и искусство—великіе пособники въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ ихъ покровителемъ-меценатомъ въ истинномъ смыслѣ слова.

При немъ писали Пушкинъ и Гоголь, произведеніями которыхъ онъ наслаждался, относясь къ ихъ творцамъ съ родительской заботливостью.





При немъ создавали свои картины Брюловъ и Ивановъ, а Глинка клалъ основанiе русской музыкѣ. При немъ въ лицѣ Полевого, Надеждина и Краевскаго зарождалась русская журналистика, влiяющая на общественное мнѣнiе, а Бѣлинскiй писалъ свои горячiя талантливыя статьи. При немъ создана была Археографическая коммиссiя, давшая возможность поставить русскую исторiю на прочныя основы. Университетскимъ уставомъ 1835 г. онъ поднялъ значенiе русскаго университета на такую высоту, на какой онъ никогда не стоялъ. При немъ министрами народнаго просвѣщенiя были Уваровы, попечителями учебныхъ округовъ—Строгановы и фонъ Брадке, на каѳедрахъ сидѣли Грановскiе и Соловьевы.

Явленiе это, конечно, не случайное: личность монарха, его вкусы и стремленiя налагаютъ отпечатокъ на всю его эпоху, особенно у насъ въ Россiи. Процвѣтанiе русскаго университета, русской науки, русскаго искусства въ царствованiе русскаго Николая I въ значительной степени обусловливалось его личными свойствами.

Своей задачей въ юго-западномъ краѣ Императоръ поставилъ завершить возсоединенiе этой искони русской окраины, начатое Екатериной II. Но репрессивныя, дисциплинарныя мѣры, по глубокому инстинкту Государя, тутъ недостаточны: болѣе надежнымъ средствомъ онъ считалъ силы науки и образованiя. Съ этой цѣлью онъ и создалъ Университетъ Св. Владимiра, озарившiй свѣтомъ науки юго-западный край,—свѣтомъ, при блескѣ котораго должно исчезнуть все ложное и фальшивое,—а возсiять должны правда, истина и добро. Университетъ Св. Владимiра—наилучшiй памятникъ великому Государю, самое краснорѣчивое доказательство его пониманiя государственнаго значенiя науки и широкаго университетскаго образованiя, и для Университета Св. Владимiра должна быть завѣтна память его основателя, въ благодарность которому онъ долженъ неуклонно идти по начертанному имъ патрiотическому и нацiональному пути.







Глава I.

Кіевъ въ царствованіе Императора Николая I.

«Кто убо не возлюбитъ Кіевскаго княженія, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ русскимъ— Кіевъ».

Русская лѣтопись по Никонову списку.

«Среди множества городовъ обширной Русской Имперіи— Кіевъ, Москва и Петербургъ возвышаются какъ три великіе памятника трехъ великихъ періодовъ русской жизни».

М. Максимовичъ.

1. Важнѣйшіе моменты въ историческомъ развитіи Кіева до Императора Николая I.

Перемѣнчивы были судьбы Кіева. Центръ Русской земли, въ которомъ зародилась идея русскаго государства и русской народности, передалъ ея осуществленіе Москвѣ.

Москва возростала—Кіевъ падалъ. Послѣ погрома, нанесеннаго южной Руси продолжительными княжескими усобицами и татарскимъ нашествіемъ (XII—XIII в.), Кіевъ утратилъ свое прежнее значеніе, а господство Литвы создало для него такой новый порядокъ вещей, при которомъ онъ не могъ подняться.

Прежняя тѣсная связь между южной и сѣверной Русью была прервана. Но все-таки Кіевъ не вполнѣ утратилъ свое притягательное общерусское значеніе. Подчиненіе Литвы польскому вліянію оказало воздѣйствіе на судьбу южной Руси и Кіева. Началась полонизація края и окатоличеніе Кіева: появляется латинская епископія, строятся латинскія церкви, и Кіевъ—мать Русской земли и православія—дѣлается польскимъ





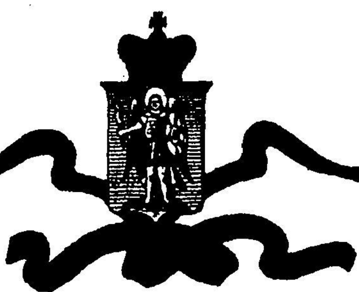
городомъ: въ пользу уніатовъ отбираются важнѣйшіе церкви (Софійскій соборъ) и монастыри (Выдубицкій); учреждается іезуитскій коллегіумъ; дѣлаются нападенія на монастыри (въ 1630 г. на Печерскій). Въ лицѣ кіевскаго воеводы К. К. Острожскаго и митрополита Петра Могилы южная Русь и Кіевъ стараются отстоять свое православіе и свою народность. Съ этими славными именами связывается развитіе печатнаго дѣла и основаніе училищъ, причемъ Кіево-Братское училище преобразуется въ коллегію.

По мѣрѣ того, какъ выростала бѣлокаменная Москва, а въ ней выросталъ грозный царь—объединитель Руси—горизонтъ русскаго міра сталъ расширяться: начиная съ Ивана III въ сношеніяхъ московскаго правительства съ польско-литовскимъ красной нитью проходитъ намѣреніе добиться возвращенія «искони вѣчной вотчины—Кіева съ его уѣздомъ и пригородами» *).

Подчиненіе Малороссіи Москвѣ приблизило рѣшеніе капитальнаго вопроса о томъ, кому долженъ принадлежать Кіевъ—Москвѣ или Варшавѣ? Царь Алексѣй Михайловичъ, занявъ своими войсками Кіевъ, всячески старался удержать его. «Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ по прежнему Кіевскимъ писаться», писалось посламъ, трактовавшимъ съ Польшей о мирѣ. По Андрусовскому перемирію Кіевъ оставленъ былъ на 2 года во владѣніи царя. Но онъ уже не могъ быть возвращенъ Польшѣ, какъ ни хлопотали о томъ поляки. Окончательно по вѣчному миру 1686 года Польша навсегда уступила Кіевъ Россіи, а вслѣдъ затѣмъ состоялось подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху.

Подчинившись польскому владычеству, Кіевъ все таки не переставалъ сохранять значеніе религіознаго центра Русской земли, и завѣтныя традиціи, что когда-то онъ былъ ея колыбелью, не могли быть стерты іезуитскими замыслами.

*) Кіевскими пригородами считались: Житомиръ, Овручъ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкассы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь.





Въ XVII в. еще болѣе возростаетъ такое его значенie: паломничество изъ московскихъ предѣловъ увеличивается. Побывавъ въ Кiевѣ, московскiе паломники говорили: «другой лавры, подобной Кiево-Печерской, не сыщешь въ нашемъ русскомъ государствѣ». Въ то-же время Кiевъ служитъ просвѣщенiю Москвы: Ртищевъ, Морозовъ и Никонъ покровительствуютъ кiевлянамъ и посылаютъ москвичей учиться въ Кiевъ. Ученикъ кiевской коллегiи Симеонъ Полоцкiй является наставникомъ дѣтей царя Алексѣя Михайловича.

Какъ только Кiевъ подчинился Москвѣ, правительство стало смотрѣть на него, какъ на важный стратегическiй пунктъ въ отношенiи къ Польшѣ и Турцiи, какъ на городъ, съ обладанiемъ котораго связано обладанiе юго-западнымъ краемъ.

Уже первый кiевскiй воевода, князь Ѳ. С. Куракинъ, исправляетъ и расширяетъ укрѣпленiя вокругъ Стараго города—Кiевскаго Кремля. Въ 1679 году, въ ожиданiи нападенiя турокъ, Кiевъ былъ огражденъ «многими крѣпкими валами» и между прочимъ—вокругъ Печерскаго монастыря. Фортификацiонныя работы возложены были потомъ на извѣстнаго Патрика Гордона, сотрудника Петра.

Какой-же внѣшнiй видъ имѣлъ Кiевъ въ эпоху присоединенiя къ Москвѣ?

По свидѣтельству Боплана, относящемуся къ 1640 г., всѣ кiевскiя улицы, исключая трехъ довольно красивыхъ, представляли ничто иное, какъ неправильные кривые переулки, родъ лабиринта; дома были низкiе, въ одинъ этажъ; вмѣсто свѣчъ—свѣтили лучиной.

Постройка каменныхъ домовъ въ Кiевѣ началась съ конца XVII вѣка, и однимъ изъ первыхъ былъ построенъ магистратъ, сгорѣвшiй во время страшнаго пожара 9 iюня 1811 года.

Московскiе государи и малороссiйскiе гетманы возобновляютъ кiевскiя святыни, обогащая своими приношенiями: даже богослужебныя книги посылаются въ Кiевъ изъ Москвы.





Считая Кіевъ крѣпостію, охраняющею страну отъ внѣшнихъ вторженій, «прямымъ замкомъ Московскому государству», не забываютъ его просвѣтительнаго значенія: Петръ Великій въ 1701 году даруетъ Кіево-Братской коллегіи названіе академіи—равное «инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ». «Кіевъ—городъ пограничный и другимъ губерніямъ не примѣръ», выразился о немъ кіевскій генералъ-губернаторъ князь И. Ю. Трубецкой.

Шведская война и опасенія со стороны Турціи заставили Петра Великаго обратить особенное вниманіе на Кіевъ. 4 іюля 1706 года, на пути изъ Гродно, онъ прибылъ въ Кіевъ. На другой день онъ посѣтилъ Софійскій соборъ, гдѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ въ его присутствіи проповѣдь, которая обратила на него вниманіе Государя. Осмотрѣвъ всѣ рѣдкости Софійскаго собора, Государь посѣтилъ академію и Печерскій монастырь, вокругъ котораго распорядился построить новую крѣпость, опредѣливъ ея размѣры и очертанія. Крѣпость была заложена въ его присутствіи 15 августа, а надзоръ за работами былъ порученъ гетману Мазепѣ. Пробывъ въ Кіевѣ полтора мѣсяца, Преобразователь посѣтилъ его вновь въ декабрѣ того-же года и опять въ 1709 г., послѣ полтавской побѣды. Въ 1718 году погорѣли Печерская лавра и Подолъ съ церквами: Петръ Великій назначилъ значительную сумму на возобновленіе лавры, которое совершилось въ царствованіе Петра II.

Во время войны съ Турціей (1734—1737) Минихъ укрѣпилъ Старый Кіевъ: поверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій насыпалъ огромный валъ, обходящій вокругъ Стараго города и соединилъ его съ Подоломъ посредствомъ палисадовъ, а къ Печерской крѣпости провелъ ретраншементы. Но Золотыя ворота закрыты были землею въ 1750 г. «для сохраненія вида древности»; въ такомъ видѣ и оставались они до 1832 года. Постройка лаврской колокольни начата была въ 1731 и закончена въ 1745 г. архитекторомъ Шейденомъ.

Императрица Елизавета Петровна подтвердила всѣ права города Кіева и его Академіи и въ 1744 году посѣтила Кіевъ въ сопровожденіи На-



слѣдника Великаго Князя Петра Θедоровича и его супруги. Императрица остановилась въ Печерской лаврѣ и провела въ Кіевѣ около трехъ недѣль (съ 25 августа по 12 сентября).

Въ лѣтописяхъ Академіи сохранились извѣстія о ея двукратномъ посѣщеніи этой послѣдней, и между прочимъ — во время нарочно устроеннаго диспута ректоръ академіи, архимандритъ Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь на тему о томъ, «коликое счастіе государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель Государь», а профессоръ греческой словесности, іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій, поднесъ Наслѣднику престола переведенную имъ книгу «Зерцало должности государей».

Во время своего пребыванія въ Кіевѣ, Императрица заложила, на мѣстѣ ветхой, каменную церковь апостола Андрея, выстроенную по чертежамъ знаменитаго графа Растрелли и освященную въ 1767 году, и пожаловала сумму на постройку каменной церкви Св. Георгія близъ Софійскаго собора вмѣсто деревянной, выстроенной въ 1674 году княземъ Ю. Т. Трубецкимъ и русскими ратниками на мѣстѣ монастыря, воздвигнутаго Ярославомъ I и разореннаго Батыемъ. Въ царствованіе Елизаветы Петровны выстроенъ былъ также (ок. 1753 г.) деревянный на каменномъ нижнемъ ярусѣ, съ каменными флигелями, дворецъ, позади котораго былъ разбитъ обширный садъ, называемый царскимъ. Этотъ дворецъ сгорѣлъ въ 1819 году и возобновленный послужилъ потомъ для помѣщенія заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, пока не былъ перестроенъ въ нынѣшній императорскій дворецъ.

Прибытіе Императрицы Елизаветы въ Кіевъ вызвало очистку города и приведеніе въ порядокъ его базаровъ, лавокъ и площадей. Но благоустройство города развивалось медленно: изъ вѣдомости 1760 г. видно, что на Печерскѣ въ это время было 2245 дворовъ «всѣ деревянные, а каменныхъ ничьихъ дворовъ не имѣется»; на Подолѣ «обывательскихъ каменныхъ домовъ до 5, а прочіе всѣ дома деревянные, которыхъ числомъ 3377».

Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ посылались изъ Кіева ко дворцу грецкіе и волошскіе орѣхи и фрукты. При Елизаветѣ Петровнѣ изготовле-



ніе фруктовъ и ягодъ развивается: въ Кіевѣ заготовляются запасы вареныхъ фруктовъ для двора, и съ этой цѣлью посланъ былъ «конфектный подмастерье» Францъ Андреасъ съ учениками. Екатерина II упрочила славу кіевскаго варенья и содѣйствовала значительному распространенію этого мѣстнаго промысла.

Въ царствованіе Екатерины II значеніе Кіева подымается: его посѣщаютъ знатныя лица. Въ 1780 г. его посѣщаетъ римско-нѣмецкій императоръ Іосифъ II, отправлявшійся на свиданіе съ Императрицей Екатериной II въ Могилевъ и путешествовавшій подъ именемъ графа Фалькенштейна. Въ слѣдующемъ 1781 г., на пути за границу, его посѣщаетъ Великій Князь Павелъ Петровичъ со своей супругой Маріей Ѳеодоровной. Графъ Румянцевъ устроилъ имъ блестящій пріемъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Кіевъ посѣтила Императрица Екатерина II, на пути въ Крымъ, послѣ отъѣзда изъ котораго въ 1785 г. состоялось объявленіе 2-й турецкой войны.

Графу Румянцеву стоило большихъ хлопотъ приготовить городъ къ пріему двора, такъ какъ Императрица пробыла здѣсь около 3 мѣсяцевъ (29 января—22 апрѣля), при чемъ ее сопровождали иностранные послы и многочисленная свита, а въ Кіевъ пріѣхали толпы поляковъ и множество иностранцевъ.

О наплывѣ пріѣзжихъ въ Кіевъ Императрица писала Н. Н. Салтыкову: «У насъ здѣсь четыре графа, грандъ еспань, князья имперіи безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, на многихъ страницахъ всѣхъ не перечтешь; съ роду столько иноязычныхъ не видѣла; даже киргизы и тѣ здѣсь очутились; и все сіе по кіевскимъ хоромамъ живетъ и не понятно, какъ умѣщаются»? Ежедневные оффиціальные пріемы, балы, маскарады, обѣды, поѣздки по церквамъ и монастырямъ смѣняли другъ друга. Посѣщая храмы, Императрица обратила вниманіе на краснорѣчиваго проповѣдника, протоіерея Софійскаго собора И. В. Леванду.

2





«Всѣ эти дни», писала Императрица Гримму, «мы провели въ балахъ, праздникахъ, маскарадахъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, наступилъ, слава Богу, постъ и положилъ конецъ всей этой суматохѣ. Пол-Польши съѣхалось сюда. Пріѣхалъ испанскій грандъ, принцъ Нассауский и еще одинъ испанецъ, по фамиліи Миранда. Все это, когда разъѣдется, станетъ говорить, что не стоило пріѣзжать. Странный здѣшній городъ: онъ весь состоитъ изъ укрѣпленій да изъ предмѣстій, а самаго города я до сихъ поръ не могу доискаться; между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ старину онъ былъ по крайней мѣрѣ съ Москву». Всегда внимательная къ интересамъ просвѣщенія, Императрица посѣтила академію. Тогдашній ректоръ, Варлаамъ Миславскій, привѣтствовалъ ее краткой рѣчью, въ которой изобразилъ ходъ просвѣщенія въ Россіи, охарактеризовавъ его словами: «Владиміръ насади, Ярославъ распространи, Петръ напои, а премудрая Екатерина II возрасти и утверди». Государыня надѣлила академію многими правами, между прочимъ правомъ—завести типографію при Кіево-Печерской лаврѣ.

Образовательное значеніе академіи еще болѣе увеличилось; по словамъ Лерхе, она часто называлась университетомъ, въ стѣнахъ котораго воспиталось много просвѣщенныхъ русскихъ людей. Въ ней учились Безбородко, Завадовскій, Козицкій, Трощинскій; она дала Россіи ученыхъ, профессоровъ, врачей, писателей (Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Рубанъ, Прокоповичъ-Антонскій, Сохацкій, Тимковскій, пѣвецъ-композиторъ Ведель и др.). На помощь академіи вскорѣ (1789 г.) было открыто на Подолѣ Главное Народное Училище, съ большою торжественностью: изъ магистратскихъ пушекъ произведенъ 31 выстрѣлъ, а Леванда сказалъ свое краснорѣчивое слово о важности открываемаго училища.

Во время своего пребыванія въ Кіевѣ, Екатерина II утвердила первый правильный планъ города, составленный генералъ-аншефомъ Меллеромъ и графомъ А. П. Шуваловымъ, по которому предполагалось весь городъ сосредоточить на высотахъ, начиная съ Печерской крѣпости къ Старому Кіеву. Туда должны были постепенно переселиться жители По-





дола, который упразднялся, какъ городская часть, а мѣсто, имъ занимаемое, предназначалось для дачъ. Главной частію города имѣла быть Кіево-Печерская. Этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, а указомъ 13 октября 1797 г. уничтоженіе Подола совсѣмъ было отмѣнено и даже подтверждено стараться объ увеличеніи въ немъ числа каменныхъ домовъ.

Мы видѣли, каковъ былъ внѣшній видъ города во время пребыванія въ немъ Императрицы Екатерины II: въ Кіевѣ она видѣла только хижины да укрѣпленія, самого-же города не могла доискаться. Свидѣтельство другихъ современниковъ говоритъ также о крайне неудовлетворительномъ внѣшнемъ видѣ и благоустройствѣ города. Уставъ благочинія 1782 года значительно расширилъ задачи полиціи и раздѣлилъ городъ на части и кварталы, но мало улучшилъ его благоустройство. Дума несла значительный расходъ на содержаніе «водосточныхъ трубъ и фонтальныхъ колодцевъ», но эти трубы были деревянныя и требовали безпрестаннаго ремонта. Очистка городскихъ улицъ отъ сора и нечистотъ производилась лишь въ важнѣйшихъ пунктахъ. Въ апрѣлѣ 1786 г. городничій предложилъ думѣ купить 12 паръ воловъ для удобнѣйшей очистки городскихъ улицъ, но дума отклонила это предложеніе. Только въ случаѣ проѣзда именитыхъ особъ дѣлались распоряженія о прокладкѣ мостовыхъ, нарочитомъ устройствѣ фонарей—по два предъ каждымъ домомъ, удаленіи снующихъ по городу животныхъ, усмиреніи пьяницъ и воровъ и т. п. Городская богадѣльня, содержавшаяся на частныя средства, часто бѣдствовала вслѣдствіе отказа во взносѣ обычныхъ подаяній. Пожарныя трубы были въ самомъ жалкомъ состояніи, несмотря на старанія гр. Румянцева лучше организовать пожарную команду. Городская дума не имѣла точныхъ свѣдѣній о доходахъ городского имущества и различныхъ оброчныхъ статей, а правильной смѣты доходовъ и расходовъ не существовало.

Одинъ изъ спутниковъ Екатерины писалъ: «Когда вы приближаетесь къ Кіеву, то городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣд-





кой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви съ зелеными или даже вызолочеными куполами. Но очарованіе исчезнетъ, когда вы очутитесь внутри этого жалкаго города. Все, что доставляется водою—лѣса и товары—необходимо везти съ Подола въ верхнія части города, въ которыхъ иногда не достаетъ воды для питья. На Подолѣ, по случаю глубокой грязи, улицы вымощены сплоченными брусьями, а если во время сухой погоды случается пожаръ, то огонь легко обхватываетъ и дома, и улицы. На Печерскѣ я видѣлъ, какъ экипажъ, запряженный парой лошадей, долженъ былъ оставаться въ грязи, а въ другой разъ шесть лошадей не могли вытащить экипажа изъ ужаснаго омута. Въ верхнемъ городѣ есть одинъ только каменный красивый домъ, который построенъ монахами, а теперь принадлежитъ казнѣ. Дворецъ въ Кіевѣ выстроенъ изъ дерева, а при немъ разведенъ большой садъ, красотѣ котораго содѣйствуетъ мѣстоположеніе, но не хорошо содержится... При малѣйшемъ дождѣ или оттепели дѣлается непроходимая грязь, а пыль лѣтомъ нестерпима». Понятенъ отвѣтъ англійскаго посла Фицъ-Герберта на вопросъ Екатерины II о Кіевѣ: «Если сказать правду», отвѣчалъ онъ, «такъ это незавидное мѣсто,—видишь только развалины да избушки». Французскій посланникъ гр. Сегюръ не расходился со своимъ англійскимъ собратомъ: «Кіевъ представляетъ собою воспоминаніе и надежды будущаго».

Чтобы поднять благосостояніе города, Екатерина II вызвала колонистовъ, между прочимъ нѣмцевъ. Послѣдніе имѣли свою кирку, названную въ честь Императрицы. Благодаря нѣмецкимъ поселенцамъ появляются въ Кіевѣ, не имѣвшемъ еще въ 1792 г. ни ресторана, ни хорошаго трактира, нѣкоторые новые ремесла и промыслы. Бунге, родоначальникъ недавно оплаканнаго предсѣдателя комитета министровъ, заводитъ хорошо устроенную частную аптеку.

Какъ ни старалась Государыня поднять городское благоустройство Кіева, ей это не удавалось, между прочимъ—и по запутанности системы городского управленія.





Кіеву, при польскомъ владычествѣ, навязано было нѣмецкое магдебургское право. Пользованіе этимъ правомъ подвергалось безпрестаннымъ колебаніямъ, сообразно съ устройствомъ управленія во всемъ краѣ. Малороссійскіе гетманы постоянно стремились подчинить Кіевъ своей власти, умаляя власть генералъ-губернатора и губернатора. Съ распространеніемъ на Кіевъ губернскихъ учрежденій 1775 г., хозяйственная часть города поступила въ завѣдываніе казенной палаты, административная и полицейская возложены были на губернатора, военная на коменданта, а судопроизводство и нѣкоторыя отрасли городского хозяйства предоставлены были магистрату, на основаніи магдебургскаго права, которому были подчинены мѣстные граждане нижнихъ частей города, тогда какъ Верхній городъ, какъ назывался Старый Кіевъ, находился подъ непосредственнымъ управленіемъ высшей администраціи. Съ изданіемъ городского положенія 1785 г., не вполнѣ примѣненнаго къ Кіеву, мѣстныя особенности устранены не совсѣмъ, и до позднѣйшаго времени сохранился, напримѣръ, «мѣщанскій корпусъ»—изъ пѣшихъ и конныхъ мѣщанъ.

Причиной медленнаго роста Кіева и его торгово-промышленнаго процвѣтанія одинъ изъ современниковъ считаетъ то обстоятельство, что магистратъ не давалъ права на гражданство пришельцамъ и не позволялъ имъ имѣть собственные дома. Печальное состояніе торговли Кіева во второй половинѣ XVIII вѣка вполнѣ подтверждается признаніемъ самаго магистрата.

Заводовъ и фабрикъ почти не существовало: заводъ сальныхъ свѣчей былъ устроенъ только въ 1811 году на Печерскѣ купцомъ Ходуновымъ; заводъ литейный былъ устроенъ братьями Дегтеревыми, переселившимися изъ Калуги въ первой четверти этого столѣтія. Главнымъ промысломъ было винокуреніе. Фабрикація водки и напитковъ—единственное производство, существовавшее въ Кіевѣ. Нынѣшній Крещатикъ былъ обращенъ чуть не въ сплошную винокуренную слободу. Винокурни были разбросаны и вокругъ всего Кіева. На одномъ Подолѣ, въ магистратскихъ шинкахъ, выпивалось ежегодно 25—30 тысячъ ведеръ



водки, доставлявшихъ магистрату 10000 р. ежегоднаго дохода. Понятно отсюда, почему право винокуренія вызывало тогда въ Кіевѣ такую ожесточенную борьбу между мѣщанами и казаками, между магистратомъ и монастырями. Послѣдніе дорожили своимъ правомъ винокуренія не менѣе другихъ. Печерская лавра, соборъ Софійскій, монастыри Михайловскій и Никольскій имѣли свои многочисленныя винокурни и вели питейную продажу на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Въ виду множества шинковъ, украшавшихъ тогда всѣ улицы города и его предмѣстій, понятными становятся слова путешественника Лукьянова о жителяхъ Кіева: «На Подолѣ строеніе узорчато, тщательны, лихоманы и много у нихъ чудотворныхъ иконъ, а письмо иное кажется живопись; сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу, и къ нищимъ податливы вельми. Да шинки ихъ въ конецъ разорили, да кабы изъ того у нихъ сильно скаредно; и добрый человѣкъ худымъ будетъ».

Несмотря на такое печальное положеніе, въ которомъ находился Кіевъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, его историческое и естественно-географическое значеніе было таково, что возникалъ вопросъ о переводѣ туда столицы. Вотъ что писала Екатерина своему постоянному корреспонденту Гримму по этому поводу: «Изъ исторіи Россіи видно, что народы, жившіе на сѣверѣ государства, легко подчиняли себѣ народы, жившіе на югѣ; южные-же жители, предоставленные самимъ себѣ, были всегда слабы и не имѣли прочнаго могущества, тогда какъ сѣверъ легко обходится безъ юга или безъ южныхъ странъ. Но по моему мнѣнію, настоящая столица Имперіи еще не найдена, и по всей вѣроятности не мнѣ ее найти. Если-бъ въ шведскую войну меня здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) не было, то потребовались бы шестьдесятъ тысячъ лишняго войска для противодѣйствія стремительному нападенію шведовъ». И она радовалась, что «народная ненависть къ Петербургу» уменьшалась.

Не удалось великой государынѣ поднять благосостояніе Кіева, но она хорошо понимала его значеніе и стремилась ослабить его полонизацію. Этой цѣли, между прочимъ, она старалась достичь присоединені-



емъ къ Кіеву въ административномъ отношеніи лѣвобережной Малороссіи. Съ открытіемъ въ 1782 году кіевскаго намѣстничества, къ нему была причислена почти вся нынѣшняя Полтавская губернія и нѣкоторыя части Черниговской: составъ должностныхъ лицъ почти всецѣло состоялъ изъ малороссовъ-уроженцевъ лѣвобережныхъ.

Другимъ характеромъ проникнута была политика Императора Павла: онъ льготилъ историческимъ особенностямъ окраинъ; онъ какъ-бы стремился въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ возстановить польскія традиціи, навязанныя краю.

Что касается Кіева, то онъ былъ назначенъ губернскимъ городомъ образованной въ 1797 году Кіевской губерніи.

Въ противоположность екатерининскимъ порядкамъ, отъ Кіева были отдѣлены лѣвобережные уѣзды, и Кіевъ сдѣлался центромъ ополяченнаго праваго берега: число малорусскихъ и русскихъ чиновниковъ стало уменьшаться, и въ такой-же степени стало увеличиваться количество служащихъ польскаго происхожденія.

Вѣрный своей системѣ реставраціи польской старины, Императоръ Павелъ въ 1798 году возстановилъ магдебургское право. Возродился магистратъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними польско-нѣмецкими наименованіями его членовъ. Возстановлена была издавна введенная въ Кіевѣ 6 января и 1 августа муниципальная церемонія: «всѣми цехами при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадяхъ выѣзжать на р. Днѣпръ при освященіи воды пальбу производить».

Независимо отъ того магистратъ получилъ въ свое вѣдѣніе вновь учрежденную въ 1798 году, на мѣстѣ остатковъ погорѣвшаго Межигорскаго монастыря, фабрику фаянсовыхъ издѣлій, переданную потомъ въ вѣдомство кабинета, а въ 1874 году совсѣмъ прекратившую свое существованіе, и на мѣстѣ фабрики въ послѣднее время былъ возстановленъ монастырь.





Къ концу XVIII вѣка число домовъ и зданій въ Кіевѣ показывалось слѣдующее по вѣдомости 1797 г.: каменныхъ церквей, не считая лавры, 26, деревянныхъ 20, церковныхъ строеній каменныхъ 32, публичныхъ 15, деревянныхъ 3672. Число жителей насчитывалось 19000; ежегодный доходъ, главный источникъ котораго составлялъ винный откупъ, до 47000 р., а расходъ далеко превышалъ, доходя до 140000 р.; главную статью его составляли военныя повинности.

Умноженію населенія и развитію нѣкотораго благоустройства содѣйствовало перенесеніе въ 1797 году Крещенской ярмарки изъ г. Дубно, куда она была переведена въ 1774 году изъ Львова, по присоединеніи Галиціи къ Австріи.

Эта ярмарка получила названіе контрактовъ, т. к. на ней пріѣзжими помѣщиками совершались всякаго рода контракты и сдѣлки. Въ Кіевъ стали съѣзжаться тысячи купцовъ и помѣщиковъ то для дѣлъ, то для увеселеній.

Благодаря этимъ съѣздамъ, Кіевъ сталъ оживляться. Тѣмъ не менѣе В. В. Измайловъ въ своемъ «Сентиментальномъ путешествіи въ полуденную Россію» (1800—1802 г.) говоритъ о Кіевѣ: «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности въ архитектурѣ. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ... Самый Подолъ, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины прикрываются церквами и монастырями. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва-ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно. Кажется, что вы видите три разныя селенія, ибо и весь Кіевъ едва-ли заслуживаетъ названіе города»...

Императоръ Александръ I мало обращалъ вниманія на Кіевъ, и городъ болѣе и болѣе ополячивался, благодаря вліянію Чарторыйскаго и космополитически-либеральному настроенію вѣнценоснаго ученика Лагарпа. Господство въ краѣ польскаго магнатства отразилось на характерѣ кіевскаго общества.



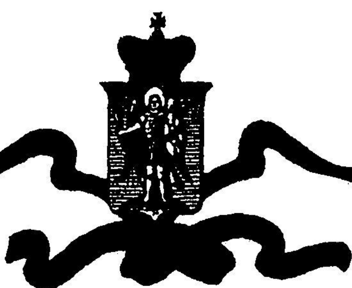


Ополяченіе искони русскаго православнаго Кіева было тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ лишенъ такихъ защитниковъ православія и народности, какими при польскомъ господствѣ были Петръ Могила и Константинъ Острожскій, подготовившіе Богдана Хмельницкаго.

Но опасности, грозившія Россіи предъ отечественной войной, побудили правительство обратить вниманіе на забытый Кіевъ, по крайней мѣрѣ съ фортификаціонной точки зрѣнія. Такъ, въ 1810 году къ югу отъ Печерской крѣпости заложена была крѣпость Звѣринецкая, а въ 1812 году устроены были рвы и валы надъ самыми пещерами. Въ 1815 году они были срыты по ходатайству митрополита; но въ то-же время возникла мысль о заложеніи на Печерскѣ каменной крѣпости на случай вторженія съ западной стороны. Вопросъ о постройкѣ такой крѣпости не возобновлялся до 1830 года.

Стали въ Кіевѣ возникать разныя общественныя постройки, соотвѣтствующія наростающимъ потребностямъ города. Въ 1808 году на Подолѣ устроенъ былъ фонтанъ, извѣстный подъ именемъ Самсона (на мѣстѣ существовавшаго съ XVII в. колодца), у котораго 1 августа совершалось водоосвященіе съ особенной церемоніей до 1835 г.; въ 1809 г. заложенъ былъ на Подолѣ каменный гостиный дворъ, имѣвшій въ длину 50 саженъ, значительно улучшенный въ 1828 г., а послѣ страшнаго пожара, постигшаго Кіевъ въ 1811 г., истребившаго почти весь Подолъ, былъ возведенъ новый контрактовый домъ.

Послѣ этого пожара Кіевъ представлялъ весьма жалкій видъ. Правительство ассигновало 200000 р. на возстановленіе разрушеннаго города, но подоспѣла отечественная война и отдалила его возможное улучшеніе. Тѣмъ не менѣе князь И. М. Долгорукій, посѣтившій Кіевъ въ 1817 году, писалъ: «Вся часть Кіева (т. е. Подолъ) опять устроена, и пожаръ способствовалъ ея украшенію. Улицы разбиты гораздо правильнѣе, дома построены въ порядкѣ и по хорошимъ рисункамъ; вездѣ соблюдены промежутки. Нѣтъ прежней тѣсноты, коей опасность была доказана столь пагубнымъ опытомъ».





Къ царствованію Императора Александра I относится возникновеніе въ Кіевѣ еще слѣдующихъ учрежденій: въ 1810—16 гг. былъ устроенъ инвалидный домъ кн. Прозоровскаго на Печерскѣ; въ 1817 г. торжественно было открыто Кіевское отдѣленіе Россійскаго библейскаго общества, а въ 1819 г.—духовная семинарія. Важнѣе всѣхъ учрежденій была «Вышняя гимназія», преобразованная изъ Главнаго народнаго училища.

Еще въ 1803 г. состоялось отчисленіе Кіевскаго Главнаго народнаго училища изъ вѣдѣнія Приказа общественнаго призрѣнія въ вѣдѣніе Виленскаго университета, во главѣ котораго стоялъ, какъ попечитель Виленскаго учебнаго округа, знаменитый патріотъ и полонизаторъ западнорусскаго края, кн. Адамъ Чарторыйскій, правой рукой котораго былъ визитаторъ училищъ Кіевской и Волынской губерній Ѳаддей Чацкій. Въ 1804 году онъ впервые посѣтилъ Главное народное училище и внесъ въ книгу актъ объ этомъ на польскомъ языкѣ. Въ своемъ визитѣ онъ высказалъ неудовольствіе, что учителя не знаютъ по-польски, что въ библіотекѣ нѣтъ польскихъ книгъ и т. п. Тогда-же началась подготовка училища къ преобразованію въ гимназію. Въ 1809 г. состоялось назначеніе директоромъ этой гимназіи и училищъ Кіевской губерніи воспитанника іезуитскихъ школъ Мышковскаго. До 1812 года вновь открытая гимназія оставалась на прежнемъ мѣстѣ, а съ 1812 г. она, по настоянію Чацкаго и по желанію дворянства, была помѣщена въ кіевскомъ дворцѣ. Перемѣщеніе заведенія совершилось при весьма торжественной обстановкѣ, при чемъ Чацкій сказалъ рѣчь на польскомъ языкѣ. Первоначально гимназія подчинялась Виленскому учебному округу, потомъ непосредственно министерству, затѣмъ опять Виленскому округу, а съ 1818 г.—Харьковскому. Число учениковъ—преимущественно изъ дворянъ—было всегда не велико, а въ 1824 г. достигало 112 человѣкъ.

Въ 1803 г. возникаетъ въ Кіевѣ постоянный театръ—деревянный, на мѣстѣ нынѣшней Европейской гостиницы; преобладающее значеніе пріобрѣлъ польскій репертуаръ.





Это объясняется тѣмъ вліяніемъ, какимъ сталъ пользоваться въ Кіевѣ польскій элементъ съ начала XIX в., благодаря настроенію Императора, поддавшагося своему мнимому другу, кн. Адаму Чарторыйскому.

Со времени перенесенія контрактовъ въ Кіевъ, сюда потянулось польское дворянство юго-западнаго края. Оно заняло преобладающее положеніе, какъ на дворянскихъ выборахъ, такъ и въ судѣ, и въ администраціи. Императоръ Павелъ въ 1797 году предоставилъ польскимъ дворянамъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ право избирать изъ своей среды на сеймикахъ губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ и другихъ выборныхъ, а также и генеральныхъ и прочихъ судей. При этомъ возстановляется дѣйствіе литовскаго статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ юго-западныхъ губерніяхъ были замѣщены исключительно поляками, численность которыхъ въ Кіевской губерніи значительно превышала дворянъ русскихъ: число послѣднихъ, вмѣстѣ съ безпомѣстными русскими чиновниками, въ 1812 году простиралось до 1170, тогда какъ польскихъ дворянъ считалось 43600 человѣкъ, между которыми, правда, помѣщиковъ было 3000 человѣкъ, а остальные—мелкая шляхта. Но опираясь на нее, польскіе дворяне-помѣщики заправляли выборами. Когда въ 1806 году формировалась милиція, то всѣ чины ея польскіе дворяне распредѣлили между собою. Когда кіевскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ былъ назначенъ командующимъ войсками, управленіе Кіевской губерніи было поручено поляку—Моршковскому. Губернскіе маршалы выбирались всегда изъ поляковъ: Козловскій, гр. Ржевускій, Фр. Потоцкій. Изъ повѣтовыхъ маршаловъ только въ двухъ уѣздахъ—Черкасскомъ и Чигиринскомъ—были русскіе, а въ остальныхъ—поляки.

Дворянскіе выборы Кіева, на которые свозилась мелкая шляхта, бывали многолюдны и шумны. «Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но и въ знатности и богатствѣ», замѣчаетъ современникъ—митрополитъ Серапіонъ. Православныхъ депутатовъ владыка называетъ «мелкотравчатыми», а между католиками отмѣчаетъ нѣсколькихъ «съ кава-



леріями польскими». Дворянство собиралось въ собственномъ домѣ—на мѣстѣ нынѣшней конторы государственнаго банка. На домѣ огромными золотыми буквами было начертано «Dworzańska Kommisja». Въ торжественныхъ случаяхъ представители дворянства употребляли польскій языкъ: на табакеркѣ, поднесенной кіевскому губернатору Панкратьеву отъ кіевскаго дворянства, стояла надпись брильянтовыми словами на польскомъ языкѣ: «за добродѣтели и труды отъ шляхты Кіева»; при погребеніи того-же Панкратьева, митрополитъ Серапіонъ выслушалъ надгробную рѣчь предсѣдателя суда Проскуры на польскомъ языкѣ. Черты времени замѣчательныя!

Въ 1817 году состоялась въ Кіевѣ закладка костела во имя св. Александра близъ Михайловскаго монастыря; постройка костела была закончена уже въ 1838 году.

Съ образованіемъ Варшавскаго герцогства, а затѣмъ царства Польскаго, настроеніе польскаго общества обострилось, а отношенія къ мѣстной администраціи—при генералъ-губернаторѣ, гр. Милорадовичѣ, напримѣръ—ухудшились. Образованіе народнаго ополченія въ 1812 году встрѣтило затрудненія со стороны польскаго общества.

Контракты были временемъ съѣзда юго-западнаго дворянства; къ этому времени пріурочивались обыкновенно и выборы. На контракты съѣзжались не только помѣщики юго-западныхъ губерній, но и обыватели другихъ областей «Рѣчи Посполитой». Магнаты давали балы, приглашая представителей и русскаго общества. Главнымъ развлеченіемъ была карточная игра: «вели игру на тысячи и десятки тысячъ рублей», говоритъ современный свидѣтель Чайковскій. «Можно сказать», прибавляетъ онъ въ своихъ запискахъ, «что Варшава танцевала, Краковъ молился, Львовъ влюблялся, Вильна охотилась, а Старый Кіевъ игралъ въ карты и въ виду этого предъ возрожденіемъ университета забылъ, что онъ предназначенъ Богомъ и людьми быть столицей всеславянства».

Стремленіе представителей польскаго общества сблизиться съ русскимъ носило политическую подкладку. Съ 1823—25 г. контракты яв-



ляются мѣстомъ совѣщаній декабристовъ южнаго общества съ польскимъ патріотическимъ обществомъ, закончившихся событіями 1825 и 1830 годовъ.

Политическія обстоятельства, заставлявшія сосредоточивать на югѣ массы войска, и экономическое оживленіе, вызываемое торговыми сдѣлками во время контрактовъ, привлекали въ Кіевъ окрестныхъ русскихъ помѣщиковъ и дворянъ. Въ 1824 году въ Кіевѣ жилъ со своей семьей Н. Н. Раевскій, командиръ 3 корпуса I-ой арміи. Раевскіе принадлежали къ богатѣйшимъ помѣщикамъ Кіевской губерніи. Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: гр. Браницкая, ея братъ Энгельгардтъ, извѣстный силачъ гр. Н. Самойловъ— Алкивіадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская, Давыдовы, Лопухины, Бороздины, Поджіо, Орловъ, Кудашевы, Могилянскій и т. д. Но грустно сказать,—какъ ни звучны были эти имена, какъ ни пышна ихъ жизнь и обстановка, разобщенные, безъ того инстинкта солидарности, которымъ всегда такъ сильно было польское шляхетство,—эти русскіе дворяне не могли составить оплота противъ ополяченія Кіева и юго-западнаго края.

Въ царствованіе Александра I Кіевъ не разъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ именитыхъ гостей, между прочимъ—Великую Княгиню Екатерину Павловну, Великаго Князя Николая Павловича, митрополита Платона, молдавскаго господаря Константина Ипсиланти, который пріѣхалъ сюда на жительство съ семействомъ въ 1807 году и умеръ въ 1816, похороненный въ Георгіевской церкви.

Императоръ Александръ I впервые посѣтилъ Кіевъ въ 1816 году (7—12 сент.). Онъ присутствовалъ на балахъ, данныхъ ему ген. Раевскимъ и польскимъ дворянствомъ, посѣтилъ Братскій монастырь и духовную академію. Особенное вниманіе оказывалъ онъ Кіево-Печерской лаврѣ, которую посѣщалъ ежедневно, оставаясь въ ней продолжительное время въ бесѣдахъ со схимникомъ Вассіаномъ. Вторично онъ посѣтилъ Кіевъ въ 1817 году, также въ сентябрѣ (6—11), и опять въ 1825 г.



проѣздомъ въ Крымъ. Вскорѣ затѣмъ получено было извѣстіе о кончинѣ Императора. 6 декабря 1825 года всѣ сословія въ Кіевѣ приведены были къ вѣрноподданнической присягѣ Императору Константину Павловичу. Но 25 декабря дана была присяга Императору Николаю Павловичу, понявшему своимъ государственнымъ геніемъ великое значеніе Кіева для Русской земли и поднявшему его на ту высоту, которую онъ занимаетъ нынѣ.

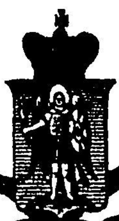
2. Кіевъ въ царствованіе Императора Николая Павловича.

Несомнѣнно, что никто изъ русскихъ государей не относился къ Кіеву съ такимъ вниманіемъ, никто не понималъ такъ его культурно-политическаго значенія, какъ Императоръ Николай I. Кіевъ былъ его любимымъ городомъ; онъ пріѣзжалъ сюда, какъ помѣщикъ въ свою любимую вотчину, все въ ней осматривая, заботясь, чтобы все было прочно и стройно; каждая постройка, каждое зданіе въ Кіевѣ возводилось подъ его бдительнымъ хозяйскимъ глазомъ. Петръ Великій цѣнилъ въ Кіевѣ главнымъ образомъ его фортификаціонное значеніе, да пожалуй еще просвѣтительное: въ немъ была академія, гдѣ дѣйствовалъ его любимецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, изъ котораго онъ сдѣлалъ своего публициста, перомъ и словомъ толкующаго его великія реформы. Екатерина II съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относилась къ городу, въ которомъ она видѣла «однѣ хижины да укрѣпленія», и чтобъ отрѣзать его отъ ополяченнаго праваго берега, сдѣлала его административнымъ центромъ лѣвобережной Малороссіи—Полтавщины и отчасти Черниговщины. Императоръ Павелъ, возстановляя магдебургское право съ его заморской обстановкой, литовскій статутъ и польское судопроизводство, совершенно забывалъ историческое и политическое значеніе Кіева. Императоръ Александръ I не любилъ Кіева, отдавши его въ руки Чарторыйскаго, Чац-



каго, польскихъ магнатовъ и шляхты. Одинъ Императоръ Николай I своей чуткой русской душой понялъ все значеніе стараго стольнаго города Владиміра Равноапостольнаго и Владиміра Мономаха, въ которомъ находится палладіумъ русскаго православія—Кіево-Печерская лавра, съ ея пещерами, гдѣ нетлѣнно почиваютъ ряды сподвижниковъ православной вѣры. Въ натурѣ этого Государя было много общаго съ московскими собирателями Русской земли—Иванами и Василіями, которые относились къ этой землѣ, какъ домовладыки къ своему дому и челяди: разъ намѣтивъ цѣль, они неуклонно шли къ ея достиженію. Какъ только понято было Государемъ культурно-политическое значеніе матери городовъ русскихъ, Императоръ со всей энергіей своей державной натуры стремился поднять Кіевъ, возвративъ ему тотъ блескъ и величіе, которыми онъ поражалъ иностранцевъ на первыхъ страницахъ нашей исторіи: появляются зданія, по плану и подъ руководствомъ Государя сооружаемыя, прорѣзываются новыя улицы, выравниваются площади, насаждаются бульвары. Государь вникалъ во все. Кіевъ долженъ былъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ администраціи, задачи которой — рядъ мѣропріятій, долженствующихъ снять съ искони русскаго края иноземныя наслоенія. Въ этомъ великомъ дѣлѣ реставраціи стольнаго города Владиміра, въ дѣлѣ возрожденія въ юго-западномъ краѣ русскихъ началъ Императоръ Николай I нашелъ достойнаго помощника въ лицѣ генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Надѣленный тонкимъ государственнымъ умомъ, патріотизмомъ и энергіей, Бибиковъ былъ правой рукой Государя во всѣхъ начинаніяхъ, касавшихся юго-западнаго края. Оба они на столько дѣйствовали единодушно и солидарно, что въ воспоминаніяхъ кіевлянъ сливаются какъ-бы въ одну историческую личность.

Императоръ Николай Павловичъ въ первый разъ посѣтилъ Кіевъ въ 1829 году (23—25 іюня). Онъ осматривалъ городъ и древности Софійскаго собора. Въ это время было получено въ Кіевѣ извѣстіе о взятіи 18 іюня крѣпости Силистріи. «Желая сохранить городу Кіеву памятникъ сего важнаго событія», читаемъ въ рескриптѣ на имя тогдашняго воен-



наго губернатора Желтухина (1827—1830), «назначаю оному одинъ изъ ключей покоренной крѣпости и три знамени изъ числа взятыхъ при семъ случаѣ храбрыми нашими войсками, повелѣвая хранить сей трофей побѣды въ соборномъ храмѣ св. Софіи».

Вторично Императоръ посѣтилъ Кіевъ въ 1830 году (31 мая—2 іюня). По поводу этого пребыванія Государя въ Кіевѣ современникъ пишетъ: «1 іюня слушалъ обѣдню въ Софійскомъ соборѣ; вечеромъ посѣтилъ балъ, данный дворянствомъ и гражданами въ контрактовомъ домѣ. Въ этотъ пріѣздъ Государь повелѣлъ гражданамъ перемѣнить польскіе мундиры на обыкновенные гражданскіе, присвоенные дворянскимъ чиновникамъ».

Дѣло началось съ мундировъ, а окончилось болѣе радикальными органическими реформами, повліявшими на судьбы Кіева и юго-западнаго края. Толчекъ этимъ реформамъ, имѣвшимъ въ виду располяченіе искони русскаго края, данъ былъ польскимъ мятежемъ 1830 г., подобно тому, какъ и политика Александра II относительно польскаго вопроса существенно измѣнилась вслѣдъ за повстаніемъ 1863 г. Мятежъ 1830 г. вызвалъ рядъ мѣръ «въ согласность распоряженіямъ блаженной памяти Императрицы Екатерины II». На первыхъ же порахъ относительно Кіева и юго-западнаго края Императоръ Николай Павловичъ какъ бы слѣдовалъ по стопамъ своего вѣнценоснаго брата Александра I, считаясь, вѣроятно, съ воззрѣніями и политической программой цесаревича Константина Павловича. Государь короновался въ Варшавѣ, какъ Царь Польскій; конституція не была нарушена; въ юго-западномъ краѣ удерживался литовскій статутъ и польское судопроизводство; отношенія польскихъ помѣщиковъ-католиковъ къ ихъ русскимъ крестьянамъ-православнымъ оставались въ прежнемъ видѣ; въ 1827 году подтверждены были права кіевскаго магистрата, какъ мѣста равнаго палатамъ, а въ 1829 году разрѣшено было въ повѣтовыхъ судахъ Кіевской губерніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ повѣтовъ (Кіевскаго, Васильковскаго, Черкасскаго, Чигиринскаго и Звени-



городскаго), совершать сдѣлки на польскомъ языкѣ. Но уже и въ это время принимается мѣра, предсказывающая дальнѣйшія намѣренія Государя: 22 іюня 1829 г., при учрежденіи комиссіи для составленія положенія о шляхтѣ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, Государь повелѣлъ заняться этимъ дѣломъ «безъ отлагательства и представить не позже декабря мѣсяца». Императоръ какъ-бы предвидѣлъ ту роль, какую шляхта сыграетъ въ событіяхъ 1830—1831 гг. и желалъ предупредить ее. Предупредить однако-жъ Государю не удалось: событія совершились, но подъ ихъ назидательнымъ вліяніемъ сложился въ умѣ Императора цѣльный планъ относительно Кіева и юго-западнаго края. Основная идея этого плана состояла въ томъ, чтобы довершить сліяніе возвращенныхъ испоконъ вѣка русскихъ земель съ Россіей, возвративъ имъ русскій характеръ, поднявъ элементъ коренной, сильный числомъ и историческими преданіями, но безсильный по своему матеріальному и соціальному положенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно было поднять значеніе Кіева, выдвинувъ его, какъ мать земли русской и сдѣлавъ однимъ изъ лучшихъ городовъ имперіи. Къ достиженію этой великой государственной цѣли, были, во-1-хъ, усилены карательныя предупредительныя мѣры, направленныя противъ политическихъ интригъ и замысловъ, а во-2-хъ, придуманы были общія законодательныя и административныя мѣры, сообразныя съ положеніемъ края. Тѣ и другія проводились неустанно и послѣдовательно, безъ малѣйшаго послабленія, въ теченіе четырнадцатилѣтняго управленія краемъ генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, который, какъ онъ самъ выражался, проводилъ «со злостію», а мы прибавимъ: горячаго патріота, отстаивавшаго завѣтные интересы своего отечества.

Карательныя и предупредительныя мѣры вызывались необходимостію обезпечить спокойствіе въ краѣ отъ посягательства заграничной и мѣстной польской пропаганды. Но нерѣдко онѣ были утрируемы и злоупотребляемы, особенно низшими исполнителями. Притомъ, онѣ тяготѣли надъ цѣлымъ населеніемъ, безъ разбора національностей и политическихъ стремленій.

4



Гораздо цѣлесообразнѣе были общія административныя и законодательныя мѣры, направленныя на снятіе съ края польско-католической окраски и возвращеніе ему его истиннаго русскаго характера. Эти мѣры можно подвести подъ двѣ категоріи: 1) мѣры къ возможному уничтоженію въ краѣ польскаго революціоннаго элемента и 2) мѣры къ поднятію православныхъ русскихъ крестьянъ, которыми владѣли польскіе помѣщики католики.

а) Въ юго-западномъ краѣ существовала цѣлая армія частію мелкопомѣстной, а частію не только безпомѣстной (чиншевой), но и бездомной шляхты. Гордясь своимъ шляхетскимъ происхожденіемъ, пользуясь многими сословными привилегіями и свободой отъ податей и повинностей, шляхтичъ презиралъ земледѣльческій и промышленный трудъ, предпочитая толкаться около магната. Изъ этой многотысячной шляхты польская эмиграція набирала своихъ приверженцевъ; эта шляхта представляла самый удобный революціонный элементъ въ краѣ. Гнѣздомъ шляхты было Полѣсье: окрестности Овруча, Житомира, Радомысля и Кіева. Въ 1831 году послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣвалось привесть въ извѣстность всю польскую шляхту, разсмотрѣть ея права на дворянство, и тѣхъ шляхтичей, которые не докажутъ его, причислять къ сельскимъ податнымъ классамъ. Учрежденныя съ этой цѣлью ревизіонныя комиссіи для повѣрки дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній, въ теченіе 10 лѣтъ, не принесли никакой пользы. Видя безуспѣшность этихъ дѣйствій, Д. Г. Бибиковъ представилъ Государю о необходимости собрать эти комиссіи въ одну центральную комиссію въ Кіевѣ, которая должна была дѣйствовать подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ. Эта комиссія, открытая 1 іюня 1840 года, въ теченіе 4½ лѣтъ, исключила изъ дворянскаго сословія 64000 шляхтичей, причисливъ ихъ къ податнымъ классамъ—однодворцевъ въ селеніяхъ и гражданъ въ городахъ. Такимъ образомъ, прежде безпокойное и праздное сословіе, въ силу разумно придуманной мѣры, обратилось къ полезнымъ занятіямъ и промысламъ, сливаясь по языку и условіямъ быта съ природнымъ населеніемъ края—хло-

пами, какъ называли его шляхтичи. Припомнимъ слова, сказанныя Д. Г. Бибиковымъ въ его прощальной рѣчи къ помѣщикамъ Кіевской губерніи 8 мая 1837 года. «Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне: помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ—дворянинъ, кучеръ на козлахъ—дворянинъ, лакей за каретой--дворянинъ, сторожъ—дворянинъ, въ кухнѣ стряпалъ—дворянинъ, подавалъ барину сапоги—дворянинъ, и когда онъ, разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: не имѣешь права, я тебѣ равенъ»...

б) Въ 1835 году, по представленію генералъ-губернатора Левашева, отнято было у Кіева право вольныхъ имперскихъ городовъ—право магдебургское, пожалованное ему въ началѣ XVI стол. (1509—16) г.), и введено было общее городовое положеніе имперіи.

«Прародительская Его Императорскаго Величества вотчина, богоспасаемый градъ Кіевъ, лишился своего готическаго средневѣкового устройства: прежній магистратъ, равный палатамъ и непосредственно подчиненный сенату, переименованъ былъ въ городскую думу, поставленную въ зависимость отъ мѣстныхъ губернскихъ властей; мѣсто войта заступилъ городской голова; исчезли старые ратманы, шафаръ, лавникъ и инстигаторъ; исчезли товарищи золотой корогвы, вмѣстѣ съ цеховой милиціей; исчезли богоявленскій и маккавейскій парады, на которыхъ эта милиція цвѣтными кунтушами, да холостыми выстрѣлами изъ пушекъ и пищалей, проявляла свою старую воинственность». По словамъ одного современника (Чайковскій—Садыкъ-паша), кіевскіе граждане весьма кичились своими шляхетскими правами и чуть не при каждомъ словѣ повторяли: «мыде тоже польскіе шляхтичи». «Городская милиція представляла собою вооруженную силу. Сила эта была не велика численностію, но велика своимъ воодушевленіемъ»... Во время польскаго повстанья 1830—31 гг. кіевскіе граждане снарядили свою милицію, состоявшую на этотъ разъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 400 человѣкъ конницы, и въ теченіе полугода охраняли Кіевъ и Кіевскій уѣздъ отъ вторженія повстанцевъ и получили за то Высочайшую благодарность. Старожилы—очевидцы бывшихъ цере-

моній—краснорѣчиво повѣствуютъ о гордой осанкѣ, воинственномъ видѣ послѣдняго бургомистра, командира вооруженнаго корпуса, Мажнаго, его блестящемъ костюмѣ, дорогомъ конѣ, богатой сбруѣ, величественной командѣ.

Съ воспоминаніемъ объ отмѣнѣ магдебургскаго права въ Кіевѣ обыкновенно соединяется представленіе о какомъ-то чрезвычайномъ событіи, послужившемъ поводомъ къ отмѣнѣ стараго порядка, но оставшемся для насъ неизвѣстнымъ. Разъясненіе этого событія оказывается возможнымъ: изучая старыя дѣла, мы узнаемъ о широкихъ злоупотребленіяхъ членовъ кіевскаго магистрата, кончившихся для нихъ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей по указу сената 10 августа 1834 года, какъ лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней чрезъ полицію созвали все городское представительство; командировъ и нижнихъ чиновъ на мѣстѣ, гдѣ происходили ихъ quasi-военныя эволюціи, выстроили въ ряды и объявили имъ царскую волю. Магистратъ былъ переименованъ въ думу и вмѣсто войта (послѣднимъ былъ Г. И. Киселевскій) велѣно избрать голову.

Послѣ этого въ городскомъ управленіи взяла верхъ великорусская партія: первыми городскими головами были: П. М. Дехтеревъ, Елисѣевъ, Ходуновъ. Сожалѣніе и плачъ по утеряннымъ стариннымъ правамъ выразились въ современномъ событію стихотворномъ произведеніи, написанномъ магистратскимъ писаремъ.

Перемѣна въ порядкѣ кіевскаго городского управленія была результатомъ задуманнаго объединенія юго-западнаго края съ коренными частями имперіи, при чемъ событія 1830—1831 гг., коснувшіяся господствующаго класса въ этомъ краѣ и проявившіяся съ новой силой въ движеніи 1838—39 гг., не могли не оказать своей доли вліянія на общій ходъ внутренней политики.

в) Весьма серьезна и цѣлесообразна была мѣра, принятая въ 1840 году,—уничтоженіе въ юго-западныхъ губерніяхъ литовскаго статута, «при-

способленнаго исключительно», какъ характеризуетъ его проф. Даниловичъ, «къ интересамъ мѣстной дворянской жизни»: въ немъ справедливы были только тѣ законоположенія, въ которыхъ старина русская слышалась—русская правда да псковская судная грамота. Этотъ литовскій статутъ, въ которомъ государственное право перемѣшивалось и переплеталось съ правомъ гражданскимъ, представлялъ собою кодексъ, отсталый отъ новыхъ потребностей общества, неудобопримѣнимый къ новымъ гражданскимъ отношеніямъ, замедлявшій ходъ дѣлъ, умножая ихъ до безконечности, создавая волокиту да хожденіе по дѣламъ, для чего нужна была цѣлая армія адвокатовъ, игравшихъ въ юго-западныхъ губерніяхъ весьма видную роль. Притомъ, это былъ кодексъ почти забытый: магнаты и шляхта, въ интересѣ которыхъ онъ былъ составленъ, едва-ли его читали, хотя и превозносили до небесъ; въ 1839 году Д. Г. Бибиковъ съ трудомъ могъ отыскать въ краѣ два печатныхъ экземпляра статута. Пристрастіе поляковъ къ статуту понятно: въ ихъ глазахъ онъ былъ юридическимъ памятникомъ бывшей связи юго-западнаго края («забраннаго края», какъ говорили поляки) съ Рѣчью Посполитой, и на господствѣ закона Сигизмундовъ въ русской странѣ польская пропаганда старалась обосновать свои притязанія на нее. Понятно также, что такой администраторъ, какъ Д. Г. Бибиковъ, не могъ не понимать вреднаго вліянія обветшалаго дворянскаго закона,—не могъ не стремиться подчинить край дѣйствію общаго русскаго закона.

Литовскій статутъ былъ отмѣненъ въ Бѣлоруссіи еще въ 1831 году, но въ губерніяхъ юго-западныхъ и литовскихъ онъ сохранялъ силу до половины 1840 года. Представляя Государю объ отмѣнѣ его, Д. Г. Бибиковъ почиталъ эту мѣру самымъ дѣйствительнымъ средствомъ не только къ сліянію западныхъ губерній съ великороссійскими, но и къ водворенію благоденствія въ краѣ. Въ своемъ представленіи, между другими основаніями, доказывающими необходимость отмѣны статута, онъ приводитъ слѣдующія: дѣйствіе въ юго-западныхъ губерніяхъ литовскаго статута и польскихъ конституцій ставитъ православное русское населеніе «подъ

ярмо закона польскаго, какъ-бы оно еще было въ плѣненіи польскомъ; польскіе-же законы во всемъ, даже въ процедурѣ судопроизводства, покровительствуютъ сильнаго и богатаго, что было въ духѣ бывшей республики». Безъ состоянія, пояснялъ энергическій генералъ-губернаторъ, нельзя имѣть адвоката, котораго безусловно необходимое участіе въ дѣлѣ покупается очень дорого. Нельзя добиться правосудія даже въ насильственномъ отнятіи собственности, потому что одинъ обрядъ начала дѣла можетъ продолжаться болѣе года, а самый процессъ—нѣсколько десятковъ лѣтъ. Святость контрактовъ ничѣмъ не ограждается. Занятыхъ денегъ можно никогда не получить... Эта, допускаемая закономъ, медленность въ дѣлопроизводствѣ открываетъ обширное поле дѣйствій ябедѣ, которою съ успѣхомъ пользуются адвокаты—этотъ вредный классъ людей, богатѣющихъ обманами или взятками и дающихъ поводъ врагамъ русскаго народа утверждать, что въ Россіи все зависитъ отъ богатства и рода. Главный начальникъ края поэтому полагалъ, что отмѣна статута можетъ возбудить ропотъ только въ адвокатахъ и судьяхъ, а всѣ-же благонамѣренные люди и большинство населенія встрѣтятъ ее съ сочувствіемъ. Представленіе генералъ-губернатора вполнѣ соотвѣтствовало видамъ и намѣреніямъ Государя: 25 іюня 1840 г. былъ изданъ Высочайшій указъ объ отмѣнѣ литовскаго статута и дополняющихъ его сеймовыхъ конституцій въ западныхъ губерніяхъ и о распространеніи русскихъ гражданскихъ законовъ на эти искони русскія области. Въ своей прощальной рѣчи Д. Г. Бибиковъ съ гордостію вспоминалъ, что «законы русскіе введены въ одинъ день, въ одинъ часъ». По донесеніямъ полиціи, указъ 25 іюня 1840 года былъ встрѣченъ всѣми съ полнымъ удовольствіемъ. Не по душѣ онъ приходился только адвокатамъ да запутавшимся въ долгахъ помѣщикамъ.

г) Стирая слѣды полонизаціи съ мѣстнаго законодательства, администрація стремилась разорвать и экономическую зависимость юго-западнаго края отъ Варшавы. Въ Бердичевѣ водворилась, безъ разрѣшенія и вѣдома правительства, секція или контора варшавскаго банка. Эта контора при-



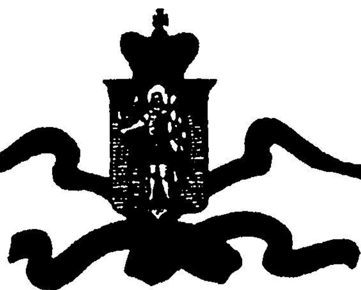
Фотопечать С. В. Кульженко

Контора государственнаго банка.



влекала къ себѣ всѣхъ поляковъ, видѣвшихъ въ ней одну изъ опоръ своей національности. Она завладѣла почти всѣми денежными оборотами края, вытѣснила изъ обращенія русскія кредитки и даже звонкую монету, наводнивъ край польскими облигаціями. Въ 1838 г. Д. Г. Бибиковъ рѣшился уничтожить эту контору, чтобы прервать солидарную экономическую связь края съ Варшавой. По его представленію, намѣстникъ царства польскаго послалъ курьера къ Государю, и секція была тотчасъ закрыта. Но контора польскаго банка пріучила населеніе къ кредиту, развивъ въ немъ потребность. Для удовлетворенія этой потребности главный начальникъ края сталъ ревностно хлопотать объ учрежденіи въ Кіевѣ конторы коммерческаго банка, по примѣру одесской. Несмотря на противодѣйствіе министерства финансовъ, Д. Г. Бибикову, всегда поддерживаемому Государемъ, удалось достичь цѣли: уставъ конторы былъ утвержденъ 14 мая 1839 г., а свои операціи, благодаря задержкамъ то изъ столицы, то отъ мѣстныхъ недоброжелателей, контора могла открыть только въ февралѣ 1840 года.

д) Энергически преслѣдуя обрусеніе ополяченнаго края, администрація, конечно, не могла разсчитывать на содѣйствіе чиновниковъ-поляковъ, которые, напротивъ, были главными проводниками полонизаціи. А между тѣмъ всѣ присутственныя мѣста въ краѣ—губернскія и уѣздныя, судебныя и административныя—до того были переполнены чиновниками-поляками, что не встрѣчалось ни звука русскаго, ни лица русскаго. Главный начальникъ края исходатайствовалъ у Государя, чтобы сокращено было право дворянства выбирать на судебныя должности, а вслѣдъ за тѣмъ постановлено было, чтобы на полицейскія должности отнюдь не были назначаемы католики. Когда къ генералъ-губернатору перешло попечительство надъ округомъ, эта мѣра примѣнена была и къ учебнымъ заведеніямъ: на педагогическія должности католиковъ вовсе не назначали, а назначенныхъ прежде перевели въ черниговскую и полтавскую губерніи. Д. Г. Бибиковъ хорошо помнилъ, какъ школа въ юго-западномъ краѣ служила важнѣйшимъ факторомъ полонизаціи: однимъ изъ агентовъ польской эмиграціи былъ нѣкто Боровскій, содержатель частнаго мужского пансіона въ



Кіевѣ, пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ въ обществѣ мѣстныхъ помѣщиковъ и въ глазахъ начальства. У него жили гимназисты и студенты, устраивались сходки, на которыхъ созрѣвалъ гибельный планъ для молодого недавно основаннаго Университета Св. Владиміра.

е) Понятно, что послѣ бурныхъ событій 1830-31 гг. правительство не могло не обратить своего вниманія на школы, основанныя патріотомъ полонизаторомъ Чацкимъ. Оно закрыло 245 такихъ учебныхъ заведеній—среднихъ и низшихъ, закрыло всѣ монастырскія приходскія школы и стоявшій во главѣ просвѣщенія края Кременецкій лицей. Старыя заведенія были уничтожены, но до 1838 г. правительство успѣло мало сдѣлать для созданія новыхъ школъ, для проникновенія ихъ русскимъ характеромъ. Въ новыхъ школахъ дѣйствовали прежніе педагоги, съ прежнимъ польскимъ направленіемъ. Образовавъ 14 декабря 1832 года изъ губерній Кіевской, Черниговской, Волынской и Подольской Кіевскій учебный округъ и поставивъ во главѣ его одного изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей, Е. Ѳ. ф. Брадке, Императоръ Николай Павловичъ обратилъ большое вниманіе на учебную часть.

Открытіе Кіевскаго учебнаго округа почти совпало съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, вѣрой и правдой послужившаго великому дѣлу народнаго образованія. Вслѣдъ за его назначеніемъ въ 1833 г. Кіевская Вышняя гимназія была преобразована по уставу 1828 г. и сравнена въ правахъ съ остальными гимназіями, окончательно, впрочемъ, только въ 1860 г. При ней были учреждены два благородныхъ пансіона: одинъ на Подолѣ. Изъ этого послѣдняго въ 1838 г. была образована 2-я гимназія, ставшая губернской и предназначавшаяся для вольно-приходящихъ учениковъ; между тѣмъ какъ I-я продолжала сохранять характеръ дворянскаго интерната. Эта система интерната-благородныхъ пансіоновъ и общихъ квартиръ—была покровительствуема Императоромъ; считали ее очень пригодной гр. Уваровъ и Д. Г. Бибиковъ. По мнѣнію послѣдняго, она—«важнѣйшее пособіе къ утвержденію воспитанія на незыблемыхъ нравственныхъ началахъ». Поэтому, система закрытыхъ

учебныхъ заведеній въ подчиненномъ ему краѣ «была доведена», какъ самъ онъ выразился, «до тѣхъ предѣловъ, которыхъ нельзя переступить, не касаясь правъ родителей надъ дѣтьми». И вотъ по его кличу на постройку зданій для закрытыхъ заведеній дворянство трехъ губерній стало жертвовать въ теченіе 12 лѣтъ по 3 к. съ души. Сверхъ того графы Браницкіе и графъ Потоцкій построили на свой счетъ закрытыя гимназіи въ Бѣлой Церкви и Немировѣ, графъ Пржездецкій—училище въ м. Черномъ Островѣ, князь Любомирскій и графъ Злотницкій пожертвовали дома: первый для гимназіи въ Ровно, а второй для училища въ Радомыслѣ. Интернаты распространяются, появляясь при гимназіяхъ въ Кіевѣ, Каменцѣ, Житомирѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Бѣлой Церкви, Немировѣ, Ровно, Винницѣ, Нѣжинѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и при уѣздныхъ училищахъ Чернаго Острова, Златополя, Меджибожа и Роменъ. Въ 1852 г. въ закрытыхъ заведеніяхъ изъ 9765 учащихся помѣщалось 1800. Д. Г. Бибиковъ, сдѣлавшись въ 1848 г. попечителемъ учебнаго округа, стремился «водворить въ училищахъ вообще и особенно въ Университетѣ Св. Владиміра тотъ нравственный духъ покорности, который—по словамъ его доклада 1850 г.—долженъ служить основою нашего отечественнаго воспитанія». А насколько это удалось ему, показываетъ свидѣтельство одного современника, слѣдующимъ образомъ изображающаго сцену прощанія начальника края съ дворянствомъ: «Въ большой актовой залѣ Университета, послѣ торжественнаго молебствія, собраны были воспитанники гимназій. Вошелъ генералъ-губернаторъ въ сопровожденіи болѣе 30 предводителей дворянства, съѣхавшихся тогда въ Кіевъ. Все это было облечено въ полную мундирную форму. Началась команда ученикамъ: «Ложись, садись, вставай, спи, храпи!» Когда всѣ эти приказанія безъ словъ, послушно, какъ однимъ человѣкомъ, выполнены были цѣлой массой молодого поколѣнія, генералъ-губернаторъ обратился къ предводителямъ дворянства и, устремивъ на нихъ свой, многимъ памятный, взглядъ, сказалъ: «Смотрите! вотъ что значитъ повиновеніе, и вотъ какъ я учу дѣтей вашихъ! Довольны вы?»—И вся эта масса шитыхъ дворянскихъ мундировъ въ безмолвіи отвѣсила низкій поклонъ предъ оригинальнымъ наставникомъ».



Женское воспитанiе также не было оставлено безъ вниманiя. Но преобразованiе его встрѣчало особенныя преграды: съ давнихъ поръ дѣвицы въ западныхъ губернiяхъ воспитывались въ женскихъ монастыряхъ различныхъ монашескихъ орденовъ. Не легко было преодолѣть предубѣжденiя противъ школъ свѣтскихъ. Несмотря, однако-жъ, на это, женскiя учебныя заведенiя, учрежденныя правительствомъ, мало-по-малу стали наполняться воспитанницами польскаго происхожденiя. Институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Бѣлостокѣ явился однимъ изъ первыхъ учрежденiй въ этомъ родѣ. Затѣмъ слѣдовали такiя-же въ Кiевѣ и въ Могилевѣ на Днѣпрѣ и образцовые частные пансiоны, подъ контролемъ учебнаго вѣдомства: въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Гроднѣ и Вильнѣ. Подобные-же пансiоны возникаютъ въ Кiевѣ, Житомирѣ, Винницѣ, Каменцѣ, Ровно и др. Содержательницами такихъ пансiоновъ обыкновенно назначались русскiя. Во всѣхъ частныхъ женскихъ пансiонахъ введено было преподаванiе русскаго языка. Въ 1840 г. всѣ женскiя монастырскiя училища были закрыты.

Мысль объ учрежденiи института въ Кiевѣ возникла еще въ 1833 году. Тогдашнiй генералъ-губернаторъ графъ Левашевъ, въ своемъ представленiи Государю, писалъ, что воспитанiе дѣвицъ въ краѣ весьма неудовлетворительно, а поэтому «гражданскiя добродѣтели и государственныя обязанности остаются въ небреженiи или затмеваются превратными понятiями». Для борьбы съ такими понятiями гр. Левашевъ считалъ необходимымъ поощрять мѣстныхъ жителей отдавать своихъ дочерей на воспитанiе въ учебныя заведенiя, устраиваемыя правительствомъ. Это мнѣнiе раздѣлялъ и тогдашнiй попечитель учебнаго округа ф. Брадке, который, во время своей ревизiи училищъ въ Кiевской и Волынской губернiяхъ, вынесъ убѣжденiе, что женщины въ западныхъ губернiяхъ питаютъ фанатизмъ молодежи, имѣя надъ нею большую власть. Но Левашеву удалось достичь цѣли только отчасти: въ 1834 г. въ Кiевѣ было учреждено «училище для бѣдныхъ дѣвицъ—круглыхъ сиротъ всѣхъ сословiй» на средства общества вспоможенiя бѣднымъ, предсѣдательницей котораго была графиня Левашева.





Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Владимiрскiй кадетскiй корпусъ.



Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Институтъ благородныхъ дѣвицъ.



Одновременно съ тѣмъ гр. Левашовъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на скорѣйшее открытіе въ Кіевѣ института благородныхъ дѣвицъ для Кіевской, Подольской и Волынской губерній. При составленіи устава и штата Кіевскаго института, гр. Левашовъ руководствовался уставомъ и штатами Полтавскаго института, присланными военнымъ губернаторомъ кн. Репнинымъ. Институтъ былъ открытъ въ 1838 г. преемникомъ гр. Левашова, и помѣщался сначала въ нынѣшнемъ губернаторскомъ домѣ. Въ 1839 г. заложено было новое зданіе на возвышенности по Ивановской (нынѣ Институтской) улицѣ, въ которое институтъ и перешелъ въ 1843 году. Первой директрисой его была родственница Державина (по второй женѣ) П. М. Нилова, урожденная Бакунина, о которой поэтъ сказалъ:

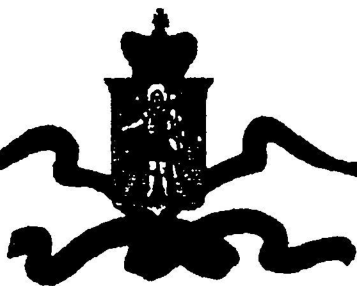
«Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ» (Парашѣ).

Въ теченіе 10 лѣтъ она стояла во главѣ Кіевскаго института, уступивъ свой постъ г-жѣ Голубцовой.

Идеѣ дворянскаго интерната долженъ былъ удовлетворять и открытый въ въ 1852 г. въ Кіевѣ Владимірскій кадетскій корпусъ на 200 воспитанниковъ—дѣтей дворянъ юго-западныхъ губерній. Сначала, какъ неранжированный, онъ былъ помѣщенъ въ зданіи, отстроенномъ для 2-й гимназіи и доставшемся 1-й, а потомъ переведенъ въ обширное зданіе, заложенное еще въ 1849 году.

II. Но вѣрнѣе всѣхъ предыдущихъ были мѣры, направленныя на поднятіе православныхъ крестьянъ въ юго-западной Руси установленіемъ болѣе правильныхъ отношеній между ними и землевладѣльцами. Къ этимъ мѣрамъ относятся: 1) попытка ввести систему майоратовъ въ конфискованныхъ имѣніяхъ юго-западнаго края, 2) переводъ на оброчное положеніе государственныхъ крестьянъ и 3) система инвентарей.

1) Желая создать въ краѣ, посредствомъ майоратовъ, русское поземельное дворянство, въ отпоръ польскому, Д. Г. Бибиковъ задумывалъ ввести въ край русскихъ дворянъ, образовавъ майораты изъ конфиско-



ванныхъ имѣній. Но эта мѣра встрѣтила въ Петербургѣ сильное противодѣйствіе и была осуществлена только на половину.

2) Видя невозможность увеличить въ краѣ классъ русскихъ помѣщиковъ, генералъ-губернаторъ рѣшился оградить русское сельское населеніе отъ притѣсненій поляковъ, во 1-хъ, прекращеніемъ отдачи въ аренды и посессіи, съ правомъ барщины, государственныхъ крестьянъ, и во 2-хъ, переводомъ ихъ на оброчное положеніе, что и было Высочайше утверждено для юго-западнаго генералъ-губернаторства. Такимъ образомъ, цѣлый разрядъ крестьянъ—крестьяне государственные—былъ освобожденъ отъ господства поляковъ и евреевъ арендаторовъ.

3) Не оставилъ безъ вниманія генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ и крестьянъ помѣщичьихъ, для которыхъ установлена была инвентарная система. Система эта существовала въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ издавна—еще въ XV и XVI столѣтіяхъ. Но мало-по-малу она превратилась въ мертвую букву, и крестьяне были предоставлены почти неограниченному произволу помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и арендаторовъ. Въ 1832 г. признано было необходимымъ возстановить силу и значеніе инвентарей, подвергнувъ ихъ пересмотру. Съ 1840 г. вопросъ этотъ постоянно разсматривался въ учрежденномъ для западнаго края комитетѣ. Въ 1844 г., при участіи Д. Г. Бибикова, учреждены были правила для введенія обязательныхъ инвентарей на 6 лѣтъ, чрезъ посредство особыхъ мѣстныхъ комитетовъ. Помѣщики представили подробные инвентари ихъ имѣній. Но данныя этихъ инвентарей большей частію оказались невѣрными и несогласными съ дѣйствительностью. Трудность повѣрки по каждому имѣнію побудили генералъ-губернатора въ 1846 г. предложить ввести инвентарную систему по однообразной, имъ самимъ составленной, формѣ, которая точно опредѣляла-бы и право крестьянъ на землю, и повинности ихъ въ пользу помѣщика. Въ 1847 г. эта система была утверждена только для юго-западнаго края, а въ 1848 г. она была существенно измѣнена относительно крестьянскихъ повинностей. Инвентарная система несомнѣнно была полезна для крестьянъ, которые не даромъ увѣковѣ-



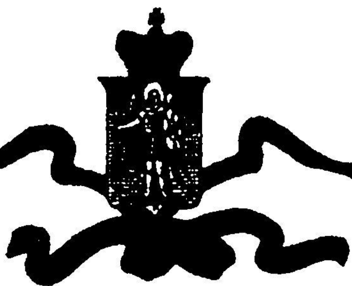
чили ее въ народной пѣснѣ, воспѣвающей генерала Бибикова, давшаго имъ «явентари».

Не могъ забыть Императоръ горячаго и остраго вопроса края—вопроса еврейскаго. Еще въ 1827 году послѣдовало запрещеніе евреямъ постояннаго жительства въ Кіевѣ. Запрещеніе, можно думать, потомъ было нѣсколько ограничено. Это ограниченіе не понравилось гражданамъ Кіева. Въ записяхъ Миславскаго читаемъ: «1833 г. 14 іюня кіевскій лавникъ Миславскій съ И. И. Ходуновымъ выѣхали въ С.-Петербургъ ходатайствовать отъ имени кіевскаго общества передъ высшимъ начальствомъ о недозволеніи евреямъ селиться въ г. Кіевѣ на жительство по силѣ указа. Прибыли 24 іюня, выѣхали 4, а прибыли 14 августа съ пріятнымъ окончаніемъ въ пользу общества».

Противникъ палліативныхъ и сторонникъ мѣръ радикальныхъ и органическихъ, Д. Г. Бибиковъ въ 1839—40 годахъ предложилъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію племенной исключительности евреевъ. Эти предложенія были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ, и съ 1843 года былъ изданъ рядъ постановленій, которыми кагалы были уничтожены, особая одежда евреевъ отмѣнена, шинкарство по селамъ запрещено; издано положеніе о евреяхъ земледѣльцахъ и еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такимъ образомъ, Кіевъ сдѣлался центромъ, откуда исходили мѣропріятія, задачи которыхъ состояли въ укрѣпленіи русскаго элемента въ юго-западномъ краѣ. Слѣдовало поднять значеніе этого города, улучшивъ его внѣшній видъ, чтобы онъ напоминалъ о томъ времени, когда былъ лучшимъ городомъ русской земли, красотѣ котораго дивились иностранцы. Государь Императоръ занялся этимъ дѣломъ съ особеннымъ увлеченіемъ: благодаря ему, Кіевъ, можно сказать, былъ возвращенъ землѣ русской, постепенно сдѣлавшись однимъ изъ лучшихъ городовъ Европы, на красоты котораго засматриваются иностранцы.

Императоръ, какъ-бы желая напомнить о прежнемъ значеніи и величіи Кіева, обратилъ большое вниманіе на возможное возстановленіе и





сохраненіе кіевской старины. Еще 31 декабря 1826 года издано было Высочайшее повелѣніе о доставленіи свѣдѣній объ остаткахъ древностей съ воспрещеніемъ разрушать оныя. Затѣмъ, въ теченіе всего царствованія Николая Павловича, мы видимъ рядъ мѣръ, свидѣтельствующихъ, какъ любилъ и чтилъ родную старину патріотическій Императоръ. Незабвеннымъ памятникомъ такого настроенія будетъ всегда служить основанная имъ Археографическая комиссія, такъ поднявшая науку русской исторіи, и его заботливое вниманіе къ возстановленію и сбереженію кіевскихъ древностей.

Правда, еще Петръ Великій предписывалъ открывать и сохранять русскія древности. Но насколько небрежно относились къ этому дѣлу, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: въ 1758 году на мѣстѣ древней Десятинной церкви найдены были двѣ мраморныя надгробныя доски. На такую цѣнную находку не обратили особеннаго вниманія, и доски были опять зарыты въ землю, подъ которою лежали и Золотыя ворота. Въ 1760 г. сенатъ запрашивалъ мѣстныя власти о достопримѣчательностяхъ городовъ, на что изъ Кіева былъ полученъ отвѣтъ, что никакихъ-де древностей и достопримѣчательностей въ немъ не имѣется.

Такая просвѣщенная Государыня, какъ Екатерина II, не могла не цѣнить памятниковъ родной старины. Для нея составлялись въ 1785 г. «Записки о Кіевскихъ Святыняхъ», а въ 1795 г. появились: «Краткое историческое извѣстіе о Кіевѣ,» «Достопамятнѣйшія древности Кіева» и «Извѣстіе о погребенныхъ въ Кіевѣ князьяхъ и княгиняхъ рода Рюрика». Но интересъ Государыни къ русскимъ древностямъ вообще и кіевскимъ въ особенности мало содѣйствовалъ открытію и возстановленію послѣднихъ.

Князь Долгоруковъ въ своемъ «Путешествіи въ Кіевъ» въ 1810 г. писалъ: «Кіевъ старъ, но древность его не такъ видна, не такъ осязательна, какъ новгородская. Тамъ столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпицѣ, колокольнѣ, явственно изображены и свидѣтельствуютъ долговременность города; здѣсь все что-то новое, больше моды, меньше старины».





Свѣтопечать С. В. Кульженко

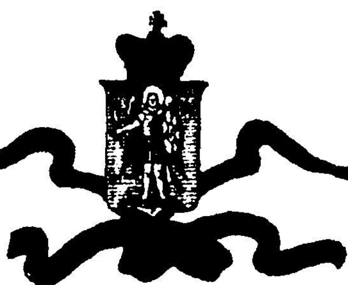
Десятинная церковь.



Въ 1811 и 1814 гг. производились раскопки въ усадьбѣ Михайловскаго монастыря и въ Вышгородѣ, близъ Кіева, но существенныхъ результатовъ онѣ не дали.

Болѣе живое отношеніе къ кіевскимъ древностямъ совпадаетъ съ эпохой знаменитаго въ исторіи русской археологіи Н. П. Румянцева. Посѣтивъ въ 1821 году Кіевъ, онъ писалъ: «Въ Кіевѣ сердце сокрушается, видя, какое тамъ господствуетъ нерадѣніе къ древностямъ нашимъ, никто ими не занятъ, и всякій почти убѣгаетъ объ нихъ и разговора». Появленіе въ Кіевѣ митрополита Евгенія въ 1824 г. оживило изученіе кіевскихъ древностей, изслѣдованіе которыхъ начало пріобрѣтать научный, систематическій характеръ. Митрополитъ нашелъ себѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ въ лицѣ М. Ѳ. Берлинскаго, составлявшаго описаніе Кіева уже въ 1803 г., К. А. Лохвицкаго, А. С. Анненкова и др. Но успѣху дѣла въ особенности содѣйствовало покровительство Государя, сердце котораго, какъ мы знаемъ, лежало къ археологіи.

Первый по времени и важнѣйшій по своей древности предметъ открытія—фундаментъ древней Десятинной церкви, созданной Владиміромъ Равноапостольнымъ, разрушенной въ нашествіе Батыя 1240 г. и съ того времени представлявшей собою однѣ развалины да кучу камней, большая часть которыхъ была разнесена кіевскими жителями. Митрополитъ Евгеній озаботился открытіемъ фундамента древней церкви на всемъ пространствѣ ея постройки: найдены были два каменныхъ гроба, большіе куски поясовъ, карнизовъ, колоннъ изъ бѣлаго мрамора, остатковъ живописи мозаичнаго пола и т. п. Для правильнаго веденія работъ и составленія плана и рисунковъ древностей присланъ былъ изъ Петербурга художникъ Ефимовъ. Кіевскія древности начинаютъ привлекать большее и большее вниманіе. Ими восхищается знаменитый авторъ «Горя отъ ума» А. С. Грибоѣдовъ, а курскій помѣщикъ А. С. Анненковъ принимаетъ на себя постройку новаго храма (1828—1840) Десятинной церкви, по рисункамъ архитектора Стасова, употребивъ въ дѣло и остатки прежней церкви. Работа надъ изысканіемъ кіевскихъ древностей идетъ быстрѣе и быстрѣе,



подъ покровительствомъ вѣнценоснаго поклонника русской старины. Въ 1832—1833 г.г. были раскрыты изъ подъ земли Золотыя ворота, при чемъ Государь, будучи въ 1832 году въ Кіевѣ, прошелъ между открытыми ихъ стѣнами и назвалъ эти послѣднія «памятникомъ достойнымъ сохраненія». Были приняты мѣры для сохраненія этого замѣчательнаго памятника на будущее время. Одновременно съ тѣмъ, въ 1833 г., открыты остатки церкви Св. Ирины—монастыря, построеннаго Ярославомъ—и производились раскопки: на Старомъ городѣ близъ Андреевской и Стрѣтенской церквей; на Подолѣ близъ церкви Іорданской; на Крещатикѣ, гдѣ былъ найденъ шлемъ съ частію панцыря. Большая часть найденныхъ предметовъ направлялась въ Университетъ Св. Владиміра, почти одновременно съ которымъ, въ 1835 г., былъ учрежденъ временный «Комитетъ для изысканія древностей» въ Кіевѣ—предшественникъ Петербургскаго Императорскаго археологическаго общества 1846 года.

Во всѣхъ изысканіяхъ кіевскихъ древностей митрополитъ Евгеній принималъ самое горячее участіе. Чтобы заинтересовать ими студентовъ подвѣдомственной ему духовной академіи, онъ предлагалъ имъ историко-археологическія темы: «О древнѣйшей въ Кіевѣ церкви Св. Иліи, въ которой присягали Игоревы варяго-руссы въ 945 г.», «О древнѣйшей кіевской церкви Св. Ирины и т. п.

Университетъ Св. Владиміра, при которомъ въ 1837 г. былъ образованъ музей древностей, не могъ не принять самаго горячаго участія въ открытіи и изслѣдованіи кіевскихъ древностей. Изъ среды университетскаго состава выходятъ Максимовичъ, Даниловичъ, Орнатскій и др., а потомъ Иванишевъ и Антоновичъ—страстные любители старины.

Въ 1837—1838 г.г. дѣлаются раскопки въ предѣлахъ Андреевской горы, у Трехсвятительской церкви и у Св. Ирины, у бывшаго монастыря Св. Дмитрія и др. Интересъ къ изученію кіевской старины выразился въ цѣломъ рядѣ изданій, посвященныхъ Кіеву, его исторіи и древностямъ, изъ которыхъ важнѣйшія: «Очеркъ исторіи города Кіева» Н. В. Закрев-



Свѣтопечать С. В. Кульженко

Золотыя ворота послѣ отрытія.

скаго (1836 г. и потомъ дважды дополненный, въ 2 томахъ, М. 1858 и 1868 г.) и «Кіевлянинъ», изд. М. А. Максимовичемъ (1840, 1841, 1850).

Дѣятельность «Комитета для изысканія древностей» продолжалась около 10 лѣтъ, а потомъ онъ былъ замѣненъ другимъ учрежденіемъ, на болѣе широкихъ началахъ. Еще въ 1841 году, въ средѣ кіевскихъ ученыхъ и любителей древности, явилась мысль объ учрежденіи въ Кіевѣ историческаго общества, но тогда она осуществлена не была. Однако, вскорѣ затѣмъ, въ 1843 г., по ходатайству Д. Г. Бибикова, возникаетъ въ Кіевѣ «Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ», находящихся въ архивахъ юго-западныхъ губерній. Эта комиссія была учреждена при генералъ-губернаторѣ, который относился съ полнымъ сочувствіемъ ко всѣмъ ея предпріятіямъ. Надо отдать полную справедливость Д. Г. Бибикову за его заботливое отношеніе къ созданной имъ комиссіи: онъ входилъ во всѣ ея нужды, живо интересовался ея успѣхами, энергически содѣйствовалъ ея начинаніямъ. Помимо политическихъ соображеній—документальнаго доказательства исконнаго русскаго характера края—имъ руководила еще страстная любовь къ русской старинѣ. Онъ съумѣлъ вдохнуть эту любовь своимъ подчиненнымъ и даже мѣстнымъ помѣщикамъ. При генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ исторія съ археологіей были поистинѣ модными науками. Ими увлекались и кіевское чиновничество, и кіевскій beau monde; волей-неволей увлеклось ими и польское дворянство, подчасъ стремившееся доказать искони польскій характеръ края. Благодаря этому общему увлеченію стариной, комиссіи удалось собрать массу документовъ не только въ оффиціальныхъ архивахъ, но и въ многочисленныхъ семейныхъ архивахъ и библіотекахъ края. Были моменты, когда казалось, будто вся администрація цѣлаго края только и занята собираніемъ матеріаловъ для комиссіи. Такъ продолжалось почти до конца генералъ-губернаторства Д. Г. Бибикова. Въ самое короткое время вышли въ свѣтъ въ 4 томахъ «Памятники политической и церковной исторіи юго-западнаго края въ XV—XVIII ст.»; три тетради «Древностей, преимущественно Кіевской губерніи»; «Жизнь кн. Курб-



скаго въ Литвѣ и на Волыни», издан. въ 1849 году Н. Д. Иванишевымъ; «Малороссійскія лѣтописи» (С. Величкп и Г. Грабянки, 1848—1850 г.). Кромѣ того, предсѣдатель комиссіи М. О. Судіенко на собственный счетъ издалъ «Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества», составленное въ 1786 г. (1851) и «Матеріалы для отечественной исторіи», касающіеся юго-западнаго края въ XVIII ст. (2 тома, 1853—55). Благодаря тому-же увлеченію историко-археологическими изслѣдованіями, щедрый на жертвованія для общеполезнаго дѣла гражданскій губернаторъ Н. И. Фундуклей предпринялъ рядъ изданій, посвященныхъ археологическому и историко-статистическому описанію Кіева и Кіевской губерніи. Таковы: 1) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ (1847), 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи (1848) и 3) Статистическое описаніе Кіевской губерніи (3 тома, Спб. 1852)—трудъ извѣстнаго статистика Д. П. Журавскаго. При самомъ началѣ своего существованія, комиссія обратила вниманіе Д. Г. Бибикова на пользу учрежденія въ Кіевѣ центральнаго архива для храненія историческихъ документовъ юго-западныхъ губерній. Въ этомъ архивѣ комиссія предполагала сосредоточить актовыя книги до 1799 г., хранившіяся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ юго-западнаго края. Послѣ всяческихъ проволочекъ, предположеніе комиссіи, по личнымъ настояніямъ Д. Г. Бибикова, осуществилось только въ 1852 г. Архивъ былъ учрежденъ при Университетѣ: онъ—неизсякаемый источникъ для исторіи края.

Церковная сторона также не была забыта. Въ 1842 и 1843 годахъ реставрирована стѣнная живопись въ лаврскомъ Успенскомъ соборѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго художника-археолога Ѳ. Г. Солнцева, въ приглашеніи котораго принималъ дѣятельное участіе Д. Г. Бибиковъ. Въ церковно-археологическомъ отношеніи это возобновленіе лаврской живописи замѣчательно тѣмъ, что по поводу его былъ изданъ законъ, охраняющій памятники древняго церковнаго искусства, воспрещая «приступать безъ Высочайшаго разрѣшенія къ какимъ либо обновленіямъ въ древнихъ церквахъ и во всѣхъ подобныхъ памятникахъ. Вообще, древ-



ній, какъ наружный, такъ и внутренній, видъ церкви долженъ быть сохраненъ тщательно, и никакія произвольныя поправки и перемѣны безъ вѣдома высшей духовной власти не дозволяются».

Затѣмъ обращено было вниманіе на Софійскій соборъ. Мозаическія изображенія этого собора интересовали любителей старины издавна, даже въ XVI вѣкѣ. Но мало-по-малу эти мозаики пострадали отъ времени и были замѣнены изображеніями масляными красками. Между тѣмъ, въ 1843 году открыты были въ соборѣ фрески XI в., сокрытыя подъ нѣсколькими слоями побѣлки, на которой въ XVIII вѣкѣ сдѣлана была новая живопись масляными красками. Началось возобновленіе фресокъ и приведеніе собора въ его первоначальный древнѣйшій видъ, что закончилось лишь въ 1853 году.

По поводу открытія фресокъ Солнцевъ представилъ Государю записку о Софійскомъ соборѣ, въ которой говоритъ: «Кіевскій Софійскій соборъ, древнѣйшій въ цѣломъ государствѣ, сохранился весьма хорошо. Онъ построенъ Великимъ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ между 1017—1037 годами и служитъ нынѣ хранилищемъ замѣчательной гробницы знаменитаго князя. Древняя греческая мозаика, можетъ быть единственная въ Россіи, украшаетъ алтарь и нѣкоторыя арки. Но стѣнная живопись въ куполѣ, на хорахъ и въ главномъ отдѣленіи храма значительно попортилась, почернѣла и даже обваливается, точно такъ, какъ и штукатурка. Иконостасы въ придѣлахъ внизу и на хорахъ совершенно обветшали, позолота полиняла, краски высохли и отпали. Посему, чтобы сохранить знаменитый сей храмъ въ должномъ благолѣпіи, слѣдовало-бы предпринять исправленіе во всѣхъ подробностяхъ, но только съ тѣмъ, чтобы въ немъ осталось невредимо не только все древнее и нынѣ видимое, но даже очистить, гдѣ можно, штукатурку, покрывающую въ нѣкоторыхъ придѣлахъ древнюю живопись альфреско, которою храмъ сей былъ расписанъ при Ярославѣ,—альфреско это по возможности возобновить, а затѣмъ, гдѣ сего исполнить будетъ невозможно, то обить стѣны и купола мѣдью и расписать оные вновь изображеніемъ древнихъ свя-

щенныхъ событій нашей Церкви, въ особенности такихъ, кои совершались въ Кіевѣ».

По разсмотрѣніи Государемъ этой записки, возобновленіе фресокъ въ соборѣ возложено было на того-же Солнцева, трудамъ котораго отечественная археологія обязана собраніемъ «Древностей Россійскаго государства», изданнымъ съ его рисунками по повелѣнію Императора Николая Павловича.

Посѣщая весьма часто свой любимый Кіевъ, Императоръ принималъ лично самое близкое участіе въ ходѣ этихъ работъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, бывшій по поводу возстановленія фресокъ Софійскаго собора. Митрополитъ Филаретъ, по словамъ Солнцева, не особенно сочувствовалъ возобновленію фресокъ, и когда Императоръ посѣтилъ въ 1844 году Софійскій соборъ, то митрополитъ рѣшился высказать свой взглядъ на это дѣло.

— Ваше Величество,—сказалъ онъ,—открытіе и возобновленіе древней живописи здѣшняго собора повлечетъ старовѣровъ къ поощренію въ ихъ лжемудріяхъ*).

— Я, владыка,—отвѣчалъ Государь,—не смотрю какъ молятся, лишь-бы молились. Ты любишь старину и я люблю. Теперь въ Европѣ дорожатъ малѣйшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можемъ-ли думать, что оказываемъ предпочтеніе старовѣрамъ. Не противорѣчь!

Митрополитъ на это ничего не сказалъ, но Бибиковъ, идя сзади, чуть слышно замѣтилъ: «наша взяла!»

Государь былъ щедръ на возобновленіе старины: возобновленіе Софійскаго собора обошлось въ 115000 р. Въ то-же время произведена была надстройка четвертаго этажа соборной колокольни, сооруженной еще въ началѣ XVIII вѣка. Разрѣшивъ при этомъ принять отъ графини Орловой пожертвованіе въ 50000 р. на работы по возобновленію собора, Императоръ подтвер-

*) У нѣкоторыхъ святыхъ на фрескахъ открылось двуперстное, подобное старообрядческому, сложеніе руки.



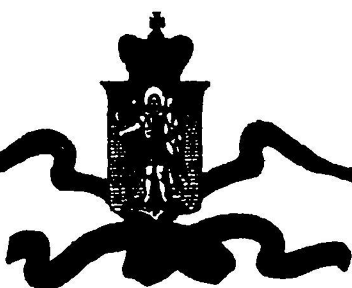
дилъ, чтобы соборъ возобновленъ былъ въ первобытномъ видѣ, отнюдь не допуская никакихъ новыхъ безвкусныхъ украшеній, но сохраняя старину во всей ея изящности.

Вниманіе Императора къ старинѣ снова подтвердилось по поводу открытія въ 1853 году древнихъ пещеръ. Въ одной изъ этихъ пещеръ найдено было на стѣнѣ изображеніе въ видѣ образа и земляное возвышеніе, какъ-бы ложе для отдыха. Предполагалось, что въ пещерахъ обитали отшельники въ первыя времена распространенія христіанства. По докладу о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, Государь повелѣлъ «главноуправляющему путей сообщенія и публичныхъ зданій отнюдь не трогать этихъ пещеръ, а если сохраненіе сей святыни будетъ препятствіемъ къ устройству спуска (дѣло было при проведеніи Панкратьевскаго спуска отъ военнаго собора до Цѣпного моста), то представить Государю соображеніе о томъ, какъ отстранить сіе препятствіе». Составленный для изслѣдованія означенныхъ пещеръ комитетъ пришелъ, однако, къ заключенію, что въ археологическомъ отношеніи пещеры не представляютъ ничего замѣчательнаго, и только тогда Государь повелѣлъ «вести дорогу по проэкту».

Любя прошлое Кіева и заботясь о его сбереженіи и возстановленіи, Императоръ Николай Павловичъ не забывалъ думать и о будущемъ города на случай возможной войны. Страстно преданный фортификаціи и военно- инженерной части, Государь задумалъ изъ Кіева сдѣлать первоклассную крѣпость, опору и защиту для всего юго-западнаго края. Съ особенной любовью и вниманіемъ онъ относился къ этому дѣлу, и многіе форты и крѣпостныя сооруженія въ Кіевѣ возводились и сооружались по планамъ и чертежамъ вѣнценоснаго инженера.

Мысль объ укрѣпленіи Кіева современна его возсоединенію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Объ этомъ заботились и Петръ Великій, и фельдмаршалъ Минихъ. Въ 1816 году, какъ мы знаемъ, предполагалось возвести въ Кіевѣ сильную первоклассную крѣпость. Но тогда эта мысль была оставлена, осуществившись только при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Возведеніе крѣпости началось послѣ турецкой войны, въ 1830 г. Громадныя укрѣпленія, состоящія изъ многихъ цитаделей на Печерскѣ, стали



строить изъ рѣдкаго по своей добротѣ строительнаго матеріала—знаменитаго кіевскаго кирпича. Крѣпостныя работы, закончившіяся только въ 1852 г., были однимъ изъ поводовъ столь частаго посѣщенія Императоромъ Кіева: въ 1829, 1830, 1832, 1835, 1837, 1840, 1843, 1845, 1847, 1850, 1852 годахъ.

Возведеніе крѣпости на Печерскѣ—главная причина расширенія Кіева, возникновенія новыхъ частей города и видоизмѣненія его плана. Крѣпостныя сооруженія занимали многія мѣста, застроенныя домами обывателей. По уплатѣ послѣднимъ за мѣста и снесенныя постройки, имъ отводились пустопорожнія мѣста по рѣкѣ Лыбеди: возникала новая часть города—теперешнее Новое Строеніе—Латинскій кварталъ Кіева, гдѣ сосредоточиваются учебныя заведенія и жилища учащихъ и учащихся. Передъ Крымской войной, въ 1853 году, прежнее зданіе присутственныхъ мѣстъ, находившееся въ виду крѣпости, нынѣ Александровскій скверъ, было срыто и въ 1854 году заложено новое зданіе, на площади между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ; здѣсь помѣщены теперь всѣ губернскія присутственныя мѣста, вмѣстѣ съ мѣстами судебными—Судебной Палатой и Окружнымъ Судомъ.

Почти одновременно съ заложеніемъ новой крѣпости состоялось перемѣщеніе въ Кіевъ изъ Могилева главной квартиры первой арміи, вмѣстѣ съ ея штабомъ, интендантствомъ, аудиторіатомъ и др. военными учрежденіями, съ фельдмаршаломъ Остенъ-Сакеномъ во главѣ. Это сосредоточіе въ Кіевѣ войскъ сдѣлало необходимымъ постройку обширнаго военнаго госпиталя (1835-1845), состоящаго изъ трехъ огромныхъ корпусовъ на 1800 человѣкъ больныхъ. Затѣмъ возведены были дѣловой дворъ и казармы—изъ двухъ каменныхъ корпусовъ и трехъ огромныхъ круглыхъ башенъ. Въ одной изъ казармъ помѣщено было училище контонистовъ, а по упраздненіи ихъ—Военное училище въ 1859 году.

Съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ гр. В. В. Левашева *) на-

*) Въ царствованіе Императора Николая Павловича генералъ-губернаторами въ Кіевѣ были: Желтухинъ (до 1830), Княжнинъ (до 1833), гр. Левашовъ (до 1836), гр. А. Д. Гурьевъ (до 1838), Д. Г. Бибиковъ (до 1853), кн. И. И. Васильчиковъ (до 1862).



Фототипія С. В. Кульженко.

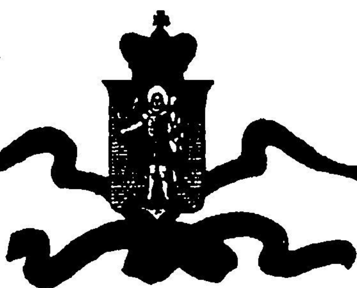
Присутственныя мѣста.



чалось распланированіе урочища Кловъ, гдѣ назначались мѣста подъ постройку частныхъ домовъ. Кіевляне разстались съ старинной липовой рощей, бывшей украшеніемъ Кіева и давшей названіе одной изъ улицъ Печерска Липками. Вотъ любопытный разговоръ по этому поводу между Императоромъ и гр. Н. Н. Муравьевымъ-Карскимъ, происходившій въ 1835 году, свидѣтельствующій о вниманіи Императора къ устройству Кіева.

— «Укрѣпляется-ли у васъ Кіевъ?» спросилъ Государь.—Есть новыя строенія, но зато лучшее украшеніе города—цѣлые ряды тополей—срубаются.—«Зачѣмъ это? Гдѣ эти тополи были? Я ихъ не помню».—Тополи были по улицамъ около домовъ, а рубятъ ихъ, чтобы спрямить улицы. —«Гдѣ ихъ спрямляютъ?»—Въ разныхъ мѣстахъ, и между прочимъ близъ сада.—«Какъ торговля въ Кіевѣ? Улучшается-ли?»—Не полагаю, Ваше Величество; купцы тамъ болѣе пріѣзжіе, а съ уничтоженіемъ главной квартиры они очень обѣднѣютъ, ибо мы тамъ издерживали до милліона рублей въ годъ. – «Если перевести Бердичевскую ярмарку? Но я полагаю сіе невозможнымъ. Какъ ты думаешь о семъ?»—Я думаю, Государь, что ярмарки учреждаются безусловно по обстоятельствамъ и надобностямъ народа, а потому и полагаю, что правительство не можетъ назначать и переводить ихъ, какъ равно и торговыя дороги.—«Подвигаются-ли крѣпостныя работы?» —Подвигаются, и отдѣлка стѣнъ очень чистая.—«Какъ идетъ Университетъ?»—Это одно изъ лучшихъ заведеній въ Кіевѣ.—«Тамъ Брадке управляетъ имъ; онъ человѣкъ знающій», прибавилъ Государь.

Въ 1834 году утверждено было положеніе объ устройствѣ Кіева, имѣвшее цѣлію украшеніе его правильными и прочными зданіями, исправнымъ содержаніемъ домовъ, заборовъ, мостовъ, публичныхъ зданій, садовъ и т. п. Въ 1837-1848 гг. планированіе распространилось и на древніе валы Стараго Кіева, гдѣ провели новыя улицы—Владимірскую, Михайловскую, Житомирскую и др. Вслѣдствіе этого и эта часть города совершенно измѣнилась. Между тѣмъ наводненія, происходившія отъ разлива Днѣпра и сильныхъ дождей, которымъ нерѣдко подвергался Кіевъ (1839,





1844, 1845, 1848, 1849, 1853), заставили обратить вниманіе на укрѣпленіе его горъ. Поэтому, въ 1839-1849 г. произведена обдѣлка Александровской горы, возобновленъ кіево-подольскій каналъ—въ просторѣчіи канава. Онъ былъ обсаженъ деревьями и образовалъ бульваръ. Этотъ бульваръ долгое время служилъ мѣстомъ прогулокъ для жителей Подола, пока снова не былъ запущенъ. Часть Подола за канавой съ 1844 году стала распланировываться, расчищаться и застраиваться. Наводненіе отъ разлива Днѣпра въ 1845 году побудило многихъ жителей Подола и Плоской части переселиться на прилегающія возвышенности отъ Житомирской дороги до Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній. Начатая въ 1843 году обдѣлка Михайловской горы и Александровскаго спуска съ Печерска на Подолъ закончена въ 1849 году, а работы по устройству набережной отъ Цѣпного моста до Подола и далѣе, стоившія нѣсколько сотъ тысячъ, были окончены въ 1860 году. Въ 1848-1853 г. построенъ былъ Цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ, вмѣсто временно наводившагося понтоннаго. Сооруженіе это настолько считалось замѣчательнымъ, что модель моста выставлена была на показъ публикѣ въ Хрустальномъ дворцѣ въ Сиднемѣ, близъ Лондона. Мостъ былъ выстроенъ по проектамъ и планамъ англійскаго инженера Шарля де-Виньоля, который былъ и строителемъ его. Стоимость постройки 2.350.000 р., а число рабочихъ—свыше 2000 человѣкъ. Въ 1855 г. устроена была набережная дорога отъ Неводницкой пристани къ Выдубицкому монастырю. Въ 1852 г. начались работы по отдѣлкѣ Панкратьевскаго спуска отъ военнаго Никольскаго собора къ Цѣпному мосту. Почти одновременно, въ 1853 г., былъ сооруженъ барономъ Клодтомъ памятникъ Св. Равноапостольному Владиміру, на уступѣ Михайловской горы, съ котораго открывается волшебный видъ на весь Подолъ и Заднѣпровье. Въ 1854 г. на площади между Владимірской и Фундуклеевской улицами было заложено каменное зданіе театра по плану архитектора Штрома, стоившее до 130000 р. Театръ былъ открытъ въ 1856 г. и доставлялъ въ теченіе сорока лѣтъ эстетическое наслажденіе кіевлянамъ; онъ сгорѣлъ въ текущемъ году.





Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Памятникъ Св. Князю Владиміру.



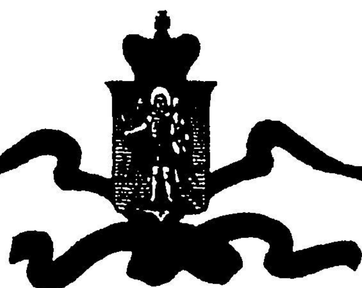
Въ заключеніе отмѣтимъ еще нѣкоторыя явленія, имѣвшія значеніе въ жизни Кіева въ его Николаевскую эпоху: въ 1834 году образовалось акціонерное общество для приготовленія въ Кіевѣ искуственныхъ минеральныхъ водъ; указомъ 8 марта 1835 г. уволены отъ платежа податей на 3 года вновь поселившіеся купцы и вновь построившіе дома: это привлекло въ Кіевъ нѣсколько новыхъ, а въ числѣ ихъ и иностранныхъ, торговыхъ фирмъ; въ 1835 г. разрѣшено было въ Кіевѣ держать постоянную русскую труппу, подъ управленіемъ особой дирекціи, съ пособіемъ отъ города; въ 1838 г. былъ утвержденъ уставъ Кіевскаго благороднаго собранія; въ 1840 г. открыто общество врачей, при 12 членахъ-основателяхъ; въ 1842 г. на Днѣпрѣ впервые появились два парохода; въ 1852 г. была выставка мануфактурныхъ и земледѣльческихъ произведеній въ Контрактовомъ домѣ на Подолѣ.

Не забудемъ помянуть и то страшное бѣдствіе, которое постигло Кіевъ въ царствованіе Императора Николая Павловича: говоримъ о холерѣ, трижды опустошавшей населеніе города—въ 1831, 1847 и 1853 годахъ, а на этотъ послѣдній разъ къ холерѣ присоединился повальный тифъ между рабочими, производившими устройство Панкратьевскаго спуска.

Это не могло не отразиться на числѣ жителей Кіева: къ концу царствованія Императора, въ 1856 г. въ Кіевѣ числилось 57,618 душъ, а число каменныхъ домовъ возросло до 436.

Мы прослѣдили постоянный ростъ Кіева подъ державнымъ покровительствомъ Государя Николая Павловича; мы видѣли, какъ изъ небольшого, почти-что заброшеннаго, города онъ преобразовался въ одинъ изъ лучшихъ городовъ не только Россіи, но и Европы. Этимъ всецѣло онъ обязанъ Императору. Никто, конечно, изъ русскихъ Государей не любилъ такъ Кіева, никто не понималъ такъ его значенія и не заботился такъ о его возрожденіи, какъ Николай Павловичъ. Отношеніе къ Кіеву—выдающаяся страница въ исторіи его царствованія, свидѣтельствующая о его дальновидномъ государственномъ умѣ. Память его, поэтому, должна быть дорога и завѣтна для гражданъ Кіева. Воздвигнувъ посильными

7



приношеніями памятникъ могучему Императору, мы однимъ этимъ не исполнимъ еще того нравственнаго долга признательности, который лежитъ на насъ. Граждане возрожденной матери городовъ русскихъ, мы должны тщиться сдѣлать нашъ городъ достойнымъ этого славнаго нарицанія. А въ сердцахъ своихъ мы навсегда должны запечатлѣть образъ Императора, преисполненнаго любви къ Россіи и заботъ о ея благѣ. Да напоминаетъ онъ намъ, что въ нашемъ Кіевѣ зарождалась національность и воплощающее ее русское государство, и что нашъ Кіевъ, гордый своимъ прошлымъ, долженъ и въ будущемъ быть свѣточемъ для всей русской земли, которой онъ долженъ подавать примѣръ самоотверженнаго служенія великому принципу, провозглашенному Императоромъ Николаемъ Павловичемъ,—принципу православія, самодержавія и народности.



Цѣпной мостъ.



Глава II.

Учрежденіе Императорскаго Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ и его судьба при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

«Во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ»!

Безспорно, лучшее и прочнѣйшее изъ благъ, дарованныхъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Кіеву и юго-западному краю, есть учрежденіе въ Кіевѣ Университета Св. Владиміра. Чтобы достойно оцѣнить это событіе, надо знать, въ какомъ положеніи было дѣло народнаго просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ Россіи до учрежденія Университета въ Кіевѣ, изъ коего составился этотъ Университетъ первоначально и пополнялся потомъ, и, наконецъ, какими средствами снабженъ былъ Университетъ для достиженія обще-культурныхъ и національныхъ задачъ, на него возложенныхъ.

1. Состояніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ Имперіи при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

Въ началѣ царствованія Императора Александра Павловича, въ числѣ прочихъ благодѣтельныхъ реформъ, предпринято было учрежденіе цѣлой сѣти университетовъ, которая должна была обнять всю территорію Имперіи; новые университеты были основаны въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Западный край Имперіи, который на огромномъ пространствѣ заключалъ въ себѣ преимущественно древнѣйшія русскія земли, возвращен-





ныя отъ Польши при Императрицѣ Екатеринѣ II, имѣлъ одинъ польскій университетъ въ Вильнѣ и составлялъ одинъ учебный округъ; къ этому округу тянулъ и Кіевъ со всѣмъ юго-западнымъ краемъ. Округомъ управлялъ, въ качествѣ попечителя, извѣстный дѣятель той эпохи князь Адамъ Чарторыйскій, а юго-западною частью его правилъ графъ Тадеушъ Чацкій, въ качествѣ визитатора.

Уже малороссійскіе депутаты въ Екатерининской комиссіи 1767 года ходатайствовали объ учрежденіи университета въ Кіевѣ. По вступленіи на престолъ Императора Александра I и учрежденіи университетовъ въ Харьковѣ и Казани, возникла мысль основать университетъ и въ Кіевѣ; для рѣшенія вопроса на мѣстѣ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій ѣздилъ въ Кіевъ въ 1805 г., но здѣсь графъ Чацкій (по внушенію князя Адама Чарторыйскаго) представилъ графу Завадовскому возраженія, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что всѣ высшія сословія юго-западнаго края принадлежатъ къ польской національности: для нихъ только и можетъ быть основанъ университетъ и, разумѣется, польскій; въ Кіевѣ же трудно устроить такой университетъ, въ которомъ науки должны быть излагаемы на польскомъ языкѣ, право должно преподаваться польское, а церковное право—католическое. Важнѣйшимъ препятствіемъ къ устройству такого университета въ Кіевѣ графъ Чацкій видѣлъ въ томъ, что въ Кіевѣ православное духовенство имѣетъ значительную силу и, «по своей малообразованности», не допуститъ господства польской науки и католической религіи въ университетѣ. Князь Чарторыйскій, сверхъ того, не желалъ допустить раздробленіе Виленскаго учебнаго округа на два (что неминуемо послѣдовало бы съ открытіемъ университета), «чтобы не нарушить того объединенія края, которое выражается въ единствѣ образованія», т. е. чтобы всѣ провинціи, присоединенныя отъ Польши, сохранили единство, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ народнаго образованія.

Графъ Завадовскій отступилъ предъ этими резонами; тѣмъ болѣе, что въ кіевскомъ митрополитѣ Серапіонѣ онъ встрѣтилъ противника мы-

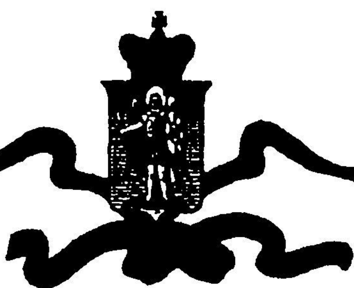




сли о соединеніи академіи съ университетомъ—мысли, которую раздѣлялъ и тогдашній гражд. губернаторъ Панкратьевъ. Графъ Завадовскій самъ воспитывался въ Кіевѣ (въ здѣшней академіи) и хорошо былъ освѣдомленъ относительно состоянія Кіева и юго-западнаго края; разумѣется, онъ долженъ былъ вполнѣ согласиться съ тою частью мысли Чацкаго, что въ Кіевѣ нельзя основать польскій университетъ, хотя по другимъ мотивамъ: русскимъ людямъ было невозможно допустить мысль объ основаніи польскаго университета въ старомъ стольномъ городѣ Владиміра Св. и Владиміра Мономаха, въ томъ городѣ, въ которомъ находится палладіумъ русскаго православія—Печерская лавра, въ городѣ, который со временъ Богдана Хмельницкаго составлялъ вновь неразрывную часть русскаго отечества. Но немалое число людей изъ тогдашней русской интеллигенціи вполнѣ соглашалось съ польскою и въ томъ, что край, тянувшій къ этому городу, есть часть Польши, отторгнутая путемъ силы при Императрицѣ Екатеринѣ II; многіе изъ русскихъ людей полагали тогда, что этотъ мнимый актъ политической несправедливости долженъ быть заглаженъ возвращеніемъ западно-русскаго края возстановленной Польшѣ. Для такой страны никакой другой университетъ, кромѣ польскаго, казался невозможнымъ. Такъ и русскіе, и польскіе дѣятели того времени сошлись въ одной мысли о невозможности основать университетъ въ Кіевѣ.

Такимъ образомъ Кіеву еще болѣе 1/4 столѣтія предстояло оставаться безъ университета, въ то время какъ Харьковъ и полутатарская Казань уже пользовались благами высшаго образованія. А эта четверть столѣтія не прошла безслѣдно въ исторіи національнаго самосознанія многомилліоннаго населенія здѣшняго края: на сколько двинулась впередъ польская культура дружными усиліями и жертвами, на столько русская отодвинулась назадъ.

Въ замѣнъ отвергнутой мысли объ основаніи университета въ Кіевѣ, была тогда же (1805 г.) открыта гимназія въ Кременцѣ, которая въ 1819 г. переименована въ лицей. Волынскій лицей долженъ былъ играть роль университета для юго-западнаго края, но то не былъ университетъ,



а слѣдовательно раздробленіе Виленскаго учебнаго округа, чего такъ опасался князь Чарторыйскій, предотвращалось. Лицей былъ учрежденъ вполнѣ польскимъ, какъ по составу преподавателей и лицъ начальствующихъ, такъ по языку преподаванія и направленію его. Такой характеръ этого заведенія утвержденъ за нимъ и тогдашнимъ русскимъ правительствомъ. Комплектъ наукъ (совмѣщавшій въ себѣ приблизительно два нынѣшнихъ факультета: историко-филологическій и физико-математическій) былъ довольно сложенъ и пестръ; но русскіе предметы были представлены только однимъ преподавателемъ, который одинъ долженъ былъ излагать и русскую исторію, и русскій языкъ, и русскую литературу; но и этотъ преподаватель, имѣя предъ собою слушателей, не знающихъ русскаго языка, долженъ былъ, конечно, прибѣгать при объясненіи къ языку польскому. Научное образованіе само по себѣ (независимо отъ національной подкладки) страдало многими несовершенствами, истекающими изъ пестроты и многопредметности курсовъ.

Это вполнѣ польское учрежденіе содержалось преимущественно на средства, отпускаемыя русскимъ правительствомъ: щедротами Императора Александра Павловича Кременецкой гимназіи предоставлены были доходы Кременецкаго староства; сверхъ того, деньгами изъ государственнаго казначейства назначено было къ ежегодному отпуску 5700 р. и отдѣльно на училище землемѣровъ при ней 3857 р. Въ первые годы всѣ расходы гимназіи простирались до 23-хъ тысячъ, а доходовъ, заимствуемыхъ ею изъ государственнаго казначейства, она имѣла до 19-ти тысячъ; такимъ образомъ лишь 4 тысячи падали на средства мѣстнаго населенія.

Но нужно отдать справедливость этому мѣстному (польскому) населенію: на горячій призывъ Чацкаго оно откликнулось съ полною щедростью; оно сдѣлало громадныя пожертвованія единовременно и установило ежегодные взносы, обезпеченные на имѣніяхъ жертвователей фундушовыми записями. Такія пожертвованія постепенно увеличивались въ послѣдующіе годы; гимназія, и по преобразованіи въ лицей, не могла



Свѣтопечать С. В. Кульженко

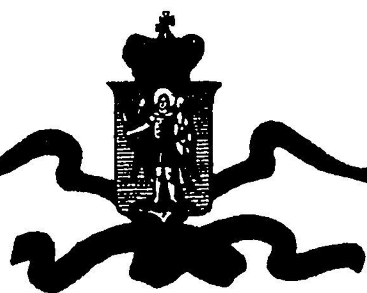
Первая гимназія.



израсходовать своихъ средствъ, которыя, волею исторической судьбы, сохранились, какъ наслѣдство, для будущаго Кіевскаго Университета.

Съ теченіемъ времени Волынскій лицей развивалъ кругъ своей дѣятельности все шире и крѣпче, привлекая къ себѣ большія массы слушателей и утверждая, по мѣрѣ силъ своихъ, основы польской культуры въ умахъ мѣстнаго населенія.

Такой же характеръ имѣло среднее народное образованіе въ прочихъ училищахъ края. Прежде всего по числу школъ и учащихся оно было недостаточно для такой громадной страны. Предѣлы его объема оставались почти неизмѣнными съ того времени, какъ установились при польскомъ правительствѣ. Учрежденія для образованія сосредоточены были преимущественно на Волыни, но и тамъ было только десять, такъ называемыхъ уѣздныхъ, училищъ (и три предполагалось открыть при Чацкомъ); въ Подольской губерніи было только четыре училища на всѣ двѣнадцать уѣздовъ, а въ Кіевской—три. Лишь впослѣдствіи, въ царствованіе Императора Александра I, произошли нѣкоторыя перемѣны въ составѣ среднихъ училищъ, а именно Винницкое училище преобразовано въ гимназію, а въ Кіевѣ открыта новая I-я гимназія (въ 1812 г.). И внутреннее достоинство этого образованія не могло стоять высоко при томъ составѣ учительскаго персонала, какой передала Россіи Рѣчь Посполитая и какой оставался почти неизмѣннымъ и при русскомъ управленіи; почти всѣ училища были нѣкогда открыты католическими монашествующими орденами и уніатскимъ орденомъ базиліанъ; въ рукахъ этихъ учрежденій школы оставались и при Чацкомъ въ концѣ 10-хъ годовъ XIX в.; напр. во Владимірскомъ училищѣ въ 1809 г. начальникъ его (префектъ) и шесть учителей были монахи—базиліане, свѣтскихъ было только двое: учитель русскаго языка и учитель нѣмецкаго языка. Не отличаясь сами высокимъ образованіемъ, учителя—монахи крѣпко придерживались старыхъ учебниковъ, бывшихъ въ ходу еще во время Польши и составленныхъ (за немногими исключеніями) также лицами монашествующими.



Направленіе этого образованія отличалось большою опредѣленностью: именно—оно было патріотически—польскимъ. Всѣ предметы преподавались на польскомъ языкѣ; впрочемъ, въ каждомъ училищѣ полагался одинъ учитель русскаго языка, котораго назначеніе прежде зависѣло отъ приказовъ общественнаго призрѣнія, а при Императорѣ Александрѣ I отъ учебнаго окружного начальства (т. е. отъ князя Чарторыйскаго и графа Чацкаго). Учили русскому языку не обязательно, какъ иностранному, наравнѣ съ нѣмецкимъ и французскимъ. Учителя этого языка избирались преимущественно изъ мѣстныхъ людей, иногда изъ лицъ польскаго происхожденія, а потому и самое обученіе русскому языку велось большей частью на польскомъ. Если же попадался учитель, не знающій польскаго языка, то сами ученики просили о его увольненіи, и начальство исполняло ихъ просьбу. При Чацкомъ нерѣдко вакансіи учителей русскаго языка не были вовсе замѣщаемы, а преподованіе этого предмета возлагалось на наличный составъ учителей другихъ предметовъ; средства же, отпускаемыя русскимъ правительствомъ на преподованіе русскаго языка, были распредѣляемы на другія нужды училища. Преподованіе православнаго Закона Божія обыкновенно вовсе не допускалось, хотя въ училищахъ былъ извѣстный процентъ учениковъ этого вѣроисповѣданія; они, по отчетамъ, учились религіи подъ надзоромъ своихъ родителей и смотрителей училища (которыми, однако, были католики). Лишь въ 20-хъ годахъ текущаго вѣка на это дѣло было обращено вниманіе правительства, именно князя А. Н. Голицына, министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; тогда (въ 1821 г.) оказалось, что въ Кременцѣ училось 34 православныхъ, въ Житомирѣ 27, въ Овручѣ 18, въ Любарѣ 16, въ прочихъ училищахъ отъ 8 до 2-хъ. Между тѣмъ монашествующій (католическій) строй тогдашнихъ училищъ требовалъ постоянной примѣси къ учебному распорядку времени религіозныхъ церемоній (католическихъ): хожденія въ костелъ, пѣнія гимновъ, и во всемъ этомъ участвовала и та небольшая горсть православныхъ учениковъ, которая была замѣшана между католиками, а потому неудивительно, если эта частичка русской



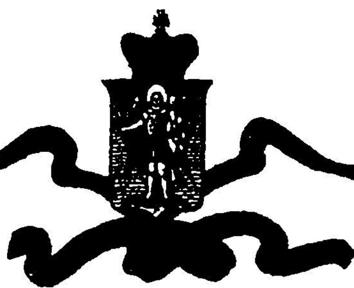
національности, среди сотенъ соучениковъ—католиковъ, быстро усвояла себѣ всѣ отличительные признаки польской національности.

Нѣкоторое исключеніе представлялъ лишь городъ Кіевъ, въ гимназіи котораго языкомъ преподаванія былъ русскій; но Кіевъ еще съ половины XVII в. не принадлежалъ къ провинціямъ, остававшимся подъ властію Польши до знаменитой эпохи Императрицы Екатерины II.

Такой же характеръ носило и низшее народное образованіе въ цѣломъ юго-западномъ краѣ; всѣ школы, которыя можно причислить къ этому разряду, пріютились при костелахъ и католическихъ монастыряхъ; такъ при Чацкомъ въ Волынской губерніи считалось при костелахъ 35 школъ и при монастыряхъ 33; и только. Ихъ, конечно, мало; но для какого народа существовали и эти школы? Милліонная масса, окружавшая костелы и монастыри, состояла изъ русскаго населенія, удержавшаго православную вѣру со временъ Владиміра св. или возвращеннаго изъ уніи при Императрицѣ Екатеринѣ II. Кто могъ тогда принимать въ разсчетъ эту массу въ вопросахъ народнаго образованія? Разумѣется, не мѣстные землевладѣльцы, уже всѣ поголовно исповѣдовавшіе католическую вѣру, хотя они и сами происходили большею частью отъ древне-русскихъ дворянскихъ родовъ. Могло, конечно, позаботиться православное приходское духовенство; но оно само нуждалось въ экономическомъ и умственномъ подъемѣ, такъ какъ всѣ экономическія и моральныя силы, окружавшія его, стояли въ лагерѣ противниковъ. Впрочемъ, съ древнѣйшихъ временъ при православныхъ церквахъ были свои школки, большей частью собственно для нуждъ церкви, малыя по составу учащихся, нищія по средствамъ и ютившіяся при богодѣльняхъ; онѣ существовали главнымъ образомъ для призрѣнія сиротъ, а не для обще-народнаго образованія.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло народнаго образованія до царствованія Императора Николая Павловича. Независимо отъ направленія его (національно-польскаго) оно, по своимъ внутреннимъ свойствамъ,

8





настоятельно требовало реформъ. Быть можетъ и потомъ такія реформы наступили бы не скоро, если бы не былъ данъ къ тому внѣшній политическій толчекъ въ смутахъ 1830—31 годовъ,—толчекъ, который изъ Парижа отразился на берегахъ Вислы и Днѣпра. Когда разрушительныя военныя бури улеглись, то съ 1832 г. открылось широкое поле дѣйствія для зиждительной работы просвѣщенія и науки. Даже тѣ самыя лица, которыя съ оружіемъ въ рукахъ только что шли на стѣны Варшавы, были призваны къ водворенію внутренняго мира путемъ образованія: Е. Ѳ. фонъ-Брадке, совершившій всѣ походы съ Дибичемъ и Паскевичемъ, былъ поставленъ тотчасъ же (14 дек. 1832 г.) во главѣ новаго Кіевскаго Округа и вполнѣ оправдалъ это новое призваніе, несмотря на кратковременность своей благородной дѣятельности въ Кіевѣ; къ сожалѣнію, она прервана была новою смутою 1839 года.

Возвращаясь къ 1832 году, мы должны отмѣтить, что новая постановка народнаго образованія была задумана на широкихъ началахъ; она коснулась мысли о просвѣщеніи народныхъ массъ, остававшихся еще въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ польской національности; тогда рѣшились «всѣ приходскія училища въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, бывшія въ рукахъ римско-католическаго духовенства, упразднить совершенно и вмѣсто того завести современемъ новыя и единственно для преподаванія русской грамоты, русскаго катехизиса и ариѳметики при церквахъ греко-россійскаго исповѣданія, отдавъ ихъ подъ надзоръ приходскихъ священниковъ, ибо симъ только средствомъ можно будетъ тамошній низшій классъ народа, коренного русскаго, исторгнуть изъ рукъ духовенства западной церкви». Такъ докладывалъ Императору Николаю Павловичу тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ; и въ этомъ смыслѣ состоялось Высочайшее повеленіе 25 іюля. Хотя и графъ Уваровъ предвидѣлъ, что такого рода реформа можетъ быть совершена лишь «современемъ», но полвѣковой опытъ показалъ, что осуществить ее оказалось нелегко и въ такой громадный періодъ времени.



Гораздо счастливѣе была судьба средняго образованія: тогда вмѣсто одной прежней гимназіи въ городѣ Винницѣ было открыто сразу четыре: въ Луцкѣ, Винницѣ, Каменцѣ—Подольскомъ и Житомирѣ, что вмѣстѣ съ Кіевскою составляло пять на юго-западный край,—число, для того времени, весьма достаточное. Число уѣздныхъ училищъ, съ преобразованіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ упомянутыхъ городахъ) въ гимназіи, уменьшилось съ 9 на 6; но графъ Уваровъ вообще не возлагалъ надеждъ на учрежденія этого разряда, какъ разсадника вредной полуобразованности.

Само собою разумѣется, что во всѣхъ гимназіяхъ и училищахъ языкомъ преподаванія признанъ русскій, за исключеніемъ одного предмета— католическаго закона Божія.

Столь общую и коренную реформу народнаго образованія оставалось увѣнчать созданіемъ высшаго учебнаго заведенія, которое должно приготовлять преподавателей и руководителей образованія для среднихъ школъ, которому принадлежало бы и общее управленіе средними и низшими училищами, которое, независимо отъ того, могло бы дать новый контингентъ образованныхъ русскихъ людей для гражданской службы въ краѣ, которое наконецъ, дѣйствуя и на молодые умы мѣстнаго—польскаго населенія, сглаживало бы рѣзкую политическую рознь умиротворяющею силою науки.

Однако въ началѣ, т. е. въ 1832 и 1833 годахъ, правительство не пришло еще къ опредѣленной мысли объ основаніи въ Кіевѣ именно университета: предполагалось перевести Волынскій лицей въ Житомиръ, а въ Кіевѣ основать юридическій институтъ св. Владиміра. Затѣмъ, въ замѣнъ закрытаго Виленскаго университета предполагалось основать лицей для сѣверо-запада въ Оршѣ; для послѣдняго были уже ассигнованы и суммы изъ Государственнаго Казначейства. Лишь къ концу 1833 года пришли окончательно къ мысли перевести Волынскій лицей въ Кіевъ, соединить съ нимъ предполагаемый юридическій лицей св. Владиміра, не учреждать отдѣльнаго лицея въ Оршѣ и суммы его обратить на Кіевскій университетъ, который признать общимъ для всего западнаго края. Съ

тѣхъ поръ и до сего времени сѣверо-западный край остается безъ высшаго учебнаго заведенія и, хотя имѣетъ отдѣльный учебный округъ, но тяготѣетъ къ Кіеву.

2. Открытіе университета.

8-го ноября 1833 г. послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ Сенату: «обращая безпрерывное вниманіе Наше на успѣхи истинно народнаго воспитанія въ государствѣ, признали Мы за благо, по переводѣ Волынскаго лицея изъ Кременца въ Кіевъ, преобразовать оный въ высшее учебное заведеніе съ надлежащимъ распространеніемъ и на твердыхъ основаніяхъ преимущественно для жителей Кіевской, Волынской и Подольской губерній, коихъ наслѣдственное усердіе въ пользу Просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній того края. Такимъ образомъ, избравъ городъ Кіевъ, съ давнихъ лѣтъ къ учрежденію университета предназначенный, равно драгоцѣнный для всей Россіи, колыбель св. вѣры нашихъ предковъ и вмѣстѣ первый свидѣтель ихъ гражданской самобытности, Мы повелѣли учредить въономъ университетъ подъ особымъ покровительствомъ и въ память великаго Просвѣтителя Богомъ врученной намъ страны». Этотъ указъ есть заповѣдная скрижаль нашего университета, который, будучи признанъ наслѣдникомъ и продолжателемъ просвѣтительной дѣятельности русскаго великаго Владиміра, въ то же время связанъ преемственными узами съ недавними польскими образовательными учрежденіями, какъ наслѣдникъ ихъ имущественныхъ правъ.

Воля, выраженная въ указѣ 8 ноября, получила осуществленіе въ уставѣ университета св. Владиміра, утвержденномъ 25 декабря того же года, въ видѣ опыта на четыре года; впослѣдствіи дѣйствіе его продол-



Свѣтопечать С. В. Кульженко

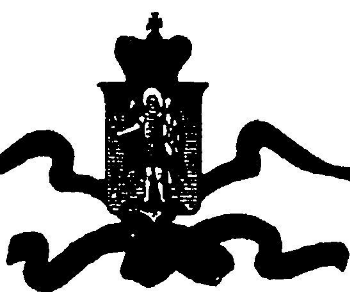
Университетъ Св. Владиміра со стороны Б.-Владимірской улицы.



жено еще на четыре года, (когда, именно, въ 1842 г. данъ опять новый спеціальный уставъ университету св. Владиміра, продолжавшій дѣйствовать до 1863 г.)

По уставу 1833 г. университетъ поставленъ былъ въ самую тѣсную связь съ управленіемъ округа въ томъ смыслѣ, что университету принадлежитъ все это управленіе подъ руководствомъ и ближайшемъ участіи попечителя; университетъ самъ долженъ былъ заботиться о надлежащемъ приготовленіи себѣ будущихъ слушателей. Но административная роль университета въ округѣ продолжалась не долго, хотя успѣла выразиться весьма полезными результатами.

Послѣ утвержденія устава дѣло организаціи новаго университета закипѣло съ чрезвычайною быстротою. Предстояло открыть университетъ, не имѣя еще никакого помѣщенія для него въ городѣ, въ которомъ въ тѣ времена не было и частныхъ зданій, пригодныхъ для такого огромнаго учрежденія; не было на мѣстѣ людей для хлопотливаго труда по этому дѣлу; не было ни одного профессора, кромѣ польскаго состава преподавателей Волынскаго лицея, которые всѣ еще жили въ Кременцѣ. Оттуда, изъ Кременца въ Кіевъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, зимою надо было перевезти довольно большую библіотеку лицея, почти всѣ коллекціи по каѳедрамъ наукъ естествознанія. Новому попечителю Е. Ѳ. фонъ-Брадке предсказывали въ Петербургѣ, что открыть университетъ въ іюлѣ, т. е. черезъ полгода по утвержденіи устава,—дѣло немыслимое; однако удивительная энергія этого человѣка преодолѣла всѣ затрудненія; онъ объявилъ, что въ случаѣ крайности откроетъ университетъ на улицѣ. И открылъ его, если не на улицѣ, то въ нѣсколькихъ зданіяхъ, разсѣянныхъ по двумъ частямъ города: Печерску (тогдашней главной части) и Липкамъ; сначала нанято было три дома, а потомъ семь. Но эти дома служили для аудиторій, для казенно-коштныхъ студентовъ, для засѣданій правленія и совѣта. Для библіотеки же и коллекцій наняты были, отдѣльно отъ этихъ домовъ, амбары и сараи, гдѣ и сваливались книги и инструменты впредь до разбора ихъ. Огородъ съ домикомъ, на-





нятый за 77 рублей въ годъ, долженъ былъ до поры до времени играть роль ботаническаго сада.

Брадке тогда же успѣлъ заручиться и нѣсколькими русскими профессорами, и при томъ такими, которые впослѣдствіи составляли гордость и украшеніе университета и сослужили ему великую службу въ качествѣ преподавателей и правителей университета; таковы: Максимовичъ (изъ Московскаго университета), Цыхъ (изъ Харьковскаго), Новицкій и Авсеневъ (изъ Кіевской духовной академіи). Уже 8 марта было открыто правленіе университета, а 16 марта—совѣтъ.

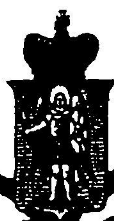
Непомѣрные труды новаго попечителя, правленія и совѣта увѣнчались успѣхомъ: къ 15 іюля кое-какъ наладили дѣло: можно было начать фактически дѣятельность университета.

Въ знаменательный день 15 іюля, посвященный памяти равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи, состоялся торжественный актъ открытія университета. Еще за нѣсколько дней до того, въ Кіевъ начало съѣзжаться во множествѣ дворянство трехъ юго-западныхъ губерній; но изъ за Днѣпра—изъ Черниговской и Полтавской губерній—поднялись немногіе, такъ что подавляющее большинство собранія состояло изъ лицъ польскаго происхожденія. Главный дѣятель торжества—Брадке—свидѣтельствуетъ, что «съѣхалось тогда больше, чѣмъ съѣзжается на контракты въ январѣ мѣсяцѣ. За три рубля въ сутки (по тогдашнему большая цѣна) нельзя было достать крошечной комнатки. Многіе богатые люди располагались по сараямъ и въ клѣтяхъ. До такой степени три юго-западныя губерніи сочувствовали этому торжеству» (прибавляетъ онъ же). День 15 іюля начался богослуженіемъ въ Печерской лаврѣ. Оттуда въ 11 часовъ митрополитъ (знаменитый Евгеній) съ знатнымъ духовенствомъ (между прочимъ извѣстнымъ Иннокентіемъ, тогдашнимъ ректоромъ Кіевской академіи) и всею собравшеюся публикою, т. е. графомъ Протасовымъ, прибывшимъ изъ Петербурга ко дню открытія университета, фельдмаршаломъ Остенъ-Сакеномъ, генералъ-губернаторомъ (графомъ Левашевымъ), начальниками губерній, предводителями дворянства, попе-



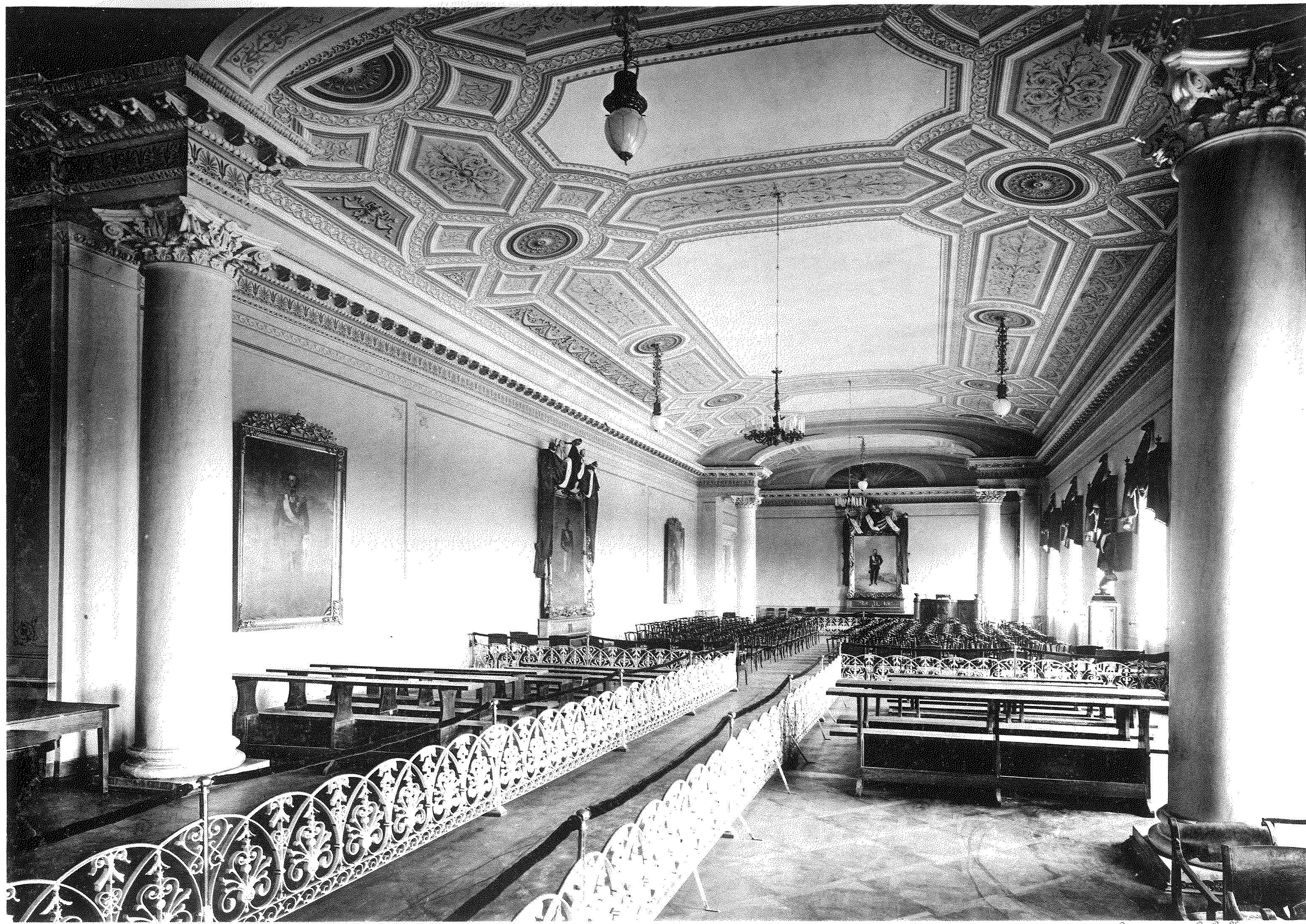


чителемъ, университетскими чинами, отправились въ главное зданіе, занятое университетомъ; въ немъ была зала, вмѣстимостью не болѣе, какъ на 300 человѣкъ, но юго-западное дворянство выпросило позволеніе явиться всѣмъ безъ билетовъ, и потому не только зала, но и боковыя комнаты и лѣстницы переполнились почетнымъ народомъ. Митрополитъ освятилъ зданіе, и публика заняла свои мѣста. Съ каѳедры были прочитаны Высочайшіе указы и рескрипты, относящіеся къ учрежденію университета. Тогда эту каѳедру занялъ профессоръ Цыхъ, и оттуда въ первый разъ раздалась въ западномъ краѣ русская рѣчь, достойная высшаго разсадника наукъ, рѣчь человѣка, глубоко проникнутаго вѣрою въ могущественное дѣйствіе науки, человѣка искренняго, съ неподкупной совѣстью. Говоря о значеніи высшаго образованія, онъ поставилъ своею главною темою, что «утилитарное воззрѣніе на науку не прилично человѣку истинно образованному, неприлично гражданину, коего сердцу дорого благо его отечества.» Важность образованія «должна быть измѣряема важностію слѣдствій его для блага общественнаго.» Ораторъ твердо вѣрилъ въ то, что говорилъ, и говорилъ не для красоты рѣчи; онъ потомъ запечатлѣлъ правдивость своихъ принциповъ своею профессорскою и ректорскою дѣятельностію. То были лучшія пожеланія на крестинахъ новорожденнаго университета; далеко не всѣми признаваема была тогда мысль о великомъ значеніи образованія для блага общественнаго, помимо другихъ утилитарныхъ его приложеній. Но ораторъ, сверхъ того, предвидѣлъ и большую матеріальную пользу учрежденія университета въ Кіевѣ, въ частности для города Кіева. «Университетъ, говорилъ онъ, дастъ совершенно другой видъ этому городу; бѣдныя лачужки, тѣснящіяся одна подлѣ другой въ отдаленныхъ частяхъ города, обратятся въ огромныя красивыя зданія; на обширныхъ пустыряхъ, отдѣляющихъ одну часть города отъ другой, представляющихъ столько неудобствъ для жителей его, возникнутъ прекрасныя строенія или красивыя гульбища.» Эта часть пророчества Цыха исполнилась въ точности на глазахъ еще нынѣ живущаго поколѣнія: жалкій провинціальный городокъ, состоявшій изъ однихъ предмѣстій, пре-



образился въ большой европейскій городъ, главнымъ образомъ благодаря своему университету и тѣмъ многочисленнымъ учебнымъ заведеніямъ, которыя возникли потомъ вокругъ его, а также благодаря широкой дѣятельности вспомогательныхъ учрежденій университета (напр. клиникъ), привлекавшихъ въ Кіевъ массы иногороднаго населенія. Безспорно, что одна большая часть города создана исключительно университетомъ.

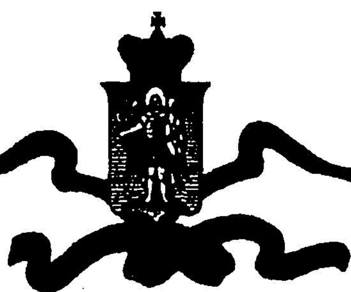
За рѣчью Цыха слѣдовала рѣчь одного изъ главныхъ виновниковъ торжества, попечителя Брадке, который изложилъ причины основанія университета и намѣренія правительства. Мы уже говорили, какія обстоятельства вызвали наконецъ осуществленіе давней мысли объ основаніи университета въ Кіевѣ; но любопытно знать, какъ сознавали тогдашніе государственные дѣятели цѣль собственныхъ дѣйствій. Приведенный выше указъ Императора Николая Павловича 8-го ноября 1833 г. и уставъ 25 декабря были, во первыхъ, знаменемъ обновленія высшаго образованія въ цѣлой имперіи, послѣ того какъ университеты, основанные при Императорѣ Александрѣ I, въ концѣ царствованія этого государя были дискредитированы и дошли до жалкаго ничтожества. Новый Императоръ возвращаетъ имъ свое довѣріе и признаетъ высшее образованіе благомъ государства, достойнымъ заботъ высшаго правительства. Во вторыхъ, актъ основанія Кіевскаго университета былъ знаменемъ воскресенія русской образованности въ томъ краѣ, который наканунѣ признаваемъ былъ польскимъ, и который, именно путемъ образованія, надѣялись вновь связать съ древними основами русской національности временъ св. Владиміра. Воздадимъ должное Императору Николаю Павловичу, который понялъ эти двѣ высшихъ государственныхъ задачи и рѣшилъ выполнить ихъ. Ближайшій исполнитель мысли и воли Государя графъ С. С. Уваровъ, начавшій свою министерскую дѣятельность въ самый годъ открытія университета въ Кіевѣ, назвалъ впослѣдствіи этотъ университетъ своимъ созданіемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что принималъ въ этомъ дѣлѣ самое выдающееся участіе. Ему принадлежитъ и болѣе подробное выраженіе идей о значеніи университета св. Владиміра, которое онъ и опредѣляетъ такъ: «чтобы въ


Свѣтопечать С. В. Кульженко

Торжественный залъ Университета Св. Владиміра.



возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ дать образованію юношества направленіе, согласное съ общимъ духомъ народнаго просвѣщенія въ Россіи и соотвѣтствующее особеннымъ потребностямъ того края, новый университетъ долженъ былъ, по возможности, сглаживать тѣ рѣзкія характеристическія черты, которыми польское юношество отличалось отъ русскаго, и въ особенности подавлять въ немъ мысль о частной народности, сближать его болѣе и болѣе съ русскими понятіями и нравами, передавать ему общій духъ русскаго народа. Соединеніе польскаго юношества съ русскимъ въ Кіевѣ, въ этомъ нѣкогда первопрестольномъ городѣ Россіи, основательное изученіе русскаго языка и словесности, знакомство съ установленіями и учрежденіями русскими,—вотъ главныя средства, которыя были въ виду для достиженія этой цѣли; сліяніе политическое не можетъ имѣть другого начала, кромѣ сліянія моральнаго и умственнаго. Эта мысль не новая; она принадлежала, отъ римлянъ до Наполеона I, всѣмъ геніальнымъ правителямъ, которые имѣли въ виду соединить покоренныя племена съ племенемъ побѣдителей, отнеся всѣ свои труды и надежды къ будущему поколѣнію, а не настоящему. Этотъ опытъ не новый и въ Россіи, ибо Екатерина II руководствовалась тѣмъ же началомъ». Такъ было поставлено дѣло ясно и твердо, послѣ колебаній царствованія Императора Александра I. Однако отголосокъ прежнихъ воззрѣній слышится еще въ тѣхъ словахъ графа Уварова, которыя касаются сліянія покоренныхъ племенъ съ побѣдителями: страна, искони русская, не можетъ быть приравниваема къ провинціямъ, которыя покорилъ нѣкогда Римъ. Въ ней предстояла университету другая задача, менѣе трудная, именно: путемъ образованія воззвать къ жизни и вывести на первый планъ мѣстные русскіе элементы, оттертые другою роскошною, но чужою цивилизаціею. Къ сожалѣнію, эта другая задача и долго потомъ не была сознаваема ясно. Очевидно, Брадке могъ говорить собранію только о будущей примирительной роли университета между польскими и русскими началами. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ, выступили три предводителя дворянства трехъ юго-западныхъ губерній и въ кра-



снорѣчивыхъ варіаціяхъ, одинъ за другимъ, развивали одну и ту же тему: благодарность правительству за его попеченія. Актъ закончился академическою рѣчью профессора Якубовича (изъ Кременецкаго лицейскаго состава); рѣчь была посвящена предмету, совершенно далекому отъ интересовъ минуты, именно ораторъ говорилъ de pulchro Platonico.

День закончился университетскимъ обѣдомъ, на который явились гости изъ дворянъ юго-западнаго края въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ.

3. Личныя силы университета.

Праздникъ окончился. Съ 28 августа открыто чтеніе лекцій и началась будничная неустанная работа исполненія великихъ задачъ, намѣченныхъ 15 іюля.

Задачи, предназначенныя университету св. Владиміра его основателями, требовали, во первыхъ, такого личнаго состава его, который бы подходилъ подъ мѣрку высоты этихъ задачъ; во вторыхъ, условій, при которыхъ дѣятельность профессоровъ и руководителей университета, могла-бы развиваться безпрепятственно. Къ составу университета, по духу тогдашняго устава, надо причислить и попечителя, а первымъ кіевскимъ попечителемъ былъ назначенъ (какъ сказано) Е. Ѳ. фонъ-Брадке (отдѣльный Кіевскій округъ учрежденъ 14 декабря 1832 г.). Хотя онъ вовсе не приготовлялся къ той роли, которую пришлось ему взять на себя, но лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Правда, онъ не мало учился, но въ такихъ школахъ, которыя весьма далеки отъ высшаго общаго образованія, а именно: въ горномъ корпусѣ, а затѣмъ въ школѣ колонновожатыхъ подъ руководствомъ трехъ братьевъ Муравьевыхъ. Затѣмъ вся его дѣятельность была посвящена военной службѣ; онъ совершилъ походъ въ Парижъ въ 1815 году, онъ служилъ при Дибичѣ и Аракчеевѣ, а когда вспыхнуло



польское возстаніе 1831 г., участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ компаніи на поляхъ Гроховскихъ, Остроленскихъ и подъ Варшавою. Когда возникъ вопросъ о назначеніи попечителя въ Кіевъ, то выборъ палъ именно на него. Что собственно заставило обратить не него вниманіе—неизвѣстно. Болѣе всѣхъ удивился этому назначенію самъ Брадке и поспѣшилъ отказаться отъ предложенія князя Ливена (тогдашняго министра народнаго просвѣщенія), тѣмъ болѣе, что графъ Блудовъ обѣщалъ ему мѣсто губернатора въ остзейскомъ краѣ, на его родинѣ. Но, вѣроятно, здѣсь дѣйствовала воля самого Государя, такъ какъ, вскорѣ послѣ отказа, Брадке былъ увѣдомленъ, что по Высочайшему повелѣнію назначается попечителемъ въ Кіевъ. Чѣмъ менѣе онъ былъ подготовленъ къ своему посту, тѣмъ болѣе началъ прилагать стараній и труда, занявши его. Конечно, не одни эти старанія, но главнымъ образомъ благородныя свойства его моральной природы создали изъ него образцоваго попечителя. Мы уже видѣли результаты его энергіи въ дѣлѣ приготовленія университета къ открытію; эта энергія не ослабѣла и потомъ: онъ посѣщалъ лекціи университета сначала ежедневно, а потомъ черезъ день, и непремѣнно два раза въ недѣлю, какъ свидѣтельствуетъ историкъ университета, самъ бывшій при немъ студентомъ. Такія посѣщенія начальствующаго лица могли бы приносить мало пользы, и даже вмѣсто пользы вредъ, если бы не имѣли другой цѣли, кромѣ полицейскаго надзора; но Брадке далъ обѣтъ при открытіи универститета «быть отцомъ студентовъ, но не слабымъ и потворствующимъ порыву страстей, а твердымъ, постоянно заботящимся о направленіи къ нравственному совершенству», а потому при своихъ постоянныхъ посѣщеніяхъ университета имѣлъ опредѣленную цѣль непрестанно слѣдить за хорошими и слабыми студентами; и это ему удавалось (разумѣется, при тогдашнемъ небольшомъ составѣ учащихся въ университетѣ). Профессора были близки къ нему; въ отношеніи къ нимъ онъ былъ простымъ товарищемъ, отлично зналъ ихъ нужды, которымъ и помогалъ въ случаѣ надобности безъ просьбъ, какъ другъ, съ догадливой деликатностію. Не одинъ университетъ поглощалъ все его вниманіе; новый



округъ надо было устроить вновь во всѣхъ отношеніяхъ; кіевскія учебныя заведенія (тогда еще очень не многочисленныя) онъ посѣщалъ ежедневно всѣ, «всюду внося жизнь и движеніе», какъ говоритъ тотъ же современный свидѣтель. Въ управленіи отдаленными частями округа ему дѣятельно помогалъ университетъ, который, по тогдашнему уставу, участвовалъ вмѣстѣ съ попечителемъ въ управленіи округомъ; профессора, объѣзжавшіе въ качествѣ визитаторовъ учебныя заведенія 4-хъ, а потомъ 5 губерній, привозили въ Кіевъ живыя наблюденія, цѣнные матеріалы, которыми университетъ и попечитель пользовались съ большимъ успѣхомъ въ своихъ административныхъ мѣропріятіяхъ. Одинъ человѣкъ, какъ бы не велика была его энергія, разумѣется, не могъ бы быть вездѣсущимъ и всевидящимъ. Такія гармоническія усилія органовъ управленія тотчасъ же увѣнчались полнымъ успѣхомъ: «ученики (говоритъ самъ Брадке) съѣзжались въ Кіевъ со всѣхъ концовъ государства; приходилось заводить двойные классы, учреждать новыя училища; въ одномъ Кіевѣ было учреждено 4 казенныхъ пансіона на 300 мальчиковъ, а требованіе все росло (тогда преимущественно обращали вниманіе на воспитаніе, особенно въ такомъ разноплеменномъ краѣ, какъ Кіевскій). Такого наплыва не было и въ блестящія времена Чацкаго. «При назначеніи моемъ (продолжаетъ онъ же) я принялъ 2000 воспитанниковъ, а передалъ своему преемнику слишкомъ 12000.» Въ этихъ словахъ отнюдь нѣтъ самовосхваленія; цыфры могутъ быть провѣрены всякимъ. Единственнымъ, но роковымъ недостаткомъ этого идеальнаго попечителя была излишняя довѣрчивость къ людямъ, особенно въ краѣ, гдѣ требовалась двойная осторожность; мѣряя другихъ людей на свой аршинъ, онъ вездѣ предполагалъ ту-же чистоту и искренность словъ и дѣйствій, какая была отличительною чертою его собственныхъ побужденій. Въ дни невзгодъ, постигшихъ университетъ въ 1839 году, это обстоятельство заставило его бросить постъ попечительства въ Кіевѣ, и такимъ образомъ періодъ его полезной дѣятельности здѣсь ограничился всего семью годами; но эти семь лѣтъ будутъ всегда памятны для университета и Кіева, тѣмъ болѣе,

что его ближайшіе преемники князь С. И. Давыдовъ (съ 1839 г. до іюля 1845) и генералъ-майоръ Траскинъ (съ 1846 г. до 18 ноября 1848 г.) далеко не равнялись Брадке въ пониманіи задачъ своего призванія и въ способности выполнять ихъ. Событіе, выдворившее Брадке изъ Кіева, есть смута, поднятая въ западномъ краѣ извѣстнымъ Канарскимъ, который основалъ на Волыни «союзъ польскаго народа,» филіацією котораго явилось «Общество въ университетѣ св. Владиміра;» цѣлію этихъ тайныхъ обществъ было, разумѣется, политическое возстановленіе Польши съ присоединеніемъ къ ней западной Россіи. Успѣхи такихъ замысловъ различными современниками оцѣниваются различно; но, судя по оффиціальнымъ документамъ, заговоръ едва ли принялъ широкіе размѣры въ средѣ слушателей университета св. Владиміра; послѣ разбора дѣла и суда, лишь 6-ть студентовъ отданы въ солдаты безъ выслуги, пять съ выслугою безъ лишенія дворянскаго достоинства; 14 опредѣлены на службу на правахъ вольноопредѣляющихся и 10 переведены въ Казанскій университетъ. Такимъ образомъ дѣйствительно виновными оказались 11 человѣкъ, остальные лишь подозрѣвались. А надо вспомнить, что всѣхъ студентовъ въ университетѣ въ то время было 267, а изъ нихъ католиковъ 164. Тѣмъ не менѣе первоначально дѣлу былъ приданъ такой серьезный характеръ, что была мысль о полномъ закрытіи университета навсегда; но затѣмъ было рѣшено закрыть его на одинъ годъ (указъ 9 января 1839 г.), съ удаленіемъ всѣхъ студентовъ безъ изъятія и выводомъ всѣхъ профессоровъ польскаго состава. Дѣйствительное закрытіе послѣдовало лишь 17 марта, а затѣмъ и срокъ новаго открытія университета былъ сокращенъ съ дозволеніемъ принимать студентовъ и начать лекціи съ августа. Однако событіе это въ значительной степени измѣнило послѣдующую судьбу университета св. Владиміра. Кромѣ потери Брадке, университетъ сразу лишился болѣе половины своихъ преподавателей; съ тѣхъ поръ составъ этихъ послѣднихъ почти не имѣлъ уже польскихъ элементовъ, но не сталъ и вполнѣ русскимъ, такъ какъ заключалъ въ себѣ значительную примѣсь нѣмецкую. Не забѣгая впередъ, ознакомимся съ тѣмъ, какъ



вообще складывался составъ непосредственныхъ дѣятелей университета—профессоровъ и преподавателей. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ отношеніи университетъ св. Владиміра былъ весьма счастливъ съ самаго основанія своего. Правда, при открытіи университета пришлось воспользоваться всѣмъ наличнымъ составомъ Кременецкаго лицея, каковъ онъ ни былъ, съ добавленіемъ нѣсколькихъ русскихъ профессоровъ. Но лицейскій и вообще польскій элементъ не долго оставался въ Кіевѣ: при временномъ закрытіи университета въ 1839 году (какъ упомянуто), онъ весь былъ выведенъ частію въ другіе университеты, частію вышелъ въ отставку. Однако справедливость требуетъ отмѣтить, что и изъ контингента Волынскихъ профессоровъ (большей частью старцевъ и ветерановъ науки) было не мало достойныхъ именъ и полезныхъ дѣятелей. Назовемъ изъ нихъ латиниста—Якубовича, извѣстнаго литератора и поэта Корженевскаго (въ польской литературѣ свѣтило не послѣдней величины), даровитаго ботаника и медика Бессера, многосторонняго математика Выжевскаго, талантливаго профессора архитектуры Абламовича.

Новый составъ профессоровъ, набранный постепенно въ Кіевѣ, дѣлаетъ великую честь тѣмъ, кто призвалъ его къ дѣятельности. По тогдашнимъ уставамъ университета св. Владиміра 1833 и 1842 года обязанность заботиться о снабженіи университета профессорами возлагалась въ равной мѣрѣ на совѣтъ университета и на министерство народнаго просвѣщенія. Но въ началѣ жизни университета, когда совѣтъ его слагался еще изъ довольно случайныхъ элементовъ, вся тяжесть этой обязанности падала на министра. Къ чести графа Уварова, нужно засвидѣтельствовать, что въ выборѣ лицъ на каѳедры онъ обнаружилъ большую внимательность и знаніе людей. Съ своей стороны совѣтъ не только проявилъ энергію въ этомъ дѣлѣ, но и полное безпристрастіе и признаніе дѣйствительныхъ достоинствъ въ кандидатахъ на профессуру. Мы увидимъ, что самъ Государь Николай Павловичъ лично интересовался дѣломъ снабженія университета св. Владиміра достойными преподавателями. При дружныхъ дѣйствіяхъ такихъ могущественныхъ силъ можно бы надѣ-





яться на полный успѣхъ дѣла, если бы неодолимымъ препятствіемъ не явился недостатокъ въ Имперіи лицъ, приготовленныхъ къ каѳедрѣ, чего естественно было ожидать послѣ запустѣнія русскихъ университетовъ во второй половинѣ царствованія императора Александра I. Не одинъ разъ всѣ поиски оставались тщетными, и каѳедры по—долгу оставались пустыми. Есть и другая причина этого печальнаго явленія, о которой придется упомянуть въ своемъ мѣстѣ; это недостаточное обезпеченіе профессоровъ матеріальными средствами по штатамъ 1833 и 1842 года. Съ великимъ трудомъ отыскивали иногда талантливаго и вполнѣ приготовленнаго преподавателя; но онъ года черезъ два—три своей службы въ университетѣ бросалъ ее и уходилъ на другія, болѣе обезпеченныя мѣста.

Разсадниками профессоровъ для молодого университета были старѣйшіе русскіе университеты, и въ особенности нѣмецко-русскій Дерптъ; затѣмъ самымъ обильнымъ источникомъ оказался Педагогическій институтъ; драгоцѣнныя пріобрѣтенія университетъ сдѣлалъ во II-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ Сперанскій образовалъ свою школу юристовъ. Нѣкоторое подспорье для университета представляла Кіевская духовная академія, не только по части богословія и философіи, но даже и физики; оттуда университетъ получилъ своего единственнаго профессора богословія во все царствованіе Императора Николая I, т. е. И. М. Скворцова (1834—1859 г.), хотя воспитанника С.-Петербургской духовной академіи, но преподававшаго въ Кіевской. Наконецъ, самъ Университетъ Св. Владиміра, тотчасъ по окончаніи четырехлѣтняго курса его воспитанниками, началъ рекрутировать составъ преподавателей изъ своихъ слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи служили ему усердно и съ великою честію. Этотъ наиболѣе нормальный способъ набора профессоровъ сдѣлался особенно успѣшнымъ и обильнымъ, когда установлена была посылка кандидатовъ за границу въ 40-хъ годахъ.

Такъ или иначе контингентъ лицъ, изъ которыхъ послѣдовательно слагался университетъ, уже тогда создалъ русскую науку и русскую ин-



теллигенцію въ краѣ, который прежде признавался исключительно польскимъ.

«Языкъ русскій едва былъ слышенъ на этомъ огромномъ пространствѣ», говорилъ графъ Уваровъ. Въ сентябрѣ 1834 года съ каѳедры русской словесности нашего университета начала раздаваться приснопамятная русская рѣчь перваго русскаго профессора въ немъ и перваго ректора М. А. Максимовича. Онъ прибылъ изъ Москвы, гдѣ состоялъ профессоромъ ботаники, и назначенъ ректоромъ въ самый день пріѣзда, затѣмъ оставался ректоромъ полтора года; но не административная дѣятельность, а преподавательская создала ему славу въ нашемъ университетѣ. Онъ назначенъ былъ на каѳедру русской словесности. Скачекъ отъ ботаники къ словесности въ наше время можетъ показаться вполнѣ рискованнымъ; но Максимовичъ оказался мастеромъ дѣла, какъ въ области естествознанія, такъ и въ филологіи и исторіи. Его московскіе ученые труды по ботаникѣ и зоологіи цѣнятся довольно высоко спеціалистами, а его кіевскія сочиненія историко-филологическаго содержанія признаны въ свое время выдающимся явленіями въ наукѣ и многія до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Нужно имѣть въ виду, что еще въ Москвѣ словесность не была чужою для него наукою; онъ поступилъ сначала на словесный факультетъ и пробылъ на немъ два года, а затѣмъ, бывши уже профессоромъ, занимался народною поэзіею и исторіею просвѣщенія. Но не ученые печатные труды были дороги молодому университету; великая заслуга Максимовича заключалась въ живомъ словѣ преподаванія, которое и теперь можетъ считаться образцомъ академическаго краснорѣчія безъ всякихъ приторныхъ прикрасъ и ужимокъ; сила этого краснорѣчія опиралась на внутренней поэтической образности, выраженной простымъ и яснымъ словомъ. Его слушатели свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ внушить имъ любовь къ прекрасному и дѣйствовалъ на эстетическое развитіе ихъ, что они сами признавали болѣе плодотворнымъ и въ то время болѣе необходимымъ, чѣмъ огромная, но сухая эрудиція. Чтобы понять значеніе Максимовича, надо вообра-

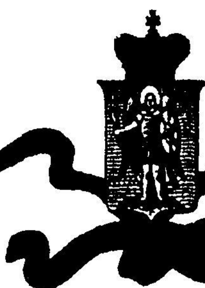


зить себя въ аудиторіи 30-хъ годовъ, въ которой половина состояла изъ лицъ, едва выучившихся понимать по-русски, никогда не слыхавшихъ о томъ, чтобы по ту сторону Днѣпра, откуда появлялась столь часто масса блестящихъ штыковъ, могла существовать и блестящая поэзія. Само собою понятно, какъ дѣйствовало на отзывчивую молодежь поэтическое слово даровитаго профессора о высокихъ явленіяхъ русской поэзіи и литературы. Это былъ достаточный противовѣсъ увлеченію польской литературой на лекціяхъ поэта Корженевскаго.

Къ сожалѣнію, Максимовичу не долго пришлось оставаться на каѳедрѣ. Въ концѣ 1840 г. онъ оставилъ университетъ и потомъ лишь на короткій срокъ (1843—45 г.) опять появился на каѳедрѣ въ качествѣ сторонняго преподавателя и затѣмъ навсегда ушелъ изъ университета.

Слушатель Максимовича и имъ рекомендованный Костырь былъ преемникомъ его по каѳедрѣ, но не наслѣдовалъ его духовныхъ свойствъ и значенія въ университетѣ; Максимовича интересовала народная поэзія, и его слушатели привыкали цѣнить достоинства національной литературы; Костырь интересовался общими и философскими основаніями языкознанія, увлекался всеобъемлющими, но туманными положеніями философіи Канта и Гегеля. Такъ два поколѣнія профессоровъ, непосредственно слѣдовавшія одно за другимъ, успѣли разойтись въ 40-хъ годахъ по двумъ направленіямъ—національному и космополитическому, что и выразилось рельефно въ столкновеніи учителя съ ученикомъ на магистерскомъ диспутѣ послѣдняго. Но не зависимо отъ направленія, Костырь, по свойствамъ своего преподаванія, отнюдь не могъ продолжать обаятельной роли Максимовича въ нашемъ университетѣ.

Этого однако нельзя сказать о другомъ преемникѣ Максимовича, начавшемъ преподаваніе русской словесности въ 1845 году, т. е. объ А. И. Селинѣ, воспитанникѣ Московскаго университета. Человѣкъ даровитости несомнѣнной и даже блестящей, увлекающійся и увлекающій, краснорѣчивый, онъ собиралъ около себя громадную аудиторію и внѣ ея пользовался большой популярностію между студентами. Какъ пред-





ставитель эстетическаго и гуманнаго направленія 40-хъ годовъ, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ большое значеніе въ воспитаніи тогдашняго молодого поколѣнія. Самъ онъ продолжалъ занимать профессорскую каѳедру въ Кіевѣ до своей смерти въ 1877 году, достойно держа знамя, поднятое Максимовичемъ, т. е. утверждая въ умахъ мѣстнаго населенія уваженіе къ русскому языку и литературѣ.

Не менѣе серьезныя задачи предлежали университету св. Владиміра относительно утвержденія правильныхъ историческихъ взглядовъ въ умахъ мѣстнаго населенія.

На каѳедру всеобщей исторіи былъ присланъ, еще до открытія университета Св. Владиміра, изъ Харьковскаго университета Вл. Фр. Цыхъ, который, несмотря на кратковременность своей преподавательской и ректорской дѣятельности (всего въ теченіе трехъ лѣтъ), оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ умахъ не только своихъ непосредственныхъ слушателей, но и дальнѣйшихъ поколѣній ихъ. Онъ производилъ благодѣтельное впечатлѣніе и личностью своею, (отличаясь безукоризненною честностію, трудолюбіемъ и скромностію), и пониманіемъ задачъ своей науки, и достоинствами преподаванія. Большая часть слушателей Цыха въ своихъ прежнихъ школахъ знали исторію, какъ сборникъ повѣствованій о геройскихъ подвигахъ древности и о блестящихъ дѣяніяхъ Рѣчи Посполитой. По мнѣнію Цыха, «истинный преподаватель исторіи въ университетѣ долженъ имѣть гуманное настроеніе духа, быть прежде всего человѣкомъ, а потомъ гражданиномъ извѣстнаго общества». Содержаніе науки онъ опредѣлялъ такъ: это «наука, изображающая теченіе нравственной жизни рода человѣческаго, какъ индивидуальнаго, такъ и по народностямъ»; раздѣляя ее на исторію происшествій и исторію внутреннюю, онъ, очевидно, главное вниманіе обращалъ на послѣднюю, къ которой относилъ картину развитія главныхъ элементовъ человѣчества, а именно: религіи, гражданственности, образованія и другихъ второстепенныхъ элементовъ. Гуманистическое направленіе науки, героемъ которой становится родъ человѣческій (его нравственная природа), а





не Сципіоны и даже не Гракхи, должно было дѣйствовать весьма отрезвляющимъ образомъ на умы населенія, воспитывавшіеся прежде исключительно на патріотическихъ темахъ, часто весьма подкрашенныхъ. Преподаваніе его, при изумительно обширной и крѣпкой памяти, мощномъ воображеніи и ясности ума его, привлекало къ себѣ добровольныхъ слушателей изъ всего университета. Такимъ образомъ въ столь краткій срокъ создалась такая репутація этого человѣка, которая дошла до нынѣшнихъ поколѣній и даже окрасилась миѳическимъ колоритомъ; уже достаточно и того, что онъ достигъ «общаго уваженія слушателей всѣхъ національностей», по свидѣтельству одного изъ такихъ его слушателей, будущаго преемника его по каѳедрѣ—В. Я. Шульгина. Какъ искренно и глубоко было это уваженіе, сказалось на похоронахъ Цыха (въ апр. 1837 года), когда русскіе и польскіе профессора, студенты русскіе и поляки сошлись въ единодушной и искренней скорби. Между прочимъ пр. Корженевскій предсказывалъ, что преемнику его, какихъ-бы дарованій онъ ни былъ, весьма трудно будетъ бороться съ памятью о Цыхѣ. Достойнаго наслѣдника себѣ Цыхъ нашелъ гораздо позже—съ 1849 г. въ лицѣ своего слушателя В. Я. Шульгина, при выборѣ котораго университетъ выразилъ «предпочтеніе воспитанниковъ сего университета воспитанникамъ другихъ университетовъ», видя въ томъ «наилучшее поощреніе для другихъ». Новый профессоръ вполнѣ оправдалъ этотъ выборъ; его способность художественно воспроизводить историческія явленія, въ достаточной степени критически провѣренныя, не напускное, а серьезное служеніе тому же идеалу, которому въ Москвѣ тогда служилъ Т. Н. Грановскій,—все это ставитъ Шульгина въ разрядъ весьма видныхъ дѣятелей въ образованіи мѣстной интеллигенціи 40-хъ и 50-хъ годовъ. При направленіи, которому слѣдовалъ Шульгинъ, и въ той наукѣ, какую онъ преподавалъ, нельзя было ожидать на его лекціяхъ выраженія національныхъ задачъ русскаго университета въ этомъ краѣ. Но за то, по оставленіи профессуры въ 60-хъ годахъ, онъ съ достоинствомъ и талантомъ ратовалъ за русскіе національные интересы въ юго-запад-

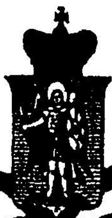




номъ краѣ, въ качествѣ публициста, и тѣмъ вполнѣ возмѣстилъ то, чего не доставало въ его профессорской дѣятельности.

Въ то время каѳедра всеобщей исторіи совмѣщала въ себѣ и русскую исторію; но такъ какъ фактически нельзя было выполнить двѣ столь непосильныя задачи одному лицу, то русская исторія предоставлялась помощникамъ профессора—адъюнктамъ. Такимъ выступилъ Вас. Ѳед. Домбровскій, котораго самъ графъ Уваровъ замѣтилъ въ 1837 г. среди учителей кіевской 1-й гимназіи и затѣмъ вызвалъ въ Петербургъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ русской исторіи подъ руководствомъ Устрялова. Въ это самое время было обращено особое вниманіе на «открытіе» Устрялова въ области русской исторіи, именно—на его мысль, что западный край Россіи есть искони край русскій, и что его исторія должна быть признана органическою частію исторіи Россіи, а не Польши. Странно, что такъ скоро была забыта эта истина, признаваемая всѣми отъ временъ Вѣщаго Олега до мудрой Екатерины. Она забыта лишь въ царствованіе Императора Александра I, хотя и тогда напоминалъ о ней Карамзинъ, но забыта такъ сильно, что новое «открытіе» древней истины составило славу Устрялова. Несомнѣнно, ради этого вызванъ былъ и Домбровскій подъ руководство Устрялова, и именно эту истину хотѣли положить въ основаніе при преподаваніи русской исторіи въ кіевскомъ университетѣ. Но «мѣстныя обстоятельства въ краѣ,—говоритъ Шульгинъ,—были въ то время таковы, что стоило слушателямъ угадать эту цѣль, чтобы охладѣть къ русской исторіи». По свидѣтельству того-же современника и историка университета, Домбровскій подчинился этому настроенію и «западно-русскою исторіею занимался у себя въ кабинетѣ». Домбровскій оставилъ по себѣ добрую память въ университетѣ своимъ увлекательнымъ изложеніемъ и благороднымъ характеромъ; онъ сошелъ съ жизненной сцены очень скоро (въ 1845 г.).

На открывшуюся вакансію тогда-же (1846 г.) былъ предложенъ и избранъ извѣстный впослѣдствіи Н. И. Костомаровъ, воспитанникъ и магистръ Харьковскаго университета. Громадная ученая репутація Косто-



марова показываетъ, какъ могъ-бы оказаться удачнымъ этотъ выборъ, если бы роковое обстоятельство, именно арестъ, потомъ заключеніе и ссылка не пресѣкли только что начатый курсъ этого профессора (1847 г.).

Бѣда стряслась по поводу основаннаго въ Кіевѣ славянскаго (тайнаго) общества Кирилла и Меѳодія, которое задавалось разными неудобоисполнимыми проектами по части внѣшней и внутренней политики. На мѣсто Н. И. Костомарова (въ маѣ 1847 г.) былъ назначенъ П. В. Павловъ, воспитанникъ Педагогическаго института, которому пришлось въ университетѣ Св. Владиміра переживать эпоху начала новаго царствованія, когда онъ и сдѣлался властителемъ умовъ и воли университетской молодежи.

Исторія со славянскимъ обществомъ показываетъ, какъ необходимо было дать правильный исходъ въ университетѣ назрѣвшимъ тогда тенденціямъ такъ называемаго славянофильства. Умственное и литературное возрожденіе славянства въ 30-хъ годахъ, освященное именами Шафарика, Палацкаго, Бодянскаго, Прейса, Срезневскаго и др., какъ разъ отвѣчало давнимъ попыткамъ интеллигенціи здѣшняго края найти въ ученіи о всеславянствѣ возможность примиренія мѣстныхъ славянскихъ раздоровъ. Къ этой мысли прибѣгалъ еще Чацкій (а въ области права осуществлялъ послѣ ее Мацѣевскій). Въ свою очередь, кіевскій университетъ, когда возникъ вопросъ о замѣщеніи каѳедры польской литературы, опустѣвшей послѣ переворота 1839 г., проэктировалъ замѣнить эту каѳедру каѳедрою славянскихъ нарѣчій. Русская законодательная власть признала возможнымъ дать законное удовлетвореніе славянской идеѣ, учредивъ по общему уставу Россійскихъ университетовъ (1835 г.) каѳедру славянскихъ нарѣчій; но общій уставъ не примѣнялся къ университету Св. Владиміра, имѣвшему свои спеціальные уставы, въ которыхъ не было установлено этой каѳедры; къ сожалѣнію, ходатайство совѣта университета было отклонено тогда и удовлетворено лишь гораздо позже—въ 1847 г. назначеніемъ воспитанника Главнаго педагогическаго института В. Я. Яроцкаго. Между тѣмъ, тогда именно Кіевъ

весьма многимъ представлялся наилучшимъ пунктомъ для культивировки славянскихъ идей и жизненнаго благотворнаго примѣненія ихъ.

Достойные представители каѳедръ русской литературы и исторіи имѣли большое значеніе въ исторіи цивилизаціи этого края; но не менѣе того могло оказать вліяніе надлежащее и талантливое преподаваніе философскихъ наукъ; воспитаніе трезвой, ясной и послѣдовательной мысли есть вмѣстѣ съ тѣмъ могущественное орудіе для другихъ наукъ, а также культуры и политическихъ воззрѣній. Въ университетѣ Св. Владиміра каѳедру философіи занимали: О. М. Новицкій (съ самаго основанія университета и до закрытія каѳедръ философіи съ помощникомъ своимъ П. С. Авсеневымъ (отъ декабря 1838 г. до 1844 г.) и С. С. Гогоцкій (съ 1848 г.). Изъ нихъ первый, не обладая творческимъ умомъ, заслужилъ себѣ единодушное признаніе благотворнаго вліянія на умы молодежи своимъ преподаваніемъ; именно ученикъ его и историкъ университета свидѣтельствуетъ объ «удивительной простотѣ, ясности и послѣдовательности, съ какими онъ передавалъ самое отвлеченное по существу своему ученіе». «По собственному сознанію многихъ студентовъ, ему они обязаны стройностію и отчетливостію въ мышленіи и изложеніи мысли». Второй преподаватель, т. е. Авсеневъ имѣлъ другое, именно морально-воспитательное значеніе; въ его лекціяхъ по нравственной философіи отражалась поражающая чистота его собственной души и глубокая религіозность. Всѣми преподавателями философіи въ ту эпоху университетъ обязанъ Кіевской духовной академіи, которая издавна была обильнымъ разсадникомъ этого рода знаній.

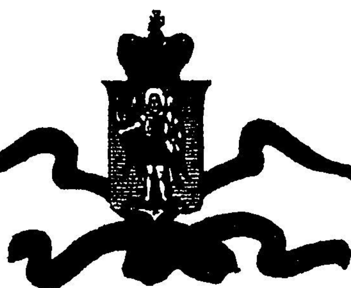
Русская словесность, русская исторія и многія части философіи въ началѣ жизни университета были общеуниверситетскими предметами, и потому вліяніе такихъ людей, какъ Максимовичъ, Цыхъ, Новицкій, Авсеневъ и др. простиралось на весь составъ слушателей университета; понятно, какую великую услугу оказалъ русскому просвѣщенію въ этомъ краѣ тотъ, кто собралъ въ одномъ учрежденіи столько свѣтлыхъ и сильныхъ умовъ. Въ дѣлѣ правильнаго воспитанія политической мы-



сли молодежи не малую роль играютъ экономическія науки, которыя тогда причислялись къ I отдѣленію философскаго факультета, а не къ факультету юридическому. Университетъ Св. Владиміра лишь въ 1847 г. успѣлъ пріобрѣсти себѣ преподавателя изъ собственныхъ воспитанниковъ, а именно И. В. Вернадскаго (съ конца 1849 г.); но онъ оставался въ нашемъ университетѣ менѣе двухъ лѣтъ, занимаясь преимущественно прикладною частію политической экономіи. Потеря Вернадскаго сугубо возмѣщена пріобрѣтеніемъ Н. Х. Бунге (съ 1850 г.), громадное значеніе котораго, какъ профессора и ректора ждетъ еще себѣ надлежащей оцѣнки.

Классическая филологія не играла такой видной роли въ тѣ времена. Когда волынскіе профессора, большіе знатоки дѣла, но большею частью лингвисты и литераторы, а не филологи, сошли со сцены, то новому университету пришлось позаимствоваться преподавательскими силами у Дерптскаго университета, который и снабдилъ нашъ университетъ также большими знатоками дѣла, но только филологами; литературная часть классическихъ знаній ослабѣла на долго. Дѣятелями этой спеціальности были во все царствованіе Императора Николая Павловича И. Я. Нейкирхъ (съ 1837 г.), А. К. Делленъ (съ 1838 г.) и вѣчный помощникъ ихъ К. Ф. Страшкевичъ (послѣдній—изъ воспитанниковъ нашего университета). Первый оставилъ по себѣ свѣтлую и благодарную память своими личными достоинствами, какъ деканъ и членъ совѣта, именно—неуклонною честностью и стойкостью убѣжденій и гуманностію отношеній къ студентамъ, скрытою подъ скорлупою сухости и формализма.

Какъ Нейкирхъ, такъ и Делленъ преподавали на латинскомъ языкѣ и вели дѣло такъ, что въ короткій срокъ успѣвали превращать своихъ немногочисленныхъ слушателей изъ совершенныхъ невѣждъ по части древнихъ языковъ въ классиковъ, способныхъ свободно изъясняться на латинскомъ языкѣ. Названными двумя профессорами открывается серія нѣмецкихъ преподавателей въ университетѣ Св. Владиміра. Роль нѣмецкаго элемента въ этомъ университетѣ является весьма значительною;



полезная сторона ея заключалась въ томъ, что нѣмцы, б. ч. служители чистой науки и представители государственнаго начала, вносили умиротворяющую силу среди жгучей національной борьбы двухъ славянскихъ націй.

Математика и естествознаніе по уставамъ 1833 и 1842 годовъ совмѣщались съ историческими и филологическими науками въ одномъ факультетѣ, который именовался философскимъ. Однако два отдѣленія этого факультета—историко-филологическое и физико-математическое—въ сущности не имѣли ничего общаго, кромѣ общеуниверситетскихъ наукъ: исторіи, философіи и словесности.

Мало того, уже тогда было признано, что науки математическія имѣютъ мало связи съ науками естествознанія, а потому совѣтъ кіевскаго университета еще въ 1839 году разбилъ это отдѣленіе на два разряда.

Науки физико-математическія съ самаго основанія университета были представлены въ немъ довольно полно кременецкими профессорами, уже названными выше.

По мѣрѣ выхода изъ университета кременецкихъ дѣятелей, ихъ каѳедры замѣщались новыми лицами, изъ которыхъ многіе, не только съ честію служили университету, но составили себѣ громкую извѣстность своими учеными работами.

Въ 1836 г. появился у насъ на каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи Э. К. Гофманъ, воспитанникъ и потомъ доцентъ Дерптскаго университета, уже ранѣе того сдѣлавшій себѣ извѣстность своими учеными путешествіями. Во время пребыванія въ Кіевѣ, онъ оказалъ немаловажныя услуги факультетскому преподаванію и своей наукѣ: онъ выбралъ и лично доставилъ въ Кіевъ часть минералогической коллекціи изъ Вильны; ему принадлежитъ честь раздѣленія факультета на математическій и естественный разряды; онъ сдѣлалъ первое (хотя краткое) геогностическое изслѣдованіе южной Россіи, совершенное во время экскурсіи 1838 года въ Кіевскую, Подольскую и Херсонскую губерніи и въ Крымъ. Но этотъ



полезный профессоръ и деканъ не долго засидѣлся въ Кіевѣ: въ 1842 г. онъ предпочелъ перейти на службу въ корпусъ горныхъ инженеровъ. Послѣ нѣкотораго премежутка каѳедру его занялъ достойный преемникъ его, воспитанникъ Педагогическаго института К. М. Ѳеофилактовъ (съ 1843 г.), продолжавшій потомъ минералогическія изслѣдованія южной Россіи въ гораздо большихъ размѣрахъ и до нынѣ служащій университету уже болѣе полустолѣтія.

По увольненіи Бессера въ 1838 г., мѣсто его по каѳедрѣ ботаники занялъ Р. Э. Траутфеттеръ (изъ дерптскихъ воспитанниковъ), 10 лѣтъ преподававшій одинъ всѣ части ботаники, приведшій въ порядокъ кременецкій гербарій, устроившій почти собственноручно, за мѣдные гроши, нынѣшній роскошный ботаническій садъ и въ тоже время производившій самостоятельныя ботаническія изслѣдованія. Но слава его въ нашемъ университетѣ зиждется еще болѣе на ректорской его дѣятельности въ трудную эпоху 1848—59 годовъ, когда онъ съумѣлъ смягчать строгость тогдашнихъ требованій товарищескими отношеніями къ профессорской коллегіи и счастливо провелъ университетъ черезъ ту эпоху безъ особыхъ потрясеній. Въ 1847 г. онъ пріобрѣлъ себѣ помощника, а въ послѣдствіи преемника по каѳедрѣ А. С. Роговича (изъ воспитанниковъ Кіевскаго университета). Въ 1839 г., на мѣсто самоучки Андржіовскаго, преподавателемъ зоологіи явился извѣстный ученый фонъ-Миддендорфъ, докторъ медицины Дерптскаго университета: несмотря на такую перемѣну спеціальности, онъ оставилъ краткій, но яркій слѣдъ въ университетѣ своимъ преподаваніемъ; но его дѣятельная натура (а также и недостаточность матеріальныхъ средствъ для безбѣдной жизни профессоровъ, и неполнота научныхъ пособій), заставили его вскорѣ (въ 1842 г.) уйти отсюда, послѣ чего онъ и пріобрѣлъ себѣ извѣстность, дѣйствуя при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Зато пріобрѣтеніемъ въ томъ же 1842 году К. Ѳ. Кесслера университетъ вполнѣ вознаградилъ свою утрату; огромная репутація этого ученаго не нуждается въ напоминаніяхъ съ нашей стороны о его научныхъ заслугахъ.





Когда, съ выходомъ Зѣновича, умолкло мистическое изложеніе химіи съ средневѣковымъ оттѣнкомъ, университетъ пріобрѣлъ по каѳедрѣ химіи снова польскаго ученаго въ лицѣ профессора Фонберга, но изъ виленскихъ воспитанниковъ (это единственное наслѣдіе, оставленное Виленскимъ университетомъ нашему). Однако, несмотря на единство національности, новый профессоръ далеко не походилъ на своего предшественника: этотъ крѣпкій самородокъ по уму и характеру старался поставить свою каѳедру въ уровень съ тогдашнимъ состояніемъ европейской науки; если это не всегда ему удавалось, то виною того былъ недостатокъ средствъ лабораторіи.

Менѣе была счастлива каѳедра физики; послѣ даровитаго Абламовича и временнаго преподавателя В. П. Чеховича (проф. Кіевской духовной академіи), въ 1846 г. былъ назначенъ профессоръ Э. А. Кнорръ.

Математика, по увольненію Выжевскаго и его адъюнкта и преемника Гречины, нашла себѣ съ 1839 г. представителей въ лицѣ Н. А. Дьяченка (изъ Харьковскаго университета) и Александра Н. Тихомандрицкаго (изъ Главнаго педагогическаго института). Послѣдній служилъ университету не болѣе 10 лѣтъ и въ 1848 г. ушелъ на службу въ Петербургъ; каѳедра его (послѣ перерыва до 1853 г.) была замѣщена воспитанникомъ Московскаго университета И. И. Рахманиновымъ, который достойно служилъ университету не только своимъ преподаваніемъ, но и въ качествѣ декана и ректора, и до нынѣ не порвалъ съ нимъ связи.

Уставомъ 1842 г. была учреждена кафедра технологіи, которая, послѣ разныхъ поисковъ достойныхъ лицъ, нашла себѣ преподавателя въ лицѣ Алексѣя Н. Тихомандрицкаго (брата профессора математики).

Каѳедру астрономіи во все царствованіе Императора Николая Павловича занималъ В. Ѳ. Ѳедоровъ, до котораго (т. е. до 1838 г.) наука эта вовсе не преподавалась, и который сошелъ съ каѳедры вмѣстѣ съ жизнью въ 1855 г. Онъ устроилъ зданіе обсерваторіи подъ своимъ личнымъ надзоромъ, и его заботливостью пріобрѣтены, съ трудомъ, необходимые инструменты, при посредствѣ Струве. Въ свое время онъ считался





однимъ изъ лучшихъ преподавателей своего факультета, справляясь одинъ съ обширною областью своей науки. Но Өедоровъ памятенъ университету и по другой своей роли: послѣ Неволина онъ принялъ на себя трудную обязанность ректора и несъ ее добросовѣстно четыре года (1843—1847 г.), хотя его мягкій характеръ и уступчивость создавали массу административныхъ затрудненій на этомъ пути.

Уже перечисленныхъ именъ достаточно, чтобы оцѣнить, какими силами располагалъ университетъ для сообщенія своимъ слушателямъ историческаго, философскаго, литературнаго и естественно-историческаго образованія. Всѣ эти доктрины составляли тогда (какъ сказано) одинъ философскій факультетъ; изъ одного факультета и состоялъ университетъ при своемъ открытіи. Другіе два—юридичесскій и медицинскій—организованы позже.

Юридическій факультетъ былъ основанъ въ 1835/6 учебномъ году. Самая система наукъ этого факультета была установлена правильно въ первый разъ въ уставахъ университета св. Владиміра 1833 и 1842 г.; сверхъ того, кіевскій юридическій факультетъ возникъ изъ такихъ личныхъ элементовъ, которыми ознаменовался полный переворотъ въ исторіи правовѣдѣнія въ Россіи.

До тѣхъ поръ въ Россіи право изучалось двумя средствами, одинаково односторонними: во первыхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ на практикѣ (такъ сказать, подъяческимъ способомъ), при чемъ изучалось не право, а разнообразныя и противорѣчивыя узаконенія, накопившіяся со временъ царя Алексѣя Михайловича; во вторыхъ, въ университетѣ изучались отвлеченныя начала права, преимущественно на чужихъ образцахъ—правѣ римскомъ и германскомъ. Императоръ Николай Павловичъ, создавъ при помощи графа Сперанскаго сводъ законовъ, положилъ конецъ произвольному примѣненію въ судахъ разнорѣчивыхъ указовъ и кодексовъ. Тогда же графъ Сперанскій позаботился, чтобы правильное примѣненіе новаго законодательства было обезпечено инымъ изученіемъ его въ университетахъ. Онъ собралъ вокругъ себя новую школу юристовъ изъ моло-



дыхъ людей, которыхъ вызвалъ для этой цѣли изъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Они обязаны были изучить новый сводъ (еще не изданный тогда) по картонамъ во II отдѣленіи Собственой Его Величества канцеляріи и въ тоже время посѣщать Петербургскій университетъ для дополненія общаго юридическаго образованія. Затѣмъ молодые юристы были отправлены въ Берлинъ подъ руководство знаменитаго Савиньи и профессора Рудорфа. Многіе изъ нихъ оказались людьми талантливыми и всѣ отличались упорнымъ трудолюбіемъ. Не всѣ они выдержали суровую школу. Пѣшехоновъ умеръ за границею; самый даровитый изъ нихъ Знаменскій умеръ отъ чахотки вскорѣ по возвращеніи изъ за границы. Большая часть остальныхъ сгруппированы въ новомъ факультетѣ Кіевскомъ, гдѣ призваны были положить начало новому научно-положительному изученію права. Всѣ они, при большомъ разнообразіи духовныхъ силъ и характеровъ, одинаково служили указанному направленію.

Въ Кіевѣ постепенно собрались четверо изъ нихъ: Неволинъ, Богородскій, Орнатскій и Ѳедотовъ-Чеховскій. Во главѣ ихъ безспорно стоитъ К. А. Неволинъ, истинный создатель ученаго правовѣдѣнія въ Россіи, творецъ неумирающихъ до сихъ поръ «энциклопедіи» и «исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ», воспитатель многихъ поколѣній юристовъ сначала въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ,—поколѣній, обязанныхъ его преподаванію точностію и ясностію понятій, умѣньемъ дѣлать твердые выводы изъ разнообразія юридическихъ казусовъ, а главное—уваженіемъ къ высокому призванію судьи, прежде столь опозоренному продажностію правосудія. Поколѣніе, воспитанное въ 40-хъ годахъ уроками Неволина (и другихъ его современниковъ), дало въ послѣдующія эпохи достаточный контингентъ честныхъ и образованныхъ дѣятелей.

Этимъ не ограничиваются заслуги Неволина для Кіевскаго университета. Послѣ кратковременнаго управленія университетомъ Максимовича и Цыха, онъ принялъ ректорство и съ достоинствомъ держалъ эту власть цѣлыхъ шесть лѣтъ (1837—1843) среди обстоятельствъ, весьма трудныхъ, когда университетъ подвергся временному закрытію (въ 1839 г.), когда была

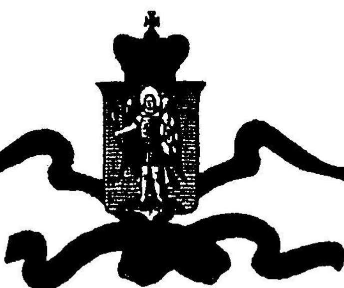


опасность полнаго его закрытія, когда, съ удаленіемъ всѣхъ польскихъ профессоровъ, пришлось вновь создавать почти весь составъ преподавателей, когда воздвигалось зданіе университета, что требовало постояннаго участія университетской власти въ дѣйствіяхъ строительнаго комитета, когда особенно часто навѣщалъ Кіевъ и университетъ Императоръ Николай Павловичъ, вникавшій во все и зорко видѣвшій всѣ недостатки. Заботливость этого Государя объ успѣхахъ юридическаго образованія выразилась особенно при посѣщеніи имъ Кіева въ 1835 г., когда Неволинъ и его товарищи еще только прибыли въ Кіевъ. Не имѣя свободнаго времени, Государь, однако, согласился, по просьбѣ Брадке, принять профессоровъ у себя; онъ прежде всего освѣдомился: здѣсь ли воспитанники II отдѣленія? На утвердительный отвѣтъ попечителя, онъ продолжалъ: «да, это надежда Россіи; надѣюсь, что они оправдаютъ попеченіе о нихъ правительства». Понятно, какъ должно было возбуждать энергію въ молодыхъ людяхъ, еще не начинавшихъ своей дѣятельности, такое вниманіе могущественнаго Монарха. Въ началѣ 1843 г. Неволинъ перешелъ въ Петербургъ.

Другъ и постоянный помощникъ Неволина С. О. Богородскій, преподававшій сначала по каѳедрѣ благоустройства, но съ 1839 года перешедшій на каѳедру уголовныхъ законовъ, связалъ свое имя съ этою послѣднею наукою на всѣ послѣдующіе годы царствованія Императора Николая Павловича (до 1855 г.). Онъ первый создалъ въ нашемъ университетѣ надлежащее направленіе науки уголовнаго права, излагая положительное русское право историко-сравнительнымъ методомъ.

С. Н. Орнатскій (до 1843 г.) и А. А. Федотовъ-Чеховскій были представителями цивилистическаго отдѣла правовѣдѣнія; послѣдній оставался на каѳедрѣ также до временъ новаго царствованія.

Счастливая судьба юридическаго факультета снабжала его достойными дѣятелями не изъ одного II отдѣленія; весьма цѣнные преподаватели пріобрѣтены имъ изъ Педагогическаго института и изъ состава поль-





скихъ ученыхъ. Изъ первыхъ (кромѣ Цвѣткова) первое мѣсто занимаетъ въ благодарной памяти университета Н. Д. Иванишевъ, преемникъ Богородскаго по каѳедрѣ благоустройства (съ 1838 г.). Но не эта наука создала ему славу; она была для него почти стороннимъ предметомъ; главное вниманіе его было обращено на славянское право и исторію западной Россіи. Интересъ къ первому предмету развился у него во время путешествія за границу (въ 1836—1838 годахъ), когда въ Чехіи наступилъ полный разцвѣтъ славянскихъ идей и славянской науки. Результатами работъ Иванишева въ этомъ направленіи были ученые труды его, до сихъ поръ не потерявшіе свѣжести и значенія. Величайшею же заслугою его было — устройство при университетѣ (въ 1852 г.) центральнаго архива актовыхъ книгъ прежнихъ польскихъ судовъ (до 1799 г. включительно), при чемъ спасены отъ неминуемой гибели драгоцѣннѣйшіе историческіе матеріалы западно-русской исторіи въ огромномъ количествѣ. Мысль, поданная Иванишевымъ, примѣнена была и къ сѣверо-западному краю, гдѣ учреждены архивы въ Вильнѣ и Витебскѣ. Онъ-же положилъ основаніе правильному изданію актовыхъ и другихъ матеріаловъ въ начатомъ имъ ученомъ изданіи «Архивѣ Юго-Западной Россіи», который служитъ органомъ Кіевской археографической комиссіи, имъ же устроенной. Одно это могло составить незыблемую славу Иванишеву въ нашемъ краѣ. Но сверхъ того, онъ памятенъ университету, какъ деканъ (1843—1857 г.), управлявшій факультетомъ въ тяжелыя времена, и какъ ректоръ университета (1862—1865 г.) во времена смутъ и польскихъ движеній, сильно отразившихся на университетѣ св. Владиміра. Призванный послѣ возстанія на широкую арену возсозданія правомѣрнаго порядка въ Польшѣ, онъ почувствовалъ себя тамъ въ чужой сферѣ и окончилъ жизнь одинокимъ анахоретомъ въ родномъ Кіевѣ.

Польскій контингентъ юристовъ былъ немногочисленъ, но весьма замѣчателенъ. Кременецъ передалъ Кіеву даровитаго А. Н. Мицкевича (родного брата знаменитаго поэта), который преподавалъ римское право; Виленскій университетъ далъ Кіевскому И. Н. Даниловича, предшественника

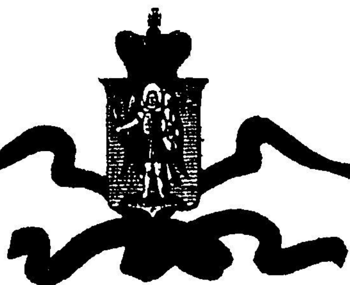




Иванишева по изученію западно-русскаго права, перваго издателя важнѣйшихъ памятниковъ этого права. Оба они ушли, однако, скоро: Мицкевичъ въ 1838 г., Даниловичъ же переведенъ въ Москву въ 1839 году.

Кругъ исчисленныхъ кіевскихъ юристовъ еще въ царствованіе Императора Николая Павловича успѣлъ воспитать себѣ достойныхъ преемниковъ: съ 1839 г. появился на каѳедрѣ государственнаго права первый кіевскій воспитанникъ—С. П. Романовскій (вскорѣ, впрочемъ, ушедшій), а затѣмъ Вигура (съ 1847 г. по 1856 г.) по каѳедрѣ государственнаго права, Г. И. Эйсманъ (съ 1848 г.), преподававшій исторію русскаго права; но гораздо выше всѣхъ этихъ упомянутыхъ стоятъ къ памяти университетскихъ поколѣній К. А. Митюковъ (съ 1846 г.) и В. А. Незабитовскій (съ 1853 г.). Первый создалъ римское право въ нашемъ университетѣ, поставивъ его на первое мѣсто въ ряду юридическихъ наукъ. Традиціи Неволина относительно опредѣленности и точности юридическихъ положеній и особыхъ свойствъ юридическаго языка нашли въ Митюковѣ лучшаго выразителя. Въ концѣ 40-хъ годовъ онъ (вмѣстѣ съ Иванишевымъ и Богородскимъ) спасали старую славу юридическаго факультета, въ то время, какъ новые дѣятели, подкошенные невзгодами времени, падали духомъ, хирѣли и преждевременно умирали. Что касается В. А. Незабитовскаго, то онъ съ своимъ многостороннимъ умомъ и отзывчивою талантливостью не удовлетворялся, подобно Иванишеву, наукою каѳедры (т. е. международнымъ правомъ); значеніе его въ факультетѣ опирается, не столько на преподаваніи, сколько на другихъ заслугахъ, какъ проректора, декана и члена факультета и совѣта, гдѣ былъ просторъ для проявленія достоинствъ не только ума его, но и сердца.

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни университета того времени составляетъ учрежденіе въ немъ медицинскаго факультета. По первоначальному уставу университета Св. Владиміра 1833 г. въ немъ не былъ учрежденъ, а лишь обѣщанъ медицинскій факультетъ; но Высочайшими указами 27 и 29 апрѣля 1840 года было повелѣно министру народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о присоединеніи Виленской медико-хи-



ругической академіи, по преобразованіи ея въ медицинскій факультетъ, къ университету Св. Владиміра, когда довершится воздвигаемое въ Кіевѣ для него зданіе. Впослѣдствіи было найдено болѣе полезнымъ образовать медицинскій факультетъ при этомъ университетѣ изъ совершенно новыхъ элементовъ (т. е. не изъ виленскихъ профессоровъ) и перевести изъ Вильны только подходящія части медицинскихъ и естественно-историческихъ коллекцій, а также не откладывать открытія факультета до окончательной отстройки зданія, а начать преподаваніе съ 1841—2 учебнаго года.

По мысли графа Уварова, медицинскому факультету университета Св. Владиміра готовилась особенная выдающаяся роль среди медицинскихъ факультетовъ Имперіи; а именно, С. С. Уваровъ выразилъ слѣдующее соображеніе: «для приведенія въ совершенное устройство преподаванія врачебныхъ наукъ, можно бы сосредоточить его въ двухъ главныхъ мѣстахъ, именно въ Москвѣ для сѣверной части Имперіи, и въ Кіевѣ для южной части; въ этомъ порядкѣ (медицинскіе) факультеты въ Дерптѣ, Казани и Харьковѣ будутъ нѣкоторымъ образомъ служить вспомогательными учебными заведеніями и войдутъ въ одинъ кругъ съ двумя главными». Какое основаніе имѣлъ графъ Уваровъ при этомъ предположеніи—не знаемъ; но несомнѣнно, что оно не могло быть выполнено при тѣхъ средствахъ, какія были даны при первоначальномъ устройствѣ медицинскаго факультета въ Кіевѣ.

Всего болѣе затруднительнымъ представлялся вопросъ о помѣщеніи медицинскихъ факультетскихъ учрежденій, т. е. клиникъ, анатомическаго театра и института казеннокоштныхъ студентовъ-медиковъ. Сначала предположено было выстроить особыя помѣщенія для медицинскаго факультета на томъ пустырѣ, гдѣ стояли провіантскіе магазины, и гдѣ первоначально предположено было поставить главное зданіе университета; затѣмъ графъ Уваровъ, при личномъ осмотрѣ, нашелъ, что воздвигаемое зданіе университета на столько обширно, что можетъ вмѣстить и медицинскій факультетъ; полагали, впрочемъ, сдѣлать для того флигель на дворѣ университета; наконецъ и эта мысль была оставлена, и рѣшили всѣ учреж-



денія (въ томъ числѣ клиники) ввести въ главное зданіе (кромѣ анатомическаго театра). Съ того времени и до 80-хъ годовъ клиники дѣйствительно помѣщались въ самомъ университетѣ, принося и себѣ и университету много вреда. До окончательной отстройки главнаго зданія университета медицинскія учрежденія были помѣщены временно въ частномъ домѣ на Лютеранской улицѣ.

Еще въ концѣ 1840 г. былъ назначенъ первый профессоръ медицинскаго факультета В. А. Караваевъ (воспитанникъ Казанскаго и докторъ Дерптскаго университета). Хотя спеціальность его была хирургія, преподаваніе которой могло быть начато лишь впослѣдствіи, по мѣрѣ открытія старшихъ курсовъ, а не на первомъ курсѣ, предположенномъ къ открытію въ 1841 году; но на него пока возложено преподаваніе энциклопедіи и методологіи медицины, а также на его долю выпали хлопоты по первоначальному устройству факультета. Съ того времени, въ теченіе полустолѣтія, В. А. Караваевъ несъ на себѣ одинъ всѣ труды преподаванія по своей обширной каѳедрѣ и, въ качествѣ врача-практика, заслужилъ себѣ широкую и почетную извѣстность.

Назначенія на каѳедры медицинскаго факультета шли быстро; здѣсь не встрѣчалось тѣхъ затрудненій, съ какими было сопряжено устройство другихъ факультетовъ: и Казань, и Москва, въ особенности-же Дерптъ, доставляли докторовъ-медиковъ въ изобиліи. Почти одновременно съ Караваевымъ прибылъ (въ 1841 г.) Н. И. Козловъ и занялъ каѳедру физіологической анатоміи, а затѣмъ анатоміи патологической, когда (въ 1843 году) былъ назначенъ А. П. Вальтеръ, занявшій первую каѳедру; Козловъ, подобно Караваеву, былъ воспитанникомъ Казанскаго университета и докторомъ Дерптскаго. Съ 1846 г. на каѳедрѣ патологіи появился памятный Кіеву С. П. Алферьевъ. Въ томъ же 1841 г., когда университетъ пріобрѣлъ профессора Козлова, былъ назначенъ первый клиницистъ терапевтъ нашего университета—Ѳ. С. Цыцуринъ (изъ студентовъ Харьковскаго университета, докторъ Дерптскаго университета); но пока его преподаваніе не могло быть начато, онъ былъ командированъ за границу.



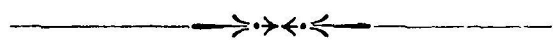
Имена Цыцурина и Козлова достаточно извѣстны въ Россіи, такъ какъ по выходѣ изъ университета они явились на широкой аренѣ медицинскаго управленія въ Имперіи.

Вмѣстѣ съ Цыцуринымъ былъ посланъ за границу Крамаренковъ, который назначенъ былъ на каѳедру акушерства и возбуждалъ особыя надежды по своимъ дарованіямъ, но онъ, къ сожалѣнію, скончался за границею и погребенъ въ Прагѣ, не начавши профессорской дѣятельности. На его мѣсто (но уже черезъ 6 лѣтъ въ—1847 г.), былъ опредѣленъ А. П. Матвѣевъ, воспитанникъ Московскаго университета, служившій университету долго, не только какъ профессоръ и клиницистъ, но и какъ деканъ, какъ проректоръ и, наконецъ, неоднократно какъ ректоръ (1865—1871 и 1875—1878 г.), въ тѣ времена, когда отправленіе этой обязанности было сопряжено не только съ трудомъ, но и съ опасностями. Какъ врачъ-практикъ, онъ оставилъ по себѣ признательную память, не только въ Кіевѣ, но и далеко за его предѣлами.

Въ 1842 г. былъ назначенъ преподавателемъ по каѳедрѣ физіологіи Э. Э. Мирамъ, слушавшій медицинскіе курсы въ Петербургѣ, Дерптѣ и Вильнѣ, гдѣ ему было поручено преподаваніе зоологіи и сравнительной анатоміи. При назначеніи въ университетъ Св. Владиміра, онъ быстро прошелъ всѣ степени профессорскихъ повышеній и затѣмъ долгое время управлялъ факультетомъ въ качествѣ декана (1853—1861 г.). Оставалась незамѣщенною еще одна каѳедра т. н. государственнаго врачебновѣдѣнія; подъ такимъ названіемъ скрывались слѣдующія многія науки: гигіена и діэтетика, судебная медицина, медицинская полиція и ветеринарныя науки, въ частности—ученіе объ эпизоотіяхъ. Преподаватель, ко всему этому, обязанъ былъ читать особый курсъ судебной медицины для юристовъ. Для надлежащаго выполненія обязанностей, онъ долженъ былъ имѣть не только медицинское, но и юридическое образованіе. За такую нелегкую задачу взялся въ концѣ 1842 г. проф. Леоновъ, тщетно просившій послѣ себѣ адъюнкта, и, наконецъ, получившій его въ 1847 г. въ лицѣ Х. Я. фонъ-Гюббенета. Леоновъ выдержалъ свою трудную роль около



10 лѣтъ (до 1853 г.), когда, наконецъ, попросилъ увольненія. На его мѣсто былъ предназначенъ проф. Ѳ. Ѳ. Мерингъ, уроженецъ Саксоніи, докторъ Дерптскаго университета, рекомендованный Н. И. Пироговымъ. Однако Меринга судьба спасла отъ пестрой каѳедры Леонова, и онъ впослѣдствіи занялъ мѣсто Цыцурина и съ великою пользою продолжалъ его клиническую дѣятельность терапевта, обезсмертивъ себя въ памяти мѣстнаго населенія и своею искусною врачебною практикою.



4. Описаніе губерній Кіевскаго учебнаго округа.

Мы видѣли, что, въ самомъ началѣ своего существованія, университетъ, въ лицѣ своихъ членовъ, принималъ весьма дѣятельное участіе въ открытіи и приведеніи въ порядокъ древностей г. Кіева. Въ концѣ настоящаго періода онъ принялъ не менѣе близкое участіе въ другомъ важномъ для Кіева и всего края предпріятіи—описаніи губерній Кіевскаго учебнаго округа. Съ 1851—1864 г. при университетѣ состояла «постоянная комиссія» для описанія означенныхъ губерній, уставъ которой былъ утвержденъ 22 декабря 1850 г. Поводомъ къ ея учрежденію послужили изслѣдованія членовъ университета, касавшіяся преимущественно юго-западнаго края, въ естественно-историческомъ отношеніи. Д. Г. Бибиковъ, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ и управляющимъ Кіевскимъ учебнымъ округомъ (съ 1848 г.), пожелалъ сосредоточить эти изслѣдованія главнымъ образомъ въ предѣлахъ мѣстности, ближайшей къ университету. Усматривая-же изъ представленія совѣта этого послѣдняго, что три губерніи Кіевскаго учебнаго округа—Кіевская, Подольская и Волынская—изслѣдованы уже довольно подробно въ означенномъ отношеніи, онъ полагалъ вполнѣ достойнымъ ученой дѣятельности университета привести имѣющіяся свѣдѣнія въ систему, дополнить ихъ новѣйшими изслѣдованіями и издать оныя въ видѣ сборника или особаго сочиненія, для каковой цѣли предложилъ учредить редакціонный комитетъ



изъ членовъ физико-математическаго факультета. Передавая свою мысль на обсуждніе совѣта, Бибиковъ предложилъ сообщить ему планъ изданія. Представленный планъ, въ который должны были войти изслѣдованія края въ зоологическомъ, ботаническомъ и геогностическомъ отношеніяхъ, былъ одобренъ, и въ то-же время, по мысли Бибикова, составлены были также планы описанія края въ отноценіяхъ географическомъ, статистическомъ, историческомъ, сельско-хозяйственномъ и технологическомъ.

Открытіе комиссіи послѣдовало 21 февраля 1851 г. Каждый членъ университетскаго сословія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ членомъ комиссіи, коль скоро изъявлялъ желаніе участвовать въ ея трудахъ. Въ дѣйствительные члены и сотрудники принимались лица изъ мѣстныхъ владѣльцевъ и вообще изъ людей, могущихъ содѣйствовать ученымъ цѣлямъ комиссіи. Въ почетные члены и соревнователи принимались лица, желающія споспѣшествовать комиссіи денежными средствами. Дѣятельность комиссіи распредѣлена была, согласно уставу, по четыремъ отдѣленіямъ: географическому, естественно-историческому, промышленному и статистическому. Такимъ образомъ, комиссія являлась въ то время ученымъ обществомъ, учрежденнымъ при университетѣ. Комиссія просуществовала съ 1850—1864 г., когда новыя явленія жизни потребовали новыхъ условій дѣятельности и иной организаціи учрежденія, несомнѣнно принесшаго пользу въ той скромной сферѣ, какая была предоставлена ему тогда.

Наиболѣе оживленная дѣятельность комиссіи относится къ годамъ, въ которые учеными секретарями были: Д. П. Журавскій (1851—1852) и Н. Х. Бунге (1852—1854).

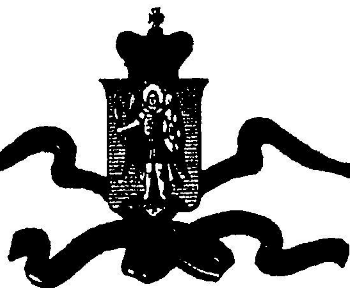
Въ теченіе своего существованія комиссія издала четыре тома—«Трудовъ» (1851, 1853, 1854 и 1861), большая часть которыхъ относится къ флорѣ, фаунѣ, минералогіи, геологіи и статистикѣ края. Въ числѣ же статей по этой послѣдней находимъ изслѣдованія, посвященныя табачной, желѣзной, свеклосахарной промышленности, кредитнымъ операціямъ и пр.



5. Экономическія средства университета и постройка зданій для него.

Поименованныя научныя силы, собранныя въ университетѣ св. Владиміра въ теченіе 22 лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича, были вполнѣ достаточны для надлежащаго выполненія высокихъ общекультурныхъ и національныхъ задачъ университета. Достаточно назвать имена Максимовича, Селина, Новицкаго, Цыха, Шульгина, Павлова, Бунге, Бессера, Гофмана, Миддендорфа, Кесслера, Траутфеттера, Неволина, Богородскаго, Даниловича, Иванишева, Митюкова, Незабитовскаго, Караваева, Козлова, Цыцурина, Меринга и др., чтобы понять, какъ достойно исполнялъ университетъ свою цивилизаторскую миссію въ этомъ краѣ. Около 1200 лицъ, получившихъ полное и, при тогдашней строгости экзамена, несомнѣнное образованіе въ немъ за все время, составляютъ такую боевую силу культуры, которая уже тогда оправдала надежды основателей университета. 60 ученыхъ, получившихъ магистерство или докторство въ ту эпоху, (какъ ни мало кажется намъ это число теперь), тогда являлось достаточнымъ кадромъ для дальнѣйшаго движенія науки въ нашемъ краѣ. Но для успѣха дѣла недостаточно призвать къ дѣятельности людей достойныхъ; надо создать для нихъ такія условія, при которыхъ они могли проявлять свою дѣятельность безъ препонъ и задержекъ. Съ моральной стороны такія условія несомнѣнно были даны уставами 1833 и 1842 годовъ (до 1849 года), создавшими достаточно просторную и здоровую атмосферу для университетской науки.

Къ великому сожалѣнію, нельзя того же сказать о штатахъ того времени и вообще объ экономическомъ состояніи университета. Хотя университетъ наслѣдовалъ большіе капиталы отъ Кременецкаго лицея, но эти суммы все уменьшались съ теченіемъ времени; напр. большое Кременецкое староство, состоявшее изъ селъ Дунаева, Дворца, фольварочка Сапанова, Мильновецъ, Подлѣссцевъ, Жолобова, Грабовки и Сычовки, при учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, перешло въ казну,



и въ замѣнъ доходовъ съ него университету назначено къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства только 2390 р. 10 к. Разумѣется, освобожденіе университета отъ непосредственнаго управленія имѣніями было совершенно необходимо; прежде профессорамъ приходилось ѣздить по имѣніямъ, наблюдать за арендаторами, отвѣчать въ судѣ за своихъ крестьянъ и т. п. Частныя фундушевыя записи постепенно отпадали путемъ исковъ и просьбъ. По штату 1833 г. на весь университетъ было ассигновано 71 тысяча. Когда же подготовлялся новый уставъ и штатъ, то университетъ проэктировалъ свои доходы изъ государственнаго казначейства въ 193 тысячи минимумъ, имѣя въ виду и содержаніе медицинскаго факультета; дѣйствительно же по штату 1842 г. было назначено только 132,660 р., включая сюда и суммы Виленской медико-хирургической академіи, отпускавшіяся изъ государственнаго казначейства въ количествѣ 104,434 р. Такимъ образомъ, при полномъ устройствѣ университета въ четырехъ нынѣшнихъ его факультетахъ, государственная казна не увеличила, а уменьшила свои расходы почти на 42 тысячи въ годъ.

Понятно, какъ могли страдать при этомъ учебно-вспомогательныя учрежденія; въ особенности пагубно отражалось это на преподаваніи такихъ наукъ, какъ астрономія, химія, физика и большая часть медицинскихъ (особенно клиническихъ) наукъ; нелегко было добыть нужную книжку; трудно было напечатать готовую диссертацію или научный рефератъ, а еще болѣе—съѣздить въ другой свой или заграничный городъ, чтобы посмотрѣть, какъ ведутъ дѣло другіе.

Всего же болѣе вреда такая экономія приносила въ дѣлѣ личнаго обезпеченія профессоровъ. По штату 1833 г. были назначены слѣдующія громкія цыфры жалованья: ординарному профессору 4500, экстроординарному 3400, адъюнкту 2300; но это—цыфры ассигнаціонныя: по переводѣ на дѣйствительную стоимость денегъ (на серебро) жалованіе ординарнаго равнялось 1300 р.

Въ патріархальномъ быту Кіева 30-хъ годовъ съ этимъ кое-какъ мирились; но въ 40-хъ годахъ, по мѣрѣ развитія города (чему, между прочимъ,



Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Университетъ Св. Владиміра со стороны Ботаническаго сада.



содѣйствовалъ именно университетъ), жить на 900, на 700 р. было уже не возможно. Предъ изданіемъ устава 1842 г. совѣтъ проектировалъ жалованіе (минимальное, по его разсчету) въ 1675 р. ординарному профессору; но штатъ 1842 г. опредѣлилъ лишь 1350 р. с., экстроординарному 980, адъюнкту 690 р., т. е. увеличилъ прежнее содержаніе ординарнаго профессора на 50 р.

Слѣдствія того были весьма печальны; чтобы не впасть въ буквальную нищету, профессора должны были прибѣгнуть къ посторонннимъ занятіямъ въ ущербъ своей университетской и ученой дѣятельности: одни совмѣщали съ профессурою должности директоровъ гимназіи (какъ Богородскій); медики искали службы въ госпиталѣ и Кирилловской больницѣ, а главное —неумѣренной практики; нѣкоторые принуждены были спуститься до содержанія у себя пансіонеровъ-студентовъ, что бросало предосудительную тѣнь на ихъ отношенія къ своимъ пансіонерамъ на экзаменахъ; многіе давали уроки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ, иные стремились въ цензурный комитетъ и т. д.

Лишь одна сторона экономическаго быта университета того времени выступаетъ блистательно: это—устройство зданій университета. Съ перваго же года по учрежденіи университета начались заботы о постройкѣ главнаго зданія для него, въ чемъ принималъ живое и непосредственное участіе самъ Императоръ Николай Павловичъ. Онъ самъ указалъ мѣсто для возведенія постройки тамъ, гдѣ были тогда провіантскіе магазины и гдѣ нынѣ училище гр. Левашевой, 2-я гимназія и соборъ св. Владиміра; но потомъ самъ же перемѣнилъ его на нынѣшнее, гдѣ въ то время былъ обширный пустырь, окруженный оврагами. Государь предположилъ противъ зданія университета воздвигнуть кадетскій корпусъ; но комиссія, которой предоставленъ былъ въ 1835 г. окончательный осмотръ мѣстности, состоявшая изъ генералъ-губернатора, попечителя учебнаго округа и профессора архитектуры Беретти, нашла, что такое совмѣщеніе двухъ громадныхъ зданій въ одномъ пунктѣ невозможно по тѣснотѣ пространства, наклону мѣстности и взаимному закрытію одного зданія другимъ. Въ то-



же время определено и мѣсто для будущаго ботаническаго сада; первоначально для него предназначалась мѣстность нынѣшнихъ Тарасовской и Нижневладимірской улицъ, но комиссія, состоявшая изъ профессоровъ Максимовича, Бессера, Андржіовскаго и Беретти, нашла эту мѣстность совершенно неудобною и выбрала другую, гдѣ тогда помѣщался жандармскій полкъ. Рѣшенія обѣихъ комиссій были утверждены съ нѣкоторыми измѣненіями.

Между тѣмъ еще до 1835 года составлялись проэкты зданія и въ количествѣ четырехъ были представлены на собственное усмотрѣніе Государя; Государь выбралъ изъ нихъ проэктъ архит. Беретти. Графъ Уваровъ назвалъ этотъ проектъ по истинѣ прекраснымъ; будучи выполненъ, онъ подлежитъ теперь всеобщей оцѣнкѣ. Зданіе составляетъ квадратъ, съ внутреннимъ дворомъ; изъ четырехъ фасадовъ его, дѣйствительно, художественый эффектъ производитъ западный, обращенный къ Ботаническому саду.

Казалось, что можно уже приступить къ закладкѣ и постройкѣ, но, къ удивленію, смѣта не только не была утверждена, но даже не составлена. Профессоръ Беретти «словесно» сообщилъ гр. Гурьеву, что для возведенія зданія потребуется до 8 милліоновъ (т. е. около 2,200,000 р. с). Между тѣмъ въ 1835 г. Государь собирался въ Кіевъ, и гр. Уваровъ, взявъ съ него условное («если успѣю») обѣщаніе присутствовать при закладкѣ, поспѣшилъ изготовить въ Петербургѣ доску и медали и съ оказіею (чрезъ проф. Даниловича) переслалъ въ Кіевъ. 10-го октября въ 9 часовъ пополудни Государь прибылъ въ Кіевъ; Брадке явился къ гр. Бенкендорфу и получилъ отъ него обѣщаніе, что Государь осмотритъ всѣ учебныя заведенія и будетъ присутствовать при закладкѣ. Но чрезъ нѣсколько часовъ все измѣнилось: гр. Гурьевъ объявилъ Брадке, что Государь совершенно не имѣетъ времени осматривать учебныя заведенія, а можетъ видѣть ихъ лишь въ общемъ сборѣ учениковъ въ одномъ мѣстѣ, а при закладкѣ совсѣмъ не будетъ. Такая перемѣна объяснилась тотчасъ же: когда гр. Гурьевъ, по словесному заявленію Беретти, доложилъ Государю,



Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Главный залъ библіотеки Университета Св. Владиміра.

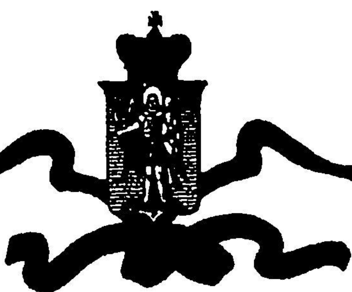


какая огромная сумма потребуется для постройки университета, то Государь замѣтилъ, что такая громадная сумма едва ли допуститъ возведеніе зданій по предположенному плану. Попечитель отвѣчалъ Гурьеву, что ему «ничего неизвѣстно» о 8 милліонахъ, что во всякомъ случаѣ это лишь примѣрное предположеніе, ибо «смѣта еще и не начата». Послѣ осмотра учениковъ въ благородномъ пансіонѣ, Государь принялъ у себя въ залѣ всѣхъ профессоровъ и студентовъ университета; вмѣстѣ съ профессорами представлялся и архитекторъ Беретти, которому Государь сказалъ: „ много восемь милліоновъ; 8 милліоновъ все равно, что нуль.“ Послѣ пріема университетскихъ чиновъ, Государь полчаса бесѣдовалъ съ Брадке, начавъ съ того, что сумма, въ 8 милліоновъ для зданій университета, по смѣтѣ архитектора, такъ велика, что онъ долженъ былъ отложить закладку. Брадке доложилъ, что если Беретти и сказалъ гр. Гурьеву о 8 милліонахъ, то лишь съ цѣлью побудитъ его сократить чрезмѣрно высокія справочныя цѣны. Тогда Государь спросилъ, въ сколько же, по мнѣнію Брадке, могла бы обойтись постройка? Брадке отвѣчалъ, что, при отсутствіи смѣты, объ этомъ судитъ трудно; но онъ полагаетъ, что больше 3 ,или $3^1/_2$ милліоновъ не потребуется, а университетъ имѣетъ уже болѣе $1^1/_2$ милліона назначенныхъ на это суммъ. Государь приказалъ оставить Беретти въ Кіевѣ для составленія смѣты и озаботиться уменьшеніемъ справочныхъ цѣнъ.

Тогда образованъ былъ строительный комитетъ подъ главнымъ руководствомъ генералъ-губернатора и предсѣдательствомъ попечителя, изъ помощника попечителя, инспектора работъ и двухъ совѣтниковъ по строительной и хозяйственной части. Содержаніе этого комитета обходилось въ 32 тысячи рублей ассигнаціями въ годъ.

Смѣта, наконецъ, была составлена, и въ ней оказался общій итогъ не въ 8 милліоновъ, а только въ 4. Впослѣдствіи найдено было возможнымъ понизить и эту послѣднюю цифру *). Строительный періодъ пер-

*) До дѣйствительной стоимости зданія добраться нелегко, при постоянныхъ исправленіяхъ смѣты въ Коммиссіи проэктовъ и смѣтъ (въ Главномъ Управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій) и



воначально былъ разсчитанъ на пять лѣтъ (1836-1841 г.) но когда дѣло со смѣтою затянулось, то закладка зданія состоялась лишь въ іюлѣ 1837 года.

Въ 1840 году опять посѣтилъ Кіевъ Государь Николай Павловичъ и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. 11 августа они осматривали институтъ казенно-коштныхъ воспитаниковъ и вновь отсраивающееся зданіе университета. Послѣднимъ Государь остался гораздо болѣе доволенъ; зданіе, снаружи уже совершенно оконченное, заняло его своею величественностію. Вслѣдъ за Государемъ осматривалъ университетъ и его будущее помѣщеніе графъ Уваровъ. Къ веснѣ 1842 г. главное зданіе было уже вполнѣ закончено. Съ 15 іюля 1842 года университетъ открылъ свои дѣйствія въ новомъ помѣщеніи, которое и теперь стоитъ незыблемо, какъ многовѣчный памятникъ минувшей эпохи, импонируя прочностью, величіемъ и нѣкоторой суровостью архитектурнаго стиля Николаевской эпохи.

Университетъ Св. Владиміра, занявъ мѣсто Виленскаго университета и Кременецкаго лицея, унаслѣдовалъ отъ нихъ вполнѣ или отчасти принадлежавшіе имъ фундуши, коллекціи и библіотеки. Такимъ образомъ, уже въ началѣ 1841 г. въ библіотекѣ университета считалось 34939 названій книгъ и рукописей, въ 52157 томахъ, и 147 названій періодическихъ изданій, всего на сумму 86177 р. сер., а число книгъ, пріобрѣтенныхъ въ этотъ періодъ университетомъ покупкою, составляло лишь 3421 томъ.

Съ пріобрѣтеніемъ этихъ коллекцій уже на первыхъ порахъ при университетѣ св. Владиміра были устроены слѣдующія учрежденія: 1) нумизматическій кабинетъ, 2) музей изящныхъ искусствъ, 3) физическій кабинетъ, 4) химическая лабораторія, 5) минералогическій кабинетъ, 6) зоологическій кабинетъ, 7) ботаническій кабинетъ, 8) ботаническій садъ. Вслѣдствіе-же передачи въ вѣдѣніе университета типографскихъ и литографскихъ

при производствѣ постройки до утвержденія смѣты. Приблизительно же стоимость главнаго зданія можетъ быть опредѣлена въ 1½ мил. р. сер.



Свѣтопечать С. В. Кульженко

Астрономическая обсерваторія.



принадлежностей бывшаго главнаго штаба I-ой арміи (1835) и съ отчисленіемъ на первое время части находившихся при военной типографіи служащихъ нижнихъ чиновъ, при университетѣ св. Владиміра учреждена была и типографія, существовавшая по 1886 годъ.

Независимо отъ того, въ 1841-1845 гг. была отстроена отдѣльная отъ университета Астрономическая обсерваторія (на возвышенной мѣстности по Бульварно-Кудрявской улицѣ), возведеніе которой обошлось (съ устройствомъ подвижной башни для рефрактора) въ 34432 р., а нѣсколько позже въ 1851-1853 гг.) построенъ Анатомическій театръ (по Фундуклеевской улицѣ), до того времени не разъ мѣнявшій свое помѣщеніе, стоимостью въ 135.000 р., въ счетъ суммы, полученной университетомъ отъ Кременецкаго лицея. По поводу освященія этого зданія, профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ въ рѣчи своей, между прочимъ, сказалъ, что «Анатомическій театръ есть монументъ, выражающій то направленіе, которому до сихъ поръ слѣдовалъ медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, и состоящее въ томъ, что факультетъ, опираясь на науку, дѣлаетъ ее благотворною для жизни». Упомянувъ объ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе медицинскаго факультета въ Кіевѣ, онъ съ чувствомъ глубокой признательности произнесъ имя бывшаго своего наставника, знаменитаго Пирогова, «котораго геній служитъ путеводною звѣздою къ наукѣ анатоміи и котораго указаніями руководствовался и здѣшній медицинскій факультетъ, не дающій у себя хода ни Радемахеризму, ни гомеопатіи, ни старому эмпиризму, но слѣдующій вообще учено-практическому направленію, а изъ новѣйшихъ направленій давшій полное развитіе органической химіи, физіологической методѣ и патологической анатоміи.» Далѣе, представивъ въ краткомъ очеркѣ исторію анатоміи въ Россіи, профессоръ Вальтеръ напомнилъ, что «первымъ основателемъ анатоміи въ нашемъ отечествѣ былъ Петръ Великій, который, изучая въ Саардамѣ искусство кораблестроенія, учился въ то-же время анатоміи у Рюйша», и затѣмъ, обозрѣвъ успѣхи, оказанные съ тѣхъ поръ русскими въ этой наукѣ, замѣтилъ, что «если-бы Ве-





ликій Преобразователь могъ посмотрѣть на великолѣпное зданіе кіевскаго Анатомическаго театра, духъ его обрадовался-бы, сравнивъ его съ душною и мрачною комнатою Рюйша, въ которой онъ самъ учился анатоміи». Въ то время спеціалисты утверждали единогласно, что «новый анатомическій театръ, удовлетворяя вполнѣ своему назначенію, по великолѣпію и удобству, не имѣетъ ничего подобнаго, не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ». Съ тѣхъ поръ научныя требованія въ этомъ отношеніи, конечно, во многомъ и весьма значительно измѣнились.

Университетскія клиники съ самаго начала размѣщены были въ зданіи университета, въ которомъ и оставались по 1888 годъ, когда онѣ переведены были въ новыя помѣщенія, возведенныя въ университетской усадьбѣ, рядомъ съ ботаническимъ садомъ.



Быть можетъ не все, что сдѣлано Имераторомъ Николаемъ Павловичемъ для Кіева; устоитъ предъ всесокрушающимъ дѣйствіемъ времени; но вѣримъ, что этого не можетъ случиться съ тѣмъ свѣточемъ науки, который зажженъ имъ въ этомъ краѣ.

Онъ не угасъ въ тяжкую годину сомнѣній въ пользѣ высшей науки; не былъ затушенъ бурями послѣдующихъ политическихъ переворотовъ.

Здѣсь именно Императоръ Николай I воздвигъ себѣ памятникъ «чудесный вѣчный»; «къ нему не заростетъ народная тропа».







Свѣтопечать С. В. Кульженко

Анатомическій театръ.